

**Вячеслав Бакулин
Дарья Зарубина
Надежда Трофимова
Наталья Михайловна Караванова
Юлия Рыженкова
Наталья Федина
Юстина Южная
Ирина Черкашина
Евгения Максимова
Эрик Гарднер
Игорь Корель
Ник Перумов
Эльдар Сафин
Наталья Болдырева
Мила Коротич
Евгения Данилова
Сергей Игнатъев
Михаил Кликин
Александра Давыдова
Наталья Колесова
Некроманты (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215563
Некроманты : [сборник фантастических рассказов] / сост. Н. Перумов, Д. Зарубина: Эксмо;
Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77239-1*

Аннотация

Юный некромант приезжает в гости к тете Аглае, готовясь провести обычное скучное лето, и вступает в схватку с демонами преисподней...

Благородный чер Рэкто и его ученик готовы противостоять колдунам и личам таинственной обители ради спасения наследника престола...

Локи спускается в Мидгарт, чтобы отыскать безумца, поднимающего целые кладбища, а в провинциальном Клонмеле объявляется некто, обещающий лишний год жизни тому, кто отважится станцевать со смертью...

Жизнь и смерть на страницах новой фантастической повести Ника Перумова и в произведениях других авторов сборника «Некроманты»!

Содержание

От составителей	5
Ник Перумов	6
Наталья Караванова	36
Эрик Гарднер	63
Надежда Трофимова	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Некроманты (сборник)

© Бакулин В., Болдырева Н., Гарднер Э., Давыдова А., Данилова Е., Зарубина Д., Игнатъев С., Караванова Н., Кликин М., Колесова Н., Корель И., Коротич М., Максимова Е., Перумов Н., Рыженкова Ю., Сафин Э., Тихомиров М., Трофимова Н., Федина Н., Черкашина И., Южная Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

От составителей

«...И у смерти, у жизни учись –
Не бояться ни смерти, ни жизни!»

Как хотелось бы многим из нас в тревожное время научиться тому, о чем пишет Дмитрий Мережковский в своем стихотворении¹. Страх смерти и страх жизни – вот то, что, пожалуй, лежит в основе таинственной притягательности образа некроманта для нас, читателей и писателей. Он бесстрашен. Он черпает свое бесстрашие, свою силу из разных источников, но ведет ли его долг или эгоизм, доброта или злоба – он идет вперед там, где мы сами испугались бы сделать шаг, пересекает границу, которая кажется нам нерушимой. Он имеет смелость перечить законам природы. И читая историю того или иного некроманта, мы на мгновение, час или день – верим, что эти законы меняются, позволяя нам тоже стать чуточку бесстрашнее перед жизнью и смертью.

Некромантия – изначально, исторически – культ поклонения мертвым, надежда на то, что ушедшие от нас в мир иной стали там мудрее и сильнее живых и помогут своим потомкам на этом берегу Стикса. Но знаем мы и уже привычные иные толкования этого слова. Для многих некромантия обозначает власть над мертвым, возможность заставить неживое служить живому.

В этом сборнике истории разных некромантов. Здесь есть и классические создатели зомби, мрачные колдуны, живые и мертвые, есть и путешественники по реке времени, потерявшиеся меж двух берегов. Есть мертвецы, в которых теплится огонек живого, и живые с мертвым сердцем. И есть те, кто стремится подчинить себе смерть для того, чтобы вырастить в пустых глазницах ее черепа росток новой жизни. Для кого-то некромантия – это сама жизнь, источник сил и бессмертия, для кого-то – отчаянный шаг, преступление, для кого-то – рабочая рутина. Для каждого, кто называет себя некромантом или вынужден им быть, – смерть представляет собой не конец и не итог, а лишь одну из неизбежных вех жизненного пути.

Пожалуй, в этом сборнике не просто истории некромантов и их жертв. Это истории о борьбе и сосуществовании живого и мертвого – в мире, природе, социуме, теле и душе человека.

В каждом из героев собранных под этой обложкой рассказов есть сумеречное мерцание двойственности – жизни/смерти. «И смерть и жизнь – родные бездны; / Они подобны и равны, / Друг другу чужды и любезны, / Одна в другой отражены», – говорит тот же Мережковский в «Двойной бездне». О тех вечных вопросах, над которыми пришлось задуматься авторам этого сборника, сложно говорить без пафоса и Больших Букв, однако – представьте – все большие буквы сосредоточены здесь, на странице с предисловием.

Самое сложное позади. Теперь – читайте рассказы о тех, кто научился не бояться ни смерти, ни жизни.

¹ Д. Мережковский. «Что ты можешь? В безумной борьбе».

Ник Перумов

Неправильное лето

Всё в это лето начиналось неправильно. Закончен пятый класс, впереди шестой, самый важный – когда тебе будет двенадцать и ты сможешь сам выбирать – реальное училище с его интегралами, логарифмами, черчением и даже новомодной электромеханикой; гимназия с поэтами, гипсовыми головами, немецкими глаголами, сонетами Шекспира и прочими девчоночьими вещами; или же Морской корпус.

Дух захватывало.

Но...

Но всё пошло не так.

Во-первых, я недобрал баллов на испытаниях. Немного, но всё-таки недобрал, и сам этому ужасно удивился, потому что учился-то я всегда неплохо. Отличником не был – им у нас жилось тяжело, – но и не отстающим с «камчатки». «Удовлетворительно» не имел никогда, по большей части – «хорошо» и «весьма хорошо».

И тут вдруг такое...

Нет, не то, чтобы я провалился. Но на годовых испытаниях оценки ставят не по нашей обычной шестибалке, а по двенадцати. И тут уже важно, наберёшь ты на математике все одиннадцать (двенадцать не получал никто) или ограничишься девятью.

Я получил только восемь.

А это означало, что право первой очереди я теряю. Самые лучшие места достанутся другим, из верхнего потока. И я, новоявленный середнячок, буду покорно ждать крошек с чужого стола.

Отчего-то это меня жутко злило. Хотя вообще-то я не ведусь на подначки и на «слабо» меня не взять. Хотя, конечно, ежели по сути, не надо было читать «Практическую демонологию» последние три вечера и даже ночи перед испытанием, но удержаться было никак.

Книгу я увёл у папы из кабинета – он оставил на столике возле двери, куда вечно сваливает старые газеты. Я даже удивился такой удаче – книги, подобные «Демонологии», папа никогда не оставляет на виду, всегда убирает в шкаф и даже запирает на ключ, хотя ни я, ни старшая сестра Таня никогда не полезем и не станем там рыться.

Папа – профессор в университете, читает лекции по «Истории культов». Летом ездит в экспедиции с другими профессорами, возвращается загорелым и бородатым, похудевшим, зачастую – с полузажившими рубцами, от которых мама вечно всплескивает руками и начинает выговаривать, что, мол, вы, Аркадий Иванович, мне обещали уже который раз. А папа виновато смотрит в пол – ну точь-в#точь, как мы с Танькой, если провинимся, – и только разводит руками. «Ну, любезная моя Катерина Сергеевна, ты ж понимаешь, как это важно... Пещерный городок в Гондаре! Коптские свитки! Папирус времён фараонов! Додинастический Египет!..» – «Ты о нас совсем не думаешь!» – сердилась мама. – Люсю с Масей надо отвезти на море. Доктор Сергей Сергеевич настаивает...» «Да-да, Катенька, – поспешно соглашался папа, – в следующее лето уж всенепременно».

А ещё я любил слушать, как папа, расхаживая по кабинету, репетирует очередную лекцию. То «Особенности некромагических ритуалов в Голландии семнадцатого века», то «Ведьмы Баварии согласно докладам инквизиторов второй половины шестнадцатого» и прочее. Наверное, папа думал, что я или ничего не слышу, или ничего не понимаю.

Но я-то всё понимал и даже сам удивлялся.

...Когда в тот день я притаился с испытаний и забросил ранец за вешалку, мама даже ничего не спросила. Только кивнула участливо да посмотрела, склонив голову. И папа тоже не рассердился, похлопал по плечу: «С кем не бывает».

Тут бы мне удивиться, но... я тогда просто был счастлив, что дома не стали расстраиваться.

Я, кажется, начал с «во-первых»? Что ж, дошло дело и до «во-вторых». На следующий день, за завтраком, папа вдруг откашлялся, поправил очки и начал:

– Тёма. Мы с мамой подумали и решили... что раз уж ты не в первом потоке, мы этим летом повезём Люсю и Масю на море. Им нужно. Для здоровья...

– Уррра! – хором завопили, забывая о приличиях, мои младшие сёстры-близняшки. На вид так совершенно ничем не больные, не знаю уж, что там говорит наш домашний доктор Сергей Сергеевич. – На море-на море-на море-на море!!!

Мне тоже очень захотелось крикнуть «ура». Но, едва взглянув на лица мамы и папы, я понял, что мне-то как раз кричать и не следует.

И, само собой, не ошибся.

– Тебе надо будет поехать на лето к тёте Аглае, – сказал папа и принялся протирать очки.

Он всегда так делает, когда ему самому не нравится, что он говорит.

– Заодно и книги ей отвезёшь, – добавила мама как бы между прочим.

– Да-да, – заторопился папа, – я когда-то брал у неё книги для работы, сейчас надо вернуть, а, ты понимаешь, такие издания нашей почте не доверишь...

Я знал, о чём идёт речь. Большой сундук, настоящий пиратский, как рисуют в книгах вроде «Буканьеров Большого Каймана», доверху наполненный старыми томами, переплётными в кожу, иные – с непонятными рунами на обложке. Папа и в самом деле привёз их от тёти, своей сестры, а ей, по-моему, они достались от деда или что-то в этом роде. Ну да мне тогда неинтересно было, что с ними да как.

– А нельзя, – робко спросил я, – только сундук этот отвезти и обратно?

– Нельзя, – сказал папа, по-прежнему протирая очки. Мама смотрела в пол, сплетая и расплетая пальцы. – Да, и передашь ещё тёте лекарство. Оно очень редкое, такое не враз сделаешь даже у нас тут, в Петербурге, что уж говорить об их краях...

Я кивнул. Родителей моих можно порой переубедить, даже переспорить – но не сейчас. Но последнюю попытку я всё-таки сделал.

– А Таня?

– Ей надо заниматься, – нервно сказал папа. – Она поедет в пансион Мещерской, разве ты забыл?

Ах, да. Пансион Мещерской, куда ездят окончившие восемь классов девчонки, готовиться к новомодным «грамматическим школам».

Что и говорить, мне предстояло донельзя грустное лето.

Прежде всего сама тётя Аглая была донельзя грустной. Вроде бы с ней когда-то случилось какое-то несчастье, от которого она так и не оправилась. Какое именно несчастье, почему, отчего – никто никогда не обсуждал. Несчастье – и всё тут. К нам в гости тётя приезжала редко, останавливалась ненадолго. Всегда очень бледная, говорила тихо и никогда не улыбалась. Впрочем, злой или вредной, или даже придирчивой не была: всегда меня хвалила.

Жила тётя в маленьком-премаленьком уездном городке Гнёздов, до него целый день на поезде. Быстрые курьерские или даже скорые, не говоря уж о заграничных, там не задерживаются. Придётся трястись на пассажирском, останавливаемом у каждого столба.

В Гнёздове я никого не знал, друзей у меня там не было.

– У тётки прекрасная библиотека, – заметил папа, увидев, что я снимаю с полок всю многотомную «Библиотеку приключений». – Вот уж что-что, а книги тебе не понадобятся. А какие нужны – все сыщешь на месте.

– Хорошо, папа, – уныло сказал я.

Как я и ожидал, дорога оказалась долгой и нудной. Моросил дождь, заливая стекло, стлался паровозный дым, поезд тащился еле-еле. В Гнёздов приехали к вечеру.

Вдобавок у меня ныл живот от какого-то снадобья, что папа заставил меня выпить перед отправлением. Дескать, в тех местах сейчас какая-то «летняя инфлюэнца». Не знаю, что там с инфлюэнцей, но гадостью снадобье оказалось первостатейной.

Иван, кучер тётушки, ждал меня у перрона. Огромный, бородатый и, несмотря на жару, в длинной суконной шинели чёрного цвета. Меня он по-старинному величал «барчуком», несмотря на мои протесты.

– А скажи, Иван, тут у вас другие ребята есть?

– Э-э, есть, барчук, как не быть-то? Только на других улицах, у нас-то тихо...

– А далеко до тех улиц, Иван?

– Э-э, далеко ли, барчук? Да как сказать, твоими-то, то есть, прощения просим, вашими ногами молодыми, мабуть, и недалеко выйдет.

От вокзальной площади мы проехали по главной улице – Крестовоздвиженской, миновали рынок, свернули раз, другой, третий, оставляя позади добротные дома с лавками и трактирами, и как-то незаметно – рраз! – и очутились на окраине.

Здесь было пусто. То есть совсем. Ни души, и тихо-тихо, даже собаки не гавкали.

Тётин дом был последним. Задний двор упирался в лес, а сразу за забором слева начинались выпасы, где и терялась улица, превращаясь в узкий просёлок с двумя тележными колеями.

Иван свернул к крыльцу – по полукругу. Когда-то, наверное, тётин двухэтажный дом выглядел большим нарядным особняком с колоннами, с флигелями по сторонам и клумбами цветов. Но сейчас всё это казалось совершенно заброшенным, во флигелях окна заколочены, двери, кроме парадных, забиты досками крест-накрест, и повсюду поднялся пырей. Штукатурка облупилась, по фасаду бежали трещины, ставни поотрывались, вися кое-где на одной петле.

Мама за такое небрежение с папы голову бы сняла.

Правда, за флигелями поднимались развесистые вязы, и я невольно подумал, как здорово было бы построить там, на ветвях, шалаш с верёвочной лестницей. Но такое лучше всего строить компанией – а тётя едва ли позволит уличным ребятам шнырять по её двору.

Только тут я осознал, что, пока мы подъезжали, не видел ни одного мальчишки.

У дверей нас никто не встречал. Иван, кряхтя, принялся выгружать мой багаж.

– Не стойте, барчук, не стойте, заходите. Тётушка-то ваша, она того, не выходит сейчас...

Я осторожно взялся за бронзовую ручку. Сейчас, вот сейчас дверь распахнётся, и я, словно в «Загадке рода Аберкромби», окажусь в гулком, пыльном вестибюле, с паутиной по углам, потемневшими от времени портретами на стенах, древней рассохшейся мебелью и скрипучим паркетом. Из-под ног у меня метнётся чёрная кошка, за запертой дверью кто-то станет скулить и постанывать, а из подвала будет доноситься звон цепей...

Тут мне стало не по себе, признаюсь.

Я выдохнул и шагнул через порог, не дожидаясь, пока испугаюсь совсем уж сильно.

Уф.

Всё оказалось не так уж плохо.

Вестибюль был и впрямь просторный, но – ни паутины, ни пыли, ни разошедшегося паркета. Да и мебель отнюдь не казалась древней или обшарпанной. Под ногами у меня оказался пушистый ковёр, стены покрашены светлым, картины висят – но с цветами или полями, тоже светлые и совсем не страшные.

Тётя Аглая ждала меня у круглого столика в середине, где в вазе стояли полевые цветы.

Она по-прежнему была высока и стройна, хоть и очень бледна. Платье скромное и серое, мама б сказала, что такое только горничные носят.

– Тёмочка... – сказала тётя, протягивая руки. – Как же ты вырос, дорогой мой...

Она не улыбнулась. И голос её звучал очень, очень грустно.

Терпеть не могу, когда меня величают «Тёмочкой». Но сейчас ерепениться по этому поводу явно не стоило.

– Тётушка... Что случилось? – вырвалось у меня вместо приветствия.

– Ах, не обращай внимания, мой дорогой. С тех пор, как скончался дядя Андрей, я... что-то никак не отойду. Не волнуйся, Тёмочка, тебя это никак не касается. – Она попыталась улыбнуться, но губы у неё только судорожно дёрнулись.

– Проголодался, наверное, с дороги? Стёша уже всего напекла-наварила. Ты ведь по-прежнему любишь булочки с вареньем?

Булочки с вареньем – клубничным – были превосходны, пальчики оближешь. Я съел пять. Или шесть. А, может, и семь. Кто ж их считает, такие вкусные!

За обедом тётя расспрашивала про гимназию, про приятелей из моего класса, про сестричек, про маму с папой – всё, как положено; но при этом мысли её, как написали бы в «Роковом путешествии Джона Мильтона», «витали где-то в далёких странах».

– Тётя, а другие ребята тут есть? По соседству? Иван сказал – только на других улицах...

– Ребята? Другие? – отчего-то смутилась тётя. – Боюсь, Тёмочка, дорогой, что у нас тут никого и не осталось...

– А... куда ж они делись? – спросил я, пытаюсь скрыть разочарование.

– Ах, друг ты мой любезный, кто ж знает? Кто-то уехал, кто-то... в общем, не осталось. Одни старики, дорогой. Одни старики, но и они по домам сидят, бока греют...

Ну вот. Мало того, что меня не взяли на море, так теперь тут ещё и играть не с кем!

– А вы, тётя, так одни тут и живёте?

– Ну, как одна? Стёша вот, ещё Иван. Так втроём и кукуем. А теперь и ты с нами поскучаешь.

Вот уж точно, подумал я. Скучать, похоже, придётся во всю ивановскую.

Устроили меня на втором этаже. Комната как комната, и даже сам великий сыщик Эркюль Пуаро не сыскал бы тут ничего подозрительного. Стол у окна, кровать с балдахином от комаров, комод, шкаф. Умывальник, книжные полки. Я бегло просмотрел корешки – но там стояла одна скукота. Я согласился б и на читаного-перечитаного Станюковича или Джека Лондона, но не сыскалось и их.

Тётя пришла пожелать мне спокойной ночи. Сказала, что Стёша спит прямо за стенкой, а Иван – напротив, так что бояться мне нечего.

– Я и не боюсь, тётушка...

– Ах, дорогой, на новом месте всегда неважно спится. Мало ли что привидеться может...

Она оказалась права. Мне не спалось. Нисколечки. Я лежал, лежал под балдахином, слушая наглых и злых комаров, тыкавшихся снаружи в сетки, и думал, что какой-нибудь

Коннах О'Рейли из «Абордажной команды «Бешеного»» уже давно бы храпел, ни на что не обращая внимания.

Полнолуние. Белые квадраты на полу. В старом доме что-то поскрипывает и пощёлкивает. В углу мерцает лампадка. Надо бы закрыть шторы – но что-то меня удерживает. Я смотрю на стену – не могу понять, почему мой взгляд словно притягивается к простенку над комодом, – и вдруг понимаю, что вижу два темноватых овала, словно там когда-то висели картинки.

Эркюль Пуаро, сперва решивший, что комната скучна, неинтересна и не таит никаких загадок, на моём месте точно сделал бы то же самое – откинул бы одеяло, вскочил бы и подбежал.

Я и подбежал. Точно – два овала, а вокруг – выгоревшие, выцветшие обои. У нас в доме в таких овальных рамках стояли фотографические карточки. Я пригляделся – и заметил дырочки в обоях, у верхнего края обоих овалов, там, где и полагалось торчать гвоздикам, на которых висели рамки.

Кто-то снял картины или фотографии и спрятал их. Зачем и почему?

Конечно, Эркюль Пуаро ещё бы спросил: «А почему на их место просто не повесили что-то другое?»

Сердце моё билось быстро и часто. Лето стремительно переставало казаться скучным. Хотя, казалось бы, что же тут такого – просто следы на обоях...

Как ни странно, после этого я уснул мгновенно. И спал крепко, без снов.

Наутро, подумав, я решил не беспокоить тётушку лишними вопросами. Она и так грустная, зачем её тревожить?

Завтрак был отличным, единственно, у чая оказался какой-то странный привкус. Я даже невольно отставил чашку.

Тётя заметила.

– Ничего-ничего, это наши здешние травы. Стёша всегда заваривает, для бодрости, – быстро сказала она, не глядя на меня. – Просто у тебя пока привычки нету. Попробуй ещё, уверяю тебя, ничего не почувствуешь.

Спорить я не стал, снова пригубил чай – не хотелось расстраивать тётю – и точно, никакого привкуса уже не ощущалось.

После завтрака Стёша отправилась на рынок, Иван ушёл в каретный сарай, якобы чинить коляску, а тётушка, извинившись, удалилась к себе в будуар, сославшись на сильнейшую мигрень.

Дом оказался в моём почти что полном распоряжении.

Что сделал бы на моём месте Бертран дю Морт, знаменитый кладоискатель из «Запретных сокровищ»? Разумеется, простучал бы стены в поисках тайных ходов. Я тоже не сомневался, что они тут где-то есть, но начать решил с азов – с простого осмотра.

Моя комната, увы, не содержала ничего особенного, кроме уже упомянутых следов от двух снятых картин. В ящиках комода – какая-то старая одежда, переложённая стеблями сухой травы. В шкапу – салопы, пелерины и прочее, совсем-совсем неинтересное. Разумеется, я залез в шкаф, добрался до задней стенки; и, разумеется, там ничего не оказалось.

Решив, что простучу стены позже, я двинулся по дому. «Начнём с пустых комнат, – подумал я, – хотя, если уж что-то прятать, так как раз в комнатах занятых, ну, хотя бы у той же Стёши».

Внизу, в столовой, на обширной кухне, где, наверное, разом могли бы сготовить обед на полсотни голодных ртов, в приёмной – я не нашёл ничего интересного. Старые бюро, высокие кресла с резными спинками, шкапы, шифоньеры и прочее; слегка разочарованный, я сунул нос в библиотеку – да так и застыл.

Если дом снаружи казался позаброшенным обиталищем привидений, если комнаты его изнутри выглядели аккуратными, но унылыми и староватыми, то библиотека, напротив, сияла чистотой. От пола до потолка, совершенно скрывая стены, тянулись застеклённые шкафы, а в них – аккуратными рядами сотни, если не тысячи томов. На стёклах – ни пылинки, ни пылинки, на пол брошен пушистый ковёр, посередине – длинный дубовый стол с пюпитрами, с углублениями для чернильниц, деревянные же стаканы с остро отточенными карандашами, стопки чистой бумаги – хоть и несколько пожелтевшей от времени, – линейки с транспортирами, промокашки, пресс-папье и вообще всё, что только можно себе вообразить. Вдоль стен по специальным рельсам ездит лестница – я такое видел только у папы в университете. Гусиным Лапкам, нашему учителю чистописания, наверное, это место показалось бы раем.

Но... кто ж тут мог работать? Или – никто не работал? Просто каждый день отовсюду сдувается пыль?

Я принялся читать названия, какие мог разобрать – одно другого краше. Начиная от «Книги некромагических практик» до «Поимённого перечня практикующих ведьм области Бранденбург по состоянию на декабрь 1725 года». И ещё куча всего.

Осторожно потянул за ручку – стеклянная панель бесшумно отъехала в сторону. Не заперто.

Не может быть. Дома папа никогда не забывал повернуть ключ в скважине; и только изредка какая-нибудь книга подобного рода могла чуть задержаться на его рабочем столе или среди газет, как в прошлый раз. Но надолго она бы там не осталась, это я вам точно могу сказать.

Всё запретное и недозволенное – вот оно, передо мной.

Голова у меня закружилась, и я чуть не гробанулся с лесенки.

Да, здесь можно было просидеть всё лето. И всю осень с зимой, не говоря уж о весне. «Стой-стой-стой, – сказал я себе. – Я же хотел доосмотреть комнаты...»

«Э, да на кой тебе это? – возмутился кто-то у меня в голове. – Чего ты вообще взбуктенился? Ну, подумаешь, снял со стены кто-то две какие-то картинки; что ж с того? Может, их мухи засидели. А, может, ещё что случилось. Почему ты вообще решил, будто это что-то значит? Зато библиотека – вот она, битком набитая такими книгами, что и мечтать нельзя, – ими и надо заняться!»

И я уж было совсем решился, когда в дверях вдруг появилась тётушка.

– О, – сказала она безо всякого удивления или раздражения. – Похвально, Тёмушка, похвально, что ты столь увлечён чтением. Ненадолго тебя побеспокою – нужно навести тут порядок.

Только теперь я заметил, что у ног тёти стоит самое обычное ведро, а из него торчат несколько ручек. «Наверное, метёлки для пыли», – подумал я.

– Конечно, тётя. Могу ли я вам помочь?

– Что ты, что ты, дорогой, – сказала она со всё той же грустью. – Эта библиотека, видишь ли, была любимым местом дедушки, твоего, значит, прадеда. Он её собирал, очень берёг. В память о нём я тут всё сохраняю, как и раньше было. Сама убираю, сама чищу. Прислуге такое не доверишь. Так что спасибо, милый мой, ты очень любезен и вежлив, но, право же, не надо. Лучше побеги на двор, поиграй там.

– Конечно, тётя, – как послушный мальчик, кивнул я. Если тебе надо что-то по-настоящему крупное, лучше не спорить по мелочам.

На дворе было тихо и пусто. Тётя Аглая не держала даже собак. Да и кошек тоже не было, хотя мышей тут должно быть видимо-невидимо.

Я побродил туда-сюда, обошёл правый флигель и оказался на заднем дворе. Поодаль стоял большой сарай, широкие ворота приоткрыты – наверное, тот самый, где полага-

лось пребывать «каретам». Там что-то лязгало и позвякивало – должно быть, работал Иван. Мешать ему я не хотел и направился по заросшей дорожке к задней калитке, что выходила в лес.

Забор покосился, нижние концы плашек калитки вросли в землю, я её едва отвалил. Отсюда когда-то начиналась тропа, сейчас уже едва заметная. Она круто уходила вниз, в густо заросший овраг. Где-то на дне, невидимый среди зелени, журчал ручеёк.

Ручей – это хорошо. Можно построить запруду, можно даже водяное колесо. Я начал спускаться.

Яркое солнце едва пробивалось сквозь густую листву. Знаменитый путешественник Джеральд Лонгбоу, трижды пересёкший джунгли Экваториальной Африки, наверное, сказал бы что-нибудь о «таинственной сени раскидистых ветвей, скрывающей неведомые секреты лесных глубин», но я-то знал, что никаких особых тайн впереди меня не ждёт, кроме мшистых валунов да весело журчащей меж ними воды.

Едва заметная тропка довела меня до ручейка и исчезла среди папоротников.

Я нагнулся, присматривая местечко для запруды. Виски вдруг что-то сдавило. Слегка затощило – ни с того ни с сего. Я сглотнул, пару раз глубоко вдохнул-выдохнул – обычно это помогало.

Не знаю, что это было и откуда взялось, но долго раздумывать мне не пришлось, потому что сверху, с той стороны оврага, внезапно донеслись голоса. Вроде как ребячьи, но словно приглушённые.

Ого! Похоже, я, сам того не зная, срезал путь и уже оказался на задах чужой улицы? Вообще-то у нас на даче, если ненароком угодишь на другой конец, ухо надлежало держать остро, мальчишки с «той стороны» нас не жаловали, ну, и мы в долгу не оставались.

Недолго думая, я перемахнул через ручей, и тошнота мигом исчезла.

От ручья склон круто поднимался вверх, тропа исчезла. Я поколебался и таки полез наверх – в конце концов, если кто встретится, скажу, что, мол, только приехал. Новичков у нас, например, никогда не трогали, ни мы сами, ни кончанские.

Однако, выкарабкавшись из оврага, я уткнулся в старую, насквозь проржавевшую ограду из железных прутьев с копейными остриями сверху и причудливыми коваными спиралями.

За древней оградой лежало кладбище, такое же старое, заросшее травой, лопухами, малиной, так что зелень почти поглотила серые кресты.

Приглядевшись, я понял, что погост очень невелик – всего восемь могил с покосившимися надгробиями, сгнившей скамейкой и полуоткрытыми воротцами на противоположной от меня стороне.

За кладбищем никто не следил, здесь, похоже, вообще никто не бывал.

Погост щедро заливало солнце, было светло и ничуть не страшно, но мне отчего-то стало не по себе – ребячьи голоса, я был уверен, раздавались совсем близко, а на кладбище я не увидел ни одной живой души.

«Наверное, показалось, – уныло подумал я, глядя на глухие заросли по другую сторону кладбищенской ограды. – Овраг, наверное, так направляет звук, что кажется – говорят совсем близко. Может, надо просто обойти эту изгородь, и я очутюсь на другой улице?»

Я так и сделал, однако заросли на той стороне оказались совершенно непроходимы. Репей в рост человека, колючие кусты, крапива, малинник, перевитый какими-то вьюнками, – здесь потребовался бы топор или, как тому же Джеральду Лонгбоу в покрытых джунглями верховьях Лимбези, огромное мачете.

Но мачете у меня не было, даже перочинного ножа в кармане не оказалось. Несолоно хлебавши, я повернул назад.

Когда подходил к ручью, меня отчего-то опять замутило. Голова закружилась, да так, что пришлось отойти, присесть, посидеть на камне, пока не пришёл в себя.

Я перепрыгнул через поток и поспешил выбраться из оврага. Может, не стоит искушать судьбу и лезть очертя голову в неведомые места, а попросить у тёти план города? Папа учил меня читать карту и ходить по ней. У меня даже был с собой компас – не в кармане, конечно, а в моих вещах.

Ходил я совсем недолго, тётя ещё оставалась в библиотеке, так что я пошёл к себе, раскрыл дневник и со всеми подробностями описал сегодняшнее приключение, постаравшись, как мог лучше, начертить план оврага и старого кладбища.

Потом вернулась с рынка Стёша, пришёл «пить чай» Иван, тётя закончила уборку в библиотеке. И не успел я глазом моргнуть, как наступило время обеда, а потом все разошлись поживать, а ещё потом пришёл черёд полдника... В общем, я добрался до прадедовой библиотеки, когда уже почти стемнело.

Горели лампы, гостеприимно поблёскивали стёкла книжных шкапов, лесенка, казалось, так и просила, чтобы на неё взобрались. Мне на голову свалились такие сокровища, что глаза разбегались, я не мог выбрать, с чего начать.

Потом решил сыграть в нашу с сестрой Таней любимую игру – зажмуриваешься и наугад вытягиваешь книгу с полки.

Так и сделал.

Тёплые и твёрдые корешки под пальцами. Разные – чуть пониже, чуть повыше, с тиснением и валиками. Я медленно вёл рукой вдоль ряда томов – в «Невероятных приключениях Квентина, мага королевских мушкетёров» посланный ему сборник волшебных заклинаний чуть не отхватил главному герою пальцы, чтобы только обратить на себя внимание. Нет, конечно, я знал, что любимый мой, читанный-перечитанный «Квентин» – сказка, но...

Показалось, будто я схватился за свёрток, только что принесённый с ледника. Вздрыгнул, открыл глаза – пальцы мои лежали на ничем не примечательном томике, не толстом и не тонком, среднем, в обычной коричневатой коже с полустёртым тиснением и осыпающейся позолотой букв.

На русском. «Теория и практика некромантии, по изложению Парацельса, Бена Бецалеля и Джона Ди, издание С.-Петербургского университета, факультет оккультизма, 1805 год».

Надо же... А я и не знал, что в папином университете есть такой факультет. Или был? Сто лет прошло, как-никак. Однако никакой тайны из этого никто, как видно, не делал...

Страницы в книге были хоть и пожелтевшие, но ровные, чистые, гладкие – полное впечатление, что листы разрезали, но больше ни разу не открывали.

Я сел листать – написано было тяжким, старинным слогом, выпрессно и длинно, никакого сравнения с тем же «Квентином». Папины лекции слушать было куда интереснее.

Но всё-таки почему мне почудился этот холод? Сейчас-то книга на ощупь ничем не отличалась от обычной.

Я пожал плечами. Эркюль Пуаро, наверное, указал бы на нервность, что порой заставляет людей чувствовать или даже видеть совершенно невероятные вещи – а потом твердокаменно верить в увиденное. Ну, вроде нашего дядька на даче, совершенно убеждённого, что ему явился призрак, хотя это была всего лишь простыня с расчалками и «волшебный фонарь».

Мы с Танькой тогда ухохотались до слёз.

Здесь, правда, никаких простыней мне никто не показывал, но...

Я сдвинул брови, взял остро очиненный карандаш и с головой погрузился в детальнейшие – хоть и нудноватые – описания «первичного ритуала некромагической практики, долженствующего остановить распространение тления по свежему трупу».

Бррр. Некоторые мальчишки у нас в классе жить не могли без ночных походов на кладбища. А мне было более интересно понять – это что же, все сотни лет множество людей верили в некромантию, в оживление мёртвых, в общение с призраками, в вызов духов, писали на эту тему целые трактаты – а всё оказалось, как стало ясно в наш просвещённый век, полной ерундой и «суеверьями»? Как и с философским камнем? Целые века работы, целые библиотеки книг – и никто так и не догадался, что, мол, всё это чепуховая чепуха?

Папа утверждал в своих лекциях, что, мол, алхимики таким образом шифровали истинные свои рецепты, но я опять же не понимал. Шифровать есть смысл, только если ты на самом деле нашёл философский камень. А коль не нашёл, то зачем Егору забор, как говорится? «Дом продадим, ворота купим, будем закрываться», – как говаривала моя нянюшка.

Описания поражали детальностью. Точно сообщалось, что именно и как надлежит делать, дабы «остановить разложение и реставрировать ткань», особо подчёркивалось, как сохранить «естественный румянец кожи, буде молодые девицы от утраты одного особо страдают».

Признаться, мне стало разом и скучновато, и страшновато. Возиться с «приданием трупам исконно присущего блеска и цвета глаз» мне как-то совсем не хотелось.

Я пролистнул ещё несколько страниц, а потом хлопнул себя по лбу и полез в оглавление.

Все малоаппетитные манипуляции с «трупами свежими, а также первой, второй и третьей степенями разложения» я, поёжившись, пропустил. Куда больше обещал второй раздел, «об общении с духами». Это вроде бы проходило по ведомству спиритизма, но, выходит, в старину его не различали с некромантией...

Это оказалось куда интереснее. Я читал о самых разных духах, что, по разным причинам, не смогли отправиться тропой небесных мытарств. С ними-то в первую очередь и можно было поговорить, для начала выяснив, куда точно угодила та душа, что тебе нужна.

Это было сложно. И страшно. На самом деле. Требовалось множество самых диковинных ингредиентов, вроде «толчёной кости левого мизинца повешенного» и прочее. Требовалось раскапывать могилы и добывать из них... бррр, меня снова замутило. Правда, и награда за труды выходила невероятная – можно было точно узнать, где, скажем, твой любимый дедушка и, если он почему-то задержался среди живых, поговорить.

Но ещё интереснее оказался раздел третий. О путешествиях живых в мир мёртвых. О том, кого там можно встретить и кому помочь. Ибо душа, как писалось там, даже во время небесных мытарств остаётся наедине с бесами, кои стараются сбить её с пути, завлечь, поразить укорами в совершённых прегрешениях, и только лишь святые – небесные заступники – могут облегчить участь несчастной; однако это не так. Живые мастера некромантии тоже могут оказаться «на ближнем краю того света», подавая оттуда помощь, отгоняя бесов и укрепляя душу в её решимости и твёрдости. Дело это очень рискованное – раздосадованные бесы могут наброситься на смельчака, стараясь умертвить и разлучить его собственную душу с телом; однако такое заступничество, самоотверженное и самоотрешённое, тоже может помочь духу усопшего благополучно добраться до небесных врат.

«Этот мир – мир ушедших, но задержавшихся – рядом с нами, – говорилось в книге. – Мы порой замечаем усопших – краем глаза, странные тени в простенках, исчезающие, стоит лишь всмотреться пристальнее. Нам слышны порой их голоса – на старых погостах, в церковных оградах, особенно – возле заброшенных и опустевших храмов. Сила креста охраняет добрые души и отгоняет злые, те, что могут сделаться ночными убийцами, что способны входить в мёртвые давно тела, придавая им жуткую видимость бытия – ненадолго, но и этого хватит, чтобы оборвать нить чьей-то жизни».

Было всё это захватывающе интересно, но и жутко. Я читал, читал, и сам не заметил, как подобрался вечер – библиотека была ярко освещена, а за дверью сгустилась тем-

нота. Признаюсь, я с большим облегчением услышал шарканье Ивана, тащившегося по длинному коридору и зажигавшего лампы – электричество, давно ставшее обыденностью у нас в Петербурге, сюда ещё так и не провели.

– Барчук? Эвон где вы, а барыня-то ужинать зовёт... – заглянул кучер в библиотеку.

Я как мог аккуратно, сохраняя в то же время вид слегка скучающий и независимый, поставил книгу в шкаф, закрыл стеклянную дверцу. Она никуда не денется. Лето у меня впереди длинное.

За ужином тётя говорила о каких-то пустяках, расспрашивала о маме, о папе, сестрёнках, хвалила Танины успехи – но глаза оставались ужасно, ужасно грустными.

Я не задавал лишних вопросов – ни про маленькое старое кладбище буквально у нас на заднем дворе, ни про следы от двух снятых картинок; не сказал и о недомогании там, в овраге, на берегу ручья.

Не знаю, заваривала ли Стёша вечером какие-нибудь травы, но спал я, противу всему, крепко. Ничего не снилось, хотя и начитался, как говорит мама, «всяких ужастей», твёрдо решив наутро дообследовать дом, а потом взяться как следует за библиотеку. Одну книгу я там уже нашёл, но, как говаривал папа, не хватайся за первое попавшееся, осмотри сперва как следует! То, что ты нашёл, от тебя уже не денется – ну, разумеется, если ты не на палубе тонущего пиратского брига.

Следующий день начался точно так же. Только теперь на рынок вместе со Стёшей уехала и тётя, сославшись на какие-то дела в уездном казначействе. Я остался один.

Нет, я, конечно же, не испугался. Оставался и раньше один, и даже на даче, где ночевали мы вдвоём с Танькой. Но... как-то стало неприятно. «Недобро и выжидающе глядел на меня дом многочисленными окнами», как сказал бы, наверное, Джеймс Уортон, герой «Тайной изнанки Лондона».

Ну, и я глядел на него тоже. А потом, подумав, зашёл внутрь и, сам не зная почему, отправился в правый флигель. Снаружи он был заколочен, но дверь изнутри оказалась не заперта, да и пыли не было – похоже, Стёша не забывала тут прибираться.

Наверное, когда тут жил прадедушка, комнаты во флигеле занимали многочисленные слуги, в конце концов, тогда ведь принято было держать «дворню». На первый взгляд – ничего интересного, длинный полутёмный коридор да узкие двери по обе стороны. В простенках – картины, потемневшие настолько, что толком и не разберёшь, что писал художник, то ли горы, то ли море.

Я открывал двери, заходил в комнатухи со скелетами узких кроватей, с какими-то сундуками, откинул пару крышек – пожелтевшая посуда, бесчисленные салопы и юбки, стоптанные башмаки, которым давно место на свалке. Я разочарованно вздохнул – нет тут ничего интересного. И чего меня сюда понесло?

«Всё, последняя комната», – подумал я. Толкнул незапертую, как и все остальные, дверь, вошёл... Ничего особенного. Пара сундуков на полу, и всё. Сквозь заколоченные снаружи окна скупно пробивается свет, пылинки плавают в золотистых лучах...

Я откинул крышку сундука – лениво, уже ни на что не надеясь, но, как и положено в романах, «тут-то меня и ждал сюрприз».

Куклы. Нарядные куклы с фарфоровыми головами, в ярких платьях с кружевами и оборочками – у Тани их осталось немало, потому что она рыдала и скандалила, но так и не отдала свои игрушки «на смерть», как она выразилась, Люсе и Масе. И сейчас, хоть она и тремя годами старше меня, я нет-нет, а замечал, как Танька, воровато оглянувшись, украдкой достаёт из шкапа Дульсинею, любимую куклу, сажает себе на колени и принимается шёпотом ей что-то втолковывать.

В общем, в куклах я волей-неволей разбирался. «Как-никак, единственный мужчина во всём младшем поколении», – говаривал папа. И те, что передо мной – были очень хоро-

шими, дорогими куклами. И... не столь уж старыми. Во всяком случае, они очень походили на Танины, а мама не раз уверяла, что, мол, в её собственном детстве подобной красоты не водилось и они с няней шили тряпичных звериков.

В сундуке нашёлся и целый кукольный дом, да такой, что, мне кажется, та же Танюха даже сейчас отдала бы за него правую руку. Разборный, он, на первый взгляд, был высотой, наверное, с папу. И всё для него имелось – игрушечные мебель и посуда, занавески, ковры, умывальники, лампы – что угодно для души.

И... с ним играли. Царапинка здесь, трещинка там – играли аккуратно, бережно, но играли.

Кто?

Крышку второго сундука я открывал уже с некоторой робостью. Отчего-то смотреть в синие глаза куклам было страшновато.

И не удивился, обнаружив второй сундук заполненным уже мальчиковыми игрушками.

Чего тут только не было – тут было всё. Солдатики: стрелки, рыцари, пехотинцы, всадники, казаки, кирасиры, арбалетчики – вперемешку. Большинство – раскрашенные, но иные – нет, а трёх пикинёров-ландскнехтов я нашёл начатыми и незаконченными.

Нашлись тут деревянный меч и деревянный же щит, слегка потрёпанные, потёртые – они не валялись в чуланах, ими бились. Модели кораблей – наши броненосцы, я видел такие в витринах. Папа, помнится, говорил, что они в ходу уже не один год, хотя сам он мальчишкой их не застал.

И – в углу – плюшевый медведь, потёртый, но с весёлыми глазами-пуговицами и чёрным носом.

Игрушки для девочки в одном сундуке и игрушки для мальчишки в другом...

И два овала от снятых картинок у меня на стене.

Не требовалось быть Эркюлем Пуаро, чтобы догадаться, что тут к чему.

Вот и прошёлся по заброшенному флигелю, называется!

Солдатики так и манили вытащить из тесного и тёмного сундука, выстроить в ряды, со знамёнами и барабанщиками, пустить вперёд офицеров с саблями и револьверами – и в атаку, прямо на турецкие редуты у Баязета!

И я уже почти стал их вытаскивать. Почти.

Потому что в спину мне вдруг осуждающе посмотрели синие глаза куклы, что я достал первой, достал – да там и оставил сидеть на откинутой крышке девчоночьего сундука.

Кукла была с косой, с румяными щеками, в лазоревом платье с серебром – красивая кукла. И она смотрела на меня строго, словно живая.

– Ладно-ладно, – вдруг виновато сказал я вслух. – Не сердись, а? Не буду ничего трогать. Сейчас всё уберу...

И я убрал. Аккуратно, словно Гусиные Лапки должен был самолично проверить тут всё, как частенько он проверял у нас ранцы. Синеглазую куклу я положил последней.

Мне показалось – она смотрит на меня с одобрением. И – с каким-то странным нетерпением; но это всё были, конечно же, одни лишь мои фантазии.

Что-то подсказывало мне, что делиться с тётей известиями об этой моей находке никак не стоит.

«Происшедшее так взволновало меня, что я не спал всю ночь, прижимая к себе свой верный мушкет».

Я закрыл книгу. Глаза болели, в них как песка насыпали. На дворе стояла глухая ночь, а сна не было, как говорит нянюшка, ни в одном глазу. Эх, где мой верный мушкет?

За дверьми, через коридор, похрапывал Иван; за стенкой ворочалась Стёша, а я сидел в кровати, натянув одеяло до подбородка, и не отрываясь глядел на фитилёк керосиновой лампы.

Здесь когда-то жили дети. Мальчик и девочка. Едва ли тётя вот так вот, ни с того ни с сего, поставила в собственном флигеле сундуки с чужими игрушками. Два овала на обоях – тут висели их портреты. Их сняли, совсем недавно – не хотели, чтобы я видел, и убрали их вещи.

Но почему? Что тут плохого?

Когда-то с тётей приключилось очень большое несчастье, вспоминал я. Какое именно – нам с Таней не говорили. Именно «нам», потому что язык у моей старшей сестрёнки без костей, тайны она хранить не умеет, сколь бы ни божилась.

Эркюль Пуаро насмешливо усмехнулся. «Ну, всё же очевидно, – сказал он мне. – Тётя была замужем. Дядя Андрей – не мой настоящий дядя, просто её супруг, он умер сколько-то лет назад, я не помню, когда именно, был ещё маленьким. У них, конечно же, были дети. Это их портреты висели в моей комнате, это их игрушки спрятаны в сундуках.

И... наверное, это с ними случилось какое-то несчастье».

Мне стало ещё больше не по себе. Прошлым летом от скарлатины умер один мальчик из моего класса – потом ходили слухи, что тень его видели возле учительской.

«Наверное, – подумал я, – меня не хотели тревожить. Хотя... да, очень-очень грустно, что моя кузина, девочка, игравшая куклой с синими глазами, умерла. Очень. Но всё в руке Божьей, и дети, как говорил отец Никодим, наш законоучитель, не повинные в грехах, «имеют души легче легчайшего пуха, ничто не гнетёт их, к черноте не клонит». Они уже на небесах, конечно же, не знают ни горя, ни боли, ни печали...»

Тут мне совсем некстати на глаза навернулись постыдные слёзы.

– Девчонка! – шёпотом заорал я сам на себя.

Подействовало.

Так или иначе, решил я, шмыгая носом, будем играть в ту же игру. Не хочет тётя, чтобы я знал, что здесь жили когда-то её дети, – притворюсь, что не знаю. И, коль уж я догадался, что здесь случилось – постараюсь тётю не огорчать и ей не перечить. У меня эвон какая библиотека, и за сто лет не перечитаешь, есть чем заняться. Скучно не будет.

Я накрылся с головой одеялом. Надо спать, в конце концов...

На следующий день я твёрдо решил добраться до маленького погоста за оградой. Я уже почти не сомневался, что там увижу, но... отчего-то мне очень, очень было нужно это последнее подтверждение. Правда, когда я вспоминал покрытую ржавчиной решётку и покосившиеся кресты, заросшие буйным репейником и крапивой, уверенность моя давала трещину.

Если там похоронены мои двоюродные брат и сестра, то почему тётя Аглая не забочится об их могилах? Конечно, лопухи могли вымахать за весну, она выдалась ранней, дождливой и тёплой, а вот почти исчезнувшая тропинка... Такое за несколько недель не случится. А накренившиеся могильные камни? Так ведь тоже не бывает.

И вот, ярким и солнечным утром, «прихватив с собой мой верный мушкет», я отправился за овраг. Мушкета, увы, у меня с собой не было, но вот крепким ножом я запасся, позаимствовав его в каретном сарае. Тётушка, Иван и Стёша опять все дружно отправились «в город», оставив меня «на хозяйстве».

У ручья снова начало мутить, и куда сильнее, чем раньше. Завтрак настойчиво просился наружу, в глазах плыли красные круги.

Задышавшись, я ухватился за сосну, сделал несколько шагов прочь от ручья – стало легче. Отдышавшись, стал спускаться опять – дурнота вернулась. Меня словно кто-то не пускал за ручей, к старому кладбищу.

– Ничего, – прошипел я сквозь зубы, ну точно как Иван Белояр из «Каракорумского пленника», выбираясь из подземной тюрьмы, – нас так просто не возьмёшь!

Недолго думая, я двинулся вверх по течению. «Ручеёк узкий и мелкий, где-то невдалеке, – думал я, – наверняка бьёт ключ. Обойду его, и все дела. Овраг неглубокий, улица, где стоит дом тётушки, в двух шагах. Не заблудишься, да и идти долго не придётся».

Держа ручей по левую руку и сохраняя известную до него дистанцию, чтобы не кружилась голова и не подступала тошнота, я бодро зашагал вперёд. Сколько тут идти? Несколько минут, не больше.

Однако ручей весело журчал себе неподалёку, булькал и переливался через мшистые коряги и камни, нырял в гущу папоротников и появлялся вновь, а исток его и не думал появляться.

Что за ерунда? Овраг не мог тянуться так далеко, через пять домов от тётушкиного он должен был упереться в улицу, что шла наперекрест; или это мне стало совсем плохо и начала мерещиться всякая ерунда?

Я осторожно огляделся – нет, я точно не в себе. По правую руку отчётливо виднелась тропинка, уходящая вверх, к задней калитке тётушкиного двора. Вот и приметная сосна с развилкой, и ещё более приметный камень с ушами, словно у зайца, – ошибки быть не может.

Я не сдвинулся ни на шаг.

Тут меня прошиб холодный пот, а на ум явилось, конечно же, гоголевское «Заколдованное место».

Тут бы повернуть назад, по гостеприимно явившейся дорожке к дому, однако...

Разве отступил бы Коннах? Разве бросил бы дело великий Пуаро? Разве испугался бы и побежал мой папа?

Я повернулся и шагнул к ручью. Со стороны, наверное, я сделался совсем зелёным, как та большая крокодила из всем известной песенки. Горло сдавило – но я всё-таки перебрался через ручей, ухитрившись даже не плюхнуться в него и не замочить ног.

Сразу стало легче. Я поднимался по склону оврага, направляясь прямо к кладбищенской ограде, когда вновь услышал голоса, как в первое моё появление. Только на сей раз они звучали куда громче и отчётливее и раздавались совсем рядом.

У меня, наверное, должны были подкоситься ноги, когда я понял, что слышу два голоса – мальчишеский и девчоночий. Однако почему-то ничего не подкосилось, а, напротив, силы словно удесятились, и я одним прыжком вылетел из оврага, едва не вмазавшись носом прямо в железную ограду.

Я увидел их сразу же, и они сразу же увидели меня. Мальчишка лет восьми, наверное, и девчонка моих годов, с синими глазами, русой косой и...

И в платье точь-в#точь, как на той самой кукле.

– Ой, мамочка, – сказал я, потому что ноги таки подогнулись.

– Ого! Новенький! – завопил мальчишка. Он безо всякого почтения к усопшим сидел на вершине самого высокого креста. – Новенький, привет!

«Какой я тебе «новенький»?» – хотел я ответить, и не получилось, потому что язык присох к нёбу.

Девочка, что сидела на полусгнившей скамейке, невесть как её выдерживавшей, встала, аккуратно расправив складки подола, поправила волосы, сложила руки замочком на животе, являя собой ну просто идеал гимназистки, не хватало только коричневого форменного платья с чёрным фартуком.

– Саша, манеры, – она недовольно сощурилась, глядя на мальчишку. – Очень рада, господин...

– Гнёздовский, – машинально ответил я. – Артемий Гнездовский... то есть можно просто – Тёма.

– Восхищена знакомством, господин Гнёздовский, – чопорно сказала девочка. – Я Кораблёва, Алевтина Кораблёва...

– Но можно просто – Алька! – захихикал мальчик Саша, не слезая с креста.

– Саша! – Алевтина метнула на него негодующий взгляд. – Чем обязана радости вашего визита, господин Гнёздовский?

Ой. Ой. Ой. Так изъяснялись Танькины подруги, когда приходили к нам на свои девичьи праздники и представлялись моим родителям.

– Я... собственно... гулял... – чувствуя себя полным идиотом, выдал я, «весьма невежливо», как сказала бы мама, пялясь в синие Алевтиныны глаза.

– И как вам наши места, господин Гнёздовский?

– Э-э... давайте просто Тёма... – промямлил я.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу разговаривать с девчонками! Особенно с красивыми. От одного их вида почему-то безнадежно глупеешь. А они словно всё время над тобой насмеются...

– Очень хорошо. Тёма, – с важным видом кивнула Алевтина. – Можете звать меня Алей. А этот невежда, там, на кресте, – мой младший брат Саша. Не обращайтесь на него внимания, Тёма, он ещё глуповат.

– Хватит обзывать! – возмутился Саша. – Сама ты глуповатая! Я когда ещё тебе сказал, что новенький придёт! А ты не верила!

– Верила, верила, только помолчи, – с хорошо знакомыми мне интонациями «я-старшая-сестра-и-потому-всё-знаю» отозвалась Аля. – Я так понимаю, вы к нам надолго, Тёма?

– Надолго? – растерялся я.

Аля... Саша... Обычные, живые ребята, ветер колышет Але рукава платья, треплет вихры её брату. Они не прозрачные, они не плывут по воздуху, они отбрасывают тени... Нет, нет, я ошибаюсь, они живые, совершенно живые, такие же, как я!

– Вы... где живёте? – вырвался у меня вопрос вместо ответа.

– Мы-то? Да так... поблизости, – нехотя ответила Аля. – Но вообще-то отвечать вопросом на вопрос невежливо, Тёма. Не говорите только, что мне теперь ещё и вас воспитывать, в придачу к моему собственному братцу!

Я покраснел. Нет, положительно, положительно ненавижу девчонок!

– Я... нет, я ненадолго. И живу я тут, сразу за оврагом, дом госпожи... Гнёздовской.

Только тут я сообразил, что назвал тётю моей собственной фамилией, фамилией моего папы, а кем она стала, выйдя замуж, я, как оказалось, никогда и не знал.

– За оврагом? – подняла брови Аля. – С... с той стороны?

– 3-за оврагом, – кивнул я, и почему-то мне стало жутковато.

– Гм... – задумалась она, но тут её довольно-таки бесцеремонно отпихнул в сторону спустившийся наконец с креста Сашка.

– Будем знакомы! – он сунул мне пятерню, перепачканную смолой.

Я пожал ему руку – совершенно нормальную, тёплую, жилистую, хоть и худую. Сашка глядел на меня и ухмылялся во весь рот. Веснушки так и разъезжались к ушам.

– Хорошо как, что ты пришёл, Тёмка! Идем, я тут шалаш на дереве затеял строить, но одному мне туда толстый сук не затащить, а иначе ничего держаться не будет!

Аля вздохнула, с прежним старшесестринским выражением.

– Саш. погоди. Тёма, так всё-таки... вы к нам надолго?

– На лето, – беспомощно ответил я. – Тётя уехала, я тут один... Ну и пошёл, через ручей...

Они оба замерли.

– Как через ручей? – побледнев, спросила Аля. – Через ручей? Тот, что в овраге?
– Ну да, – сказал я, не понимая, в чём дело. – В овраге. У меня за спиной. Тут разве ещё другие ручьи есть?

– Есть, но другие, – процедила Аля сквозь зубы и как-то нехорошо сощурилась. – А туда мы не ходим, нечего нам там делать, там народ, говорят, дурной...

– Никакой он там не дурной! – обиделся я. – Я сам там живу! Там мой дом! А ваш где? Аля неопределённо махнула рукой себе за спину.

Сашка всё это время нетерпеливо прыгал рядом с ней.

– Хватит уже болтать, пошли шалаш строить! Ну, Аль, ну, пожалуйста!

– Сейчас пойдём, – Аля не спускала с меня пристального взгляда. – Тёма, вы точно там живёте? За ручьём? В доме?

– Ага, – кивнул я. – А что ж тут странного? Вы-то сами что, в лесу ночуете? Как индейцы?

– Н-нет, – неуверенно сказала Аля. – Н-не в лесу. В-в доме... в дому... – она поднесла пальцы к вискам. Я видел розовые ногти, шрамики, следы заживших царапин – самые обычные девчоночьи руки и самые обычные пальцы.

Она не помнит, где живёт? Не хочет отвечать? Или думает, что я с другой, враждебной улицы?

Сашку все эти вещи, похоже, совершенно не занимали. Он потянул меня за рукав.

– Тём, пошли, а? А то сук тяжёлый, никак мне его не поднять...

– А хотите ко мне в гости? – вдруг решил я. – Дома всё равно никого нету.

– Н-не, – выдавила Аля, лицо её вдруг словно окаменело. – М-мы туда не ходим.

– Почему?

– Н-не ходим, – она отчего-то стала заикаться. – Просто не ходим, и всё.

– Да не бойтесь! У нас на улице никого, кроме меня, нету. Никто не обидит, а тётя у меня добрая.

Однако Аля лишь покачала головой, и даже Сашка не пришёл мне на помощь (на что я, честно говоря, рассчитывал).

– Лучше вы к нам, Тёма, – бледно улыбнулась Аля.

– А... далеко идти? – вспомнив о вдруг оказавшемся бесконечным ручье, сказал я.

– Недалеко, – ответила Аля и вдруг обернулась, резко, словно что-то услышав. Замер и Сашка, веснушки его вдруг побелели.

– Что... что такое?

– Тёма. Уходите. Немедля, – голос Али сделался ну точь-в#точь, как у моей мамы. – Скорее! Уходите... через ручей.

– 3-зачем? – не понял я.

– Уходите! – она топнула ногой. – Сюда идут... идёт... Да скорее же вы, бегите, говорю вам!

И она пихнула меня в грудь так, что я, вдруг оказавшись по ту сторону кладбищенской ограды, покатился вниз по склону – прямо к ручью.

Там, наверху, засвистел ветер, солнце закрыли невесть откуда взявшиеся тучи. Меня словно окатило ледяной волной – невидимой, будто там, за гребнем оврага, в бассейн рухнуло что-то очень тяжёлое.

Но там не было, конечно, никакого бассейна. Только старый, заброшенный погост на восемь могил.

Я вдруг сообразил, что так и не прочитал имена на надгробиях.

Что-то глухо взвыло там, за гребнем, взвыло, словно волк холодной зимой – или волки зимой не воют? Ледяной ветер сёк мне щёки, и тут я, не выдержав, побежал.

Ну да, струсил, струсил.

Возле самого ручья голова уже привычно закружилась, но я успел набрать ход, оттолкнулся, прыгнул – и растянулся на мху уже на «своей» стороне.

Голова кружилась, но, как оказалось, если быстро сделать несколько шагов прочь от воды, сразу становится легче. Главное – не обращать внимания на дурноту.

Я кое-как поднялся, осмотрелся. Всё тихо, ручеек журчит себе, мирно так, бестревожно... Всё в порядке. Солнышко светит, на небе – ни облачка. И никаких голосов.

«Но... они ж должны быть рядом, – подумал я. – До Али и Сашки – рукой подать».

– Эге-гей!

Молчание.

– Эй-гой! Как вы там? – крикнул я погромче, складывая ладони рупором.

Никакого ответа.

Я подождал, подождал – ничего. Стал спускаться к воде – тошнота враз навалилась так, что пришлось отползать на карачках. «Не-ет, – подумал я, – так дело не пойдёт. Нужно только с разбега, одним прыжком, а у меня сейчас едва ноги ходят».

В общем, я выбрался из оврага, оказавшись на нашем заднем дворе. Иван возился возле каретного сарая с лошадьми; я помахал ему рукой.

– Что, барчук, в лес ходили?

– Ага, ходил, Иван. Ты не знаешь... что там за кладбище?

Иван отвёл взгляд, почесал густую бороду.

– Э-э, барчук, не моего ума это дело. Погост и погост. Старый, на него никто уж и не ходит.

– Да, там всё заросло уже, – добавил я задумчиво.

– Я по чужим домовинам не лазю, – Иван по-прежнему чесал бороду и глядел вбок. – На родительницы моей могилку, на батюшкину – это да, это дело святое. Крест поправить, оградку, чтобы всё чин чинарём. А по чужим... недоброугодное то дело. Не наше. Так я мыслю, барчук. Ведь верно?

– Верно, Иван. Конечно, верно, – поспешил я.

Отделавшись от Ивана и вернувшись к себе, я по-думал, что великий Пуаро, наверное, не взял бы меня даже выносить корзину для бумаг из его кабинета. Зря я читал и перечитывал все его приключения, что ли?

Дано: старый погост на задах дома, за ручьём. Две улицы, что под прямым углом друг ко другу. Задача – найти исток ручья и другие подходы к погосту. Выполняйте, кадет Гнёздовский.

Немного поболтав о пустяках с тётей, – она снова убиралась в прадедушкиной библиотеке, – я отправился на улицу. Для верности прихватив с собой внушительный дрын, как бы собак отгонять, я двинулся от нашего дома, как ехать к вокзалу.

Один дом, два, три. Все вроде как жилые, но людей почему-то я никаких не вижу. Что за чепуха? Ни собак нигде не видно, ни кошек бродячих.

Я не успел это как следует обдумать, потому что оказался на перекрёстке. Всё правильно: от нашей улицы, Полевой, отходила другая, Родительская.

Я свернул на неё, рассчитывая быстро попасть к истоку ручья – но не тут-то было. Высоченные глухие заборы, ворота на кованых петлях, что впору замку какого-нибудь Лорда Думсбери, владыки Кровавого Тракта из «Приключений Донована, пажа, а впоследствии – оруженосца». Не протиснешься – нигде ни прохода, ни щёлки.

«Ничего не понимаю», – подумал я. Позади осталось уже полдюжины дворов – и ничего. Мне, само собой, не пришло в голову лезть средь бела дня через чужие заборы; я упрямо шёл вперёд, однако пришлось возвращаться домой, несолоно хлебавши.

Странный какой-то город Гнёздов. Словно вымерло всё. Редко когда мелькнёт за занавесками чья-то тень; ну, и ещё цветы в палисадниках и на подоконниках говорят, что в этих дворах кто-то всё-таки живёт. Но почему собак совсем не слышно?

Так, в раздумьях, я и вернулся домой. «Словно какая-то сила решила не допускать нашего странника к предмету его разысканий», как выразился бы чародей Мерлин из «Странствия сэра Галахада».

Тётя позвала меня обедать, а потом – в библиотеку.

– Раз уж ты так любишь читать, Тёмушка, то поможешь мне составить опись, правда ведь, дорогой? Любому другому это в тягость, но не тебе, ведь верно?

Я только кивнул.

Конечно, составлять опись книг совсем не так весело, как строить древесные шалаши, разыгрывать исторические битвы с сотнями солдатиков или хотя бы просто играть в пятнашки; но если знать, какие фолианты приходится заносить на карточки...

– Как вы себя чувствуете, тётя? То лекарство, что папа передавал...

– Спасибо, мой дорогой, что беспокоишься, – голос тёти потеплел. – Мне лучше, гораздо лучше. И не смотри, что я по-прежнему бледная, в это время года я обычно почти всё время лежу из-за мигреней, а теперь вот, сам видишь.

Я видел.

– Тёть, а почему тут, в Гнёздове, так пусто? Прошёлся вчера по улице туда-сюда – ни души, ровно все поумирали!

Мне показалось – или тётя слегка вздрогнула?

– Что ты, что ты, Тёмушка. Городок у нас и вправду тихий совсем, старики всё больше, ну или вот старухи-вдовы, как я. Молодые-то по большей части в столицы подались иль на железной дороге работают, там прямо свой собственный город построили, Гнёздов-новый.

Я молча кивнул. Ответов на свои вопросы мне тут не получить – ну, и рассказывать о собственных приключениях тоже смысла не имеет.

Через день, собравшись с силами, я вновь отправился за овраг. Наученный горьким опытом, разбежался как следует, оттолкнулся, перемахнул русло. Тошнота ударила в виски, но я, не поддаваясь, рванул изо всех сил прочь от ручья – и дурнота послушно отступила.

– Аля! Сашка!

– Ого-го! – откликнулся мне мальчишеский голос.

...Они вновь сидели на старом погосте. Сашка – на своём, похоже, любимом кресте. Я невольно поёжился – всё-таки лазать вот так на могилы... пусть старые и заброшенные...

– Тёма пришёл! – обрадованно заорал Сашка, спрыгивая с креста. Спрыгнул – примял траву. Нет, не походил он на невесомого и бестелесного призрака, никак не походил...

– Здравствуйте, Тёма. – Аля чопорно кивнула. – Рада, что вы нас вновь посетили...

Она говорила так, словно я явился к ней на пятиминутный чай и наши матушки оживлённо беседуют рядом, за «взрослым» столом.

Но заговорить себя я не дал.

– Аля, что тут случилось позавчера? Почему мне надо было бежать?

Аля нахмурила брови.

– Иногда здесь у нас бывает... нехорошо.

– Что значит «нехорошо»? – настаивал я.

– А она не знает! – жизнерадостно сообщил Сашка.

– Можно подумать, ты знаешь! – огрызнулась Аля. – Простите, Тёма, моего младшего брата. Он бывает совершенно... невыносим.

– Всё в порядке, – машинально ответил я. – Но... я не понимаю...

– А никто не понимает, Тёма! – ещё более весело отозвался Алин брат.

Аля поджала губы, точь-в-точь как моя мама, когда недовольна.

– Тёма... тут столько всего странного, – сказала она донельзя взрослым голосом.

– Угу, – согласился я. – Пытался я тут ваш ручей обойти, да никак. На соседней улице, Родительской, дом к дому, забор к забору, комар носа не просунет! Шёл-шёл, а никуда и не пришёл.

– Вдоль ручья? – вздрогнула Аля.

– Ну да. Вон того, что в овраге, – я ткнул пальцем.

– И ты... его не обошёл? Ты через него перепрыгнул? И тогда, и теперь?

– Ага. Я ж говорил вроде. Аля, а что...

Только тут я понял, что уже и Сашка глядит на меня, не улыбаясь, а с ужасом.

– Т-ты за нами, д-да? – едва выдавил он. Глаза у него сделались круглые, руки тряслись.

Аля осторожно стала отступать, шагок за шагом, не сводя с меня пристального, какого-то сверлящего взгляда.

– За вами? – не понял я. – Ну да, за вами. Пови...

«Повидать вас», – хотел я сказать, но тут Сашка дико взвизгнул и опрометью кинулся наутёк, через приоткрытую ржавую калитку кладбища, в один миг скрывшись в кажущихся непроходимыми зарослях.

Аля тоже пятилась. Лицо у неё сделалось «белее снега, на котором жили только огромные глаза», как не преминул бы отметить благородный Донован, тот самый, книжный, ещё в ипостаси пажа.

– Что это с ним? – я развёл руками, ничего не понимая.

– Кто ты? – сквозь зубы вдруг спросила она.

– Тёма. Артемий, – ошарашенно пробормотал я. – Гнёздовский... А ты это к чему?

– Кто ты? – прошипела она, пригибаясь и выставляя руки, словно собравшись драться.

Я только и мог, что молча открывать и закрывать рот.

– В третий раз спрошу тебя, – проговорила она нараспев, явно собрав последние силы, потому что на лбу её я видел капельки пота. – Кто ты? Зачем явился? Что тебе нужно?

– Да ничего мне не нужно! – рассердившись на весь этот спектакль, бросил я. – Хотел вас найти, вот и всё! Ручей обойти не смог, перепрыгнул! Что вы тут оба, с ума посходили, что ли?

Аля остановилась.

– Он не смог бы врать... – пробормотала она, не глядя на меня. – Проводник не может... Не в силах...

– Да не вру я!

Она беспомощно огляделась, словно вновь ожидая пришествия какой-то неведомой опасности.

– Тёма. Расскажи мне всё.

Голос у неё сделался низкий и торжественный.

– Да чего ж рассказывать-то? – не выдержал я. – Уж сто раз всё сказал. Артемий я. Гнёздовский. Приехал к своей тётке, Аглае, погостить. Вокруг никого нет, играть не с кем. Пошёл вот в овраг за домом, поглядеть, что там да как. Ну и... вас вот увидел.

– И всё? – подозрительно спросила она.

– И всё.

– Клянёшься?

– Побожиться могу и крест поцеловать! – Я полез за пазуху.

Она вдруг взвизгнула, упала на колени, марая и пачкая платье.

– Нет... нет... – Рука умоляюще протянулась к мне, Аля хрипела, словно её душили.

– Алька! – Я кинулся к ней, но она уже сама вставала.

– Хррр... ой... Прости меня, Тёма...

– Н-ничего. – Я стоял дурак дураком. – Аля, что это было? Я полез за крестом, и...
– И, – призналась она, опуская голову. – Не могу... видеть. Не дано. Сразу... плохо. Очень. Как и возле того ручья...
– Тебе там тоже плохо? – Я сразу забыл обо всём.
– Угу. – Она опустила голову. – И не просто плохо. Исчезаю... таю словно. Не могу на ту сторону. Запрещено. Там... злое. Опасное для нас. Очень.
– Да почему же, почему?! – Я совсем забылся. И схватил её за руку. Девочку, гимназистку – у нас такое возможно было только на Осеннем, Рождественском да ещё Весеннем балах.

Она руки не отняла. Тёплой и живой, настоящей.
Аля беспомощно огляделась, ну точь-в#точь ожидая строгой классной дамы со стеклом.
– Я не знаю, кто ты. И не могу сказать.
– А я не знаю, про что ты спрашиваешь!
Кажется, она заколебалась. И, быть может, даже рассказала бы мне всё, как та загадочная незнакомка оруженосцу Доновану, чей рассказ мог бы спасти его друзей из лап кровавого лорда Думсбери – но, как и ту загадочную незнакомку, Алю спугнул крик.

В книге мы так и не узнали, ни кто кричал, ни кто была та прекрасная дева; здесь же опознать голос было нетрудно.

Кричал Сашка, и кричал дико, словно за ним во весь опор мчалось стадо бешеных бизонов.

Земля дрожала тоже, кстати.

Аля метнулась, словно испугнутая птица.

– Уходи! Кто бы ты ни был – уходи! За ручей, если не обманываешь! – Она исчезла в зарослях, беззвучно, так, что не хрустнул ни один сучок, не шевельнулась ни одна ветка. Как это у неё так ловко всё получилось?

Стало очень страшно, живот так прямо-таки скрутило. Э, тут и до медвежьей болезни недалеко!

Согнувшись в три погибели, я и впрямь стал пробираться обратно к ручью.

– Эй, мальчик, – негромко сказал кто-то холодным голосом у меня за спиной.

Ноги приросли к земле.

– Обернись, мальчик.

Ой, мама, мама, мамочка!

Голову мою поворачивала словно неведомая сила.

Я зажмурился. Крепко, как только мог.

«Отче наш, иже еси на небеси...» – начал я сам собой.

– Посмотри на меня! – приказал всё тот же голос.

Веки мои словно кто-то потащил вверх, точно попавшихся на крючок рыбок.

На гребне оврага, возле старой железной ограды, застыла фигура в сером плаще до самой земли. Голову и лицо скрывал просторный капюшон – ни дать ни взять Загадочный Монах из «Мага королевских мушкетёров».

– Посмотри... – услышал я.

Я смотрел.

Солнце скрылось за тучами, всё вокруг враз сделалось серым и холодным, словно мокрой дождливой осенью.

– Так, ты не тот, – ровным голосом сообщила мне фигура в плаще. – Но всё равно. Дай мне руку.

Шага ко мне существо в капюшоне не сделало.

Рука моя сама собой поползла вверх.

«Но превыше всего остерегайся Серого Странника, – вдруг зашепелявил у меня в ушах незнакомый старческий голос. – Ибо послан он охотиться на заплутавших возле границы. Охотиться и навсегда уводить с собой в преддверья адские, где обращает он несчастных в своих рабов, подобно ему самому, рыскающих у самого рубежа, помогающих ему в поисках...»

Губы мои не шевелились, словно скованные льдом. Молитва звучала только в мыслях, да и то с запинкой.

Но каким-то образом я знал, что давать руку этому созданию никак не следует.

«У него нет над тобой власти», – сказал тот же старческий голос, и только тут я понял, что вспоминаю только что прочитанное в «Теории и практике некромантии», глава «О тропах засмертных».

«Оборониться от Серого мыслимо, но лишь твёрдою волей. Очерти круг, рассечённый на шесть разных частей, как бы звездой Давида, читая отпорный наговор...»

Но вместо этого я просто сделал шаг назад. Сделал, потому что вдруг услышал голос тётушки:

– Тёма! Тёмочка, где ты? Чай пора пить!

И почему-то от этих простых слов оцепенение с меня как рукой сняло.

Серая фигура так и осталась, замерев, а я уже птицей перелетел через ручей. Привычная уже волна дурноты показалась благословением.

«Громко расхохоталась мёртвая ведьма, и опрометью бросился Квентин прочь, не смея оглянуться, в ледяном поту, и смертельный ужас гнал его пустынной ночью дорогой прочь от проклятого кладбища, не давая ни остановиться, ни даже оглянуться...»

С гордостью – и немалой – скажу, что я таки оглянулся. Оглянулся, уже когда бежал по тропе вверх, к задней ограде тётиного дома.

Солнце щедро заливало светлыми лучами кромку оврага, и никого там, конечно же, не было.

– Т-тётя... – Я со всего разгону чуть не врезался в неё, стоящую у распахнутой калитки.

– Заигрался ты, видать, Тёмочка, – ласково сказала она, глядя на меня с прежней грустью. – Никак докричаться тебя не могла.

Пальцы её слегка подрагивали.

– Идём чай пить, мой дорогой. С булочками.

И вновь я не решился задать тёте ни одного вопроса.

Весь вечер я провёл в библиотеке, неотрывно читая про Серого Странника. И получалась какая-то ерунда. Опасен он лишь для неприкаянных душ, для тех, кто как раз и не смог оторваться от нашего мира, зависнув меж жизнью и смертью. Видеть его я, живой, не мог никак. Ни под каким видом. Видать, привиделось. Вообще со мной тут творятся какие-то странные вещи – ручей, который не обойти, теперь ещё этот... призрак серый. Ох, ох, что ж тут делать-то?

Невольно я пожалел, что не шибко внимательно слушал отца Никодима...

Жуть пробирала, как говорится, до самых печёнок, но, с другой стороны, всё настойчивее и настойчивее становились совсем другие мысли: кто такие Аля и Саша? Мои умершие кузина с кузенком? Задержавшиеся меж небом и землёй? Или мне всё это просто кажется?

– Зачитался ты что-то сегодня, мой дорогой. – Тётя стояла в дверях библиотеки. – Смотри, уже ночь на дворе, а ты всё сидишь.

– Уж больно интересно, тётя, – как можно просительно и жалобно заныл я. – Ну, можно, я ещё чуток почитаю?

Тётя как-то странно улыбнулась, уголки губ дрогнули – и не больше.

– Что ж с тобой делать, дорогой... Сиди, коль интересно. Когда ещё и посидеть-то, как не сейчас. Лампы только не гаси. Я сама потом погашу.

Я торопливо кивнул, не в силах поверить удаче.

...Опомнился я, когда заспанный Иван осторожно заглянул в проём.

– Барчук, да вы, никак, и не ложились вовсе! Смотрите-ка, рассвет уже, а он всё за книгами!

Я только и смог, что кивнуть. Рассвет... Уже рассвет... Надо же, а я ничего так и не почувствовал. Ни усталости, ни привычного уже, когда засиживаешься за полночь, песка в глазах.

Картинка складывалась, только я никак не мог в неё поверить.

Зато я теперь твёрдо знал, что сделал бы на моём месте тот же Квентин, маг королевских мушкетёров.

А теперь на это предстояло решиться мне. Если, конечно, я во всё это верю.

К старому кладбищу за странным ручьём я выходил прежним манером – с разбегу перемахнув через журчащую воду.

Дурнота подкатила и отхлынула. Всё, как и должно быть. Вернее, должно, но не со мной. Мне-то все эти фокусы, что называется, как мёртвому припарки. Гм, хотя, может, и не надо так уж о мёртвых...

Неведомая сила гнала меня и гнала к заброшенному погосту. Я и не представлял, что после привидевшегося мне вчера я вообще рискну туда вернуться – однако ж вот вернулся.

И в руках у меня была нарядная кукла с голубыми глазами.

Гребень оврага был чист, никого не было видно и среди старых могил. Раздвигая репейники, я осторожно взглянул, пытаюсь прочесть изрядно стёршиеся надписи.

Титулярный советник Иван Пахомович Гнёздовский.

Супруга его, Таисия Авдеевна.

Полковник Савватий Иванович Гнёздовский.

Младенец Егор Савватеевич Гнёздовский...

Восемь могил. Род Гнёздовских, наш род. Вернее, его кусочек.

Все умерли уже давно, кто пятьдесят, а кто и семьдесят лет назад.

Но... но тётя мне сказала, что дом этот строил её дед, дед по матери. А Гнёздовские – это же по отцу.

Впрочем... Какая разница? Никаких Кораблёвых тут нет и не было. Ни Алевтины, ни Александра. Всё верно.

Обойдя погост и тщательно всё осмотрев, я осторожно присел на почти завалившуюся лавочку. Моих странных знакомых как корова языком слизнула.

– Аля! – рискнул я. И уже громче: – Саша!

Тишина. Не шумит ветер, не жужжат пчёлы, не стрекочут кузнечики. Не перепархивают с цветка на цветок яркие бабочки. И птицы молчат тоже. Только высятся холодные камни, да ждут добычи незанятые места старого погоста.

Я осторожно посадил куклу рядом с собой. Взглянул в ярко-синие нарисованные глаза и снова позвал, только на сей раз полусёпотом:

– Аля!

Ничего.

У меня вырвался вздох. Стало страшно, очень. Но... ничего не поделать. И откуда только у меня смелость взялась?

Я принялся чертить отпорный круг, в точности, как было описано в книге.

Знаки давно забытого языка, обозначающие имена демонов, стражей пути в подземный мир – люди верили в них, когда на грешной нашей Земле и слухом не слыхали о Сыне Божьем. Потом Он явился, и творил чудеса, и сокрушил врата адские, и вывел ветхозаветных

праведников, и был распят, и воскрес, и вознёсся, и пребывает теперь там, светом в любой тьме, надеждой в любой печали, спасением в любой беде.

Главное – не опускать глаза и не отчаиваться, ибо Он справедлив.

Закончив с первой фигурой, я взялся за ограду. Каждый угол, каждый столб, каждую ржавую перекладину или прут следовало укрепить. Разумеется, не обычными подпорками.

Из кармана я достал заготовленную с ночи пачку плотных картонок размером с ладонь и принялся развешивать их на кладбищенской ограде. Закончил, полюбовался – получилось неплохо, почти как у мага Квентина, когда тому пришлось отражать в развалинах башни старого безумного чародея атаку его доморощенной стражи – крыс ростом с человека.

В самый центр круга я осторожно посадил куклу. На широкий лист лопуха, чтобы не запачкать с таким тщанием сшитое платьице.

Я увидел достаточно, чтобы поверить во всё, написанное на старых страницах.

Кукла сидела, спокойно и словно с ожиданием глядя на меня синими глазами.

– Аля, – сказал я, обращаясь к кукле. – Аля, приходи. Приводи Сашу. Приходи скорее.

Касаясь рукой каждого из символов, я громко, нараспев проговаривал жутковатые, хрипяще-шипящие имена-прозвища неведомых существ, что якобы всё ещё дремлют «где-то совсем рядом», охраняя додревние пути, которыми до сих пор бродят несчастные неприка-
янные духи.

– Тёма? – донеслось до меня слабое.

– Аля! Я здесь, Аля!

– Тёма...

Откуда-то из глубины зарослей с другой стороны железной изгороди, там, где я никогда не бывал.

– Аля!

Нельзя выходить из круга, нельзя выходить из круга, нельзя выходить...

Качнулись ветви, но ни Али, ни Сашки.

– Тёма... – вновь, глухо и безнадежно. Голос уплывает, словно проваливаясь в неведомую бездну; хотя почему словно – именно что проваливается.

Взгляд мой упал на куклу – наверное, я её как-то задел... потому что она закрывала лицо обеими руками.

Не растеряться, не растеряться, в книге ж было про это, я читал – только все мысли сейчас перепутались.

Как у меня это получилось – Бог ведает, но я схватил синеглазую куклу и одним прыжком выскочил из отпорного круга, не задев, по счастью, ни одной линии.

Я вломился в заросли, мимоходом подивившись, как это у меня так ловко вышло ничего не задеть, нигде не запутаться и ни за что не зацепиться. Вокруг меня было настоящее «ведьмино поместье», как говаривала нянюшка, то есть старые раскидистые ивы, густо окружённые мелкими кустами, вездесущей крапивой в рост человека и прочими радостями.

Лес, густой лес без конца и без края. Полумёртвый лес, лес без звуков и голосов. Как назло, в голову не лезло никакой подходящей цитаты. Почему-то это казалось очень важным – вспомнить хоть что-то из прочитанного, вспомнить, как ловко и с честью выпутались бы оруженосец Донован или маг королевских мушкетёров Квентин, африканский путешественник Лонгбоу – или хотя бы уж кровавый лорд Думсбери, который, хоть и негодяй, был и смел, и решителен, и даже удачлив.

Нет, не в тех книгах искать ответа...

Я по-прежнему мчался сквозь заросли, и ветки – удивительное дело! – не хлестали по лицу, а послушно расступались. Появилось даже какое-то подобие тропы, ведущей вниз, по склону, в овраг.

В овраг? К ручью? Откуда тут вообще этот лес без конца и без края? На Родительской улице вплотную друг ко другу стояли дома, высокие заборы, не было там и не могло быть такого леса, что бежишь-бежишь, словно через глухую чащобу?

А потом всё стало сереть, терять краски и очертания, словно заволакиваясь туманом. Я будто с разбегу влетел в облако хмари, сырое и холодное; ни Али, ни Сашки не видно, не слышать и их голосов, но отчего-то я точно знал, куда бежать.

Кукла в моей руке стала тёплой – сама по себе или просто согрелась?

Отпорный круг остался далеко позади, теперь, если что, и не добежать.

Холодно, холодно. Земля всё понижается, я бегу под гору. Дневной свет меркнет, я словно ныряю, погружаясь всё глубже и глубже.

И, подобно ныряльщику, должен чётко соразмерить силы и дыхание – на сколько хватит?

Кукла глядела на меня синими глазами – «глядела с отчаянием и надеждой», как пленная леди Ровена на сближающихся с обнажёнными мечами в руках её защитника Донована и злодейского лорда Думсбери.

– Аля! – снова позвал я, громко. Они должны быть где-то рядом, где-то совсем-совсем близко.

Шипение, словно на горячую плиту брызнули водой. Туман впереди за клубился и заколыхался, там словно раскрывались ворота... или провал... или и то, и другое вместе. И там шевелились какие-то фигуры... тени... очертания... Копошились, словно муравьи подле своей кучи, развороченной медведем.

Здесь ещё был лес – здесь, вокруг меня, а там, впереди, подле ворот, он исчезал совершенно, и земля исчезала, и всё-всё-всё, и серые волны, как я теперь видел, словно вливались в эту жуткую дыру, над которой медленно выпрямлялась, подобно только что вылезшему через узкий люк человеку, уже знакомая мне фигура в сером плаще.

Ни завопить от ужаса, ни броситься наутёк, как в первый раз, у меня не получилось. Я просто знал, что всё это – взаправду, и что Аля с Сашей где-то рядом, совсем рядом...

Я остановился – не потому, что выбился из сил или лишился дыхания. Нет, чувство было такое, что пробежать я могу ещё хоть десять вёрст.

К фигуре, застывшей над провалом, медленно приближались – нет, не Аля с Сашей, а две смутные тени, словно два обрывка облачка. Приближались медленно и неуклонно, их словно гнал не ощутимый мною ветер – облака ведь не могут ему противостоять, даже если б и хотели.

– Аля! – закричал я, высоко поднимая куклу. – Аля#а#а!

Облачка замерли, почти слившись воедино. Серая фигура над провалом тоже услышала меня, дрогнула, поплыла вперёд, не касаясь земли, или что тут было вместо неё.

– Сюда! Ко мне!

– Ты опоздал! – яростно прошипел злобный голос. Нет, это не заговорила серая фигура, слова раздавались словно бы разом и со всех сторон.

Туман заплескался вокруг моих ног, и мне почудилось, будто я проваливаюсь в топкую трясину. Словно... словно... страницы любимых книг исчезали из памяти, улетая подобно вспугнутым птицам. Оставались лишь вычерченные тёмно-синими, багрово-алыми и изумрудно-зелёными чернилами схемы и диаграммы из «Теории и практики некромантии».

Аля, крепко державшая Сашу за руку, появилась из серой мглы. Вид у неё был такой, словно она только что проснулась. Сашка же, по-моему, спал на ходу, у нас так являлся к первому уроку известный второгодник Котовский. Каковой Котовский прославился как раз тем, что и в самом деле умел спать с открытыми глазами и даже переставляя ноги.

– Т-тёма?

– Бежим! – завопил я, высоко поднимая куклу, словно зная.

Аля так и впиалась в неё взглядом. Серая фигура меж тем приближалась, неторопливо, но и неумолимо, словно зная – мы в полной её власти и никуда уже не денемся.

– Ты зашёл слишком далеко, – прошипел туман мне прямо в ухо.

– Маша... Моя Маша... Откуда она у тебя? – Аля в упор глядела на синеглазую куклу. – Моя... моя любимая...

– Ты помнишь, кто ты? – выпалил я. Это было важно, очень важно. Как якорь, что удерживает корабли.

– Теперь помню, – медленно сказала она.

– И-и я... – как сомнамбула, проговорил Сашка. – Мы... мы ж померли, да, Аль?

Режущий свист, словно взмах сабли – серая фигура была уже рядом.

Я дёрнул Алю за руку – вновь крепкую и тёплую, – и мы помчались. Последнее, что я успел увидеть – выплескивающуюся из серого провала орду каких-то мохнатых существ, с меня ростом, а за ними из провала, словно из вулканического жерла, ударил столб огня.

Ох, как же мы бежали!..

Мы бежали сквозь призрачный мёртвый лес, вверх по склону оврага, или, наверное, не оврага, а словно бы пологой горы. Бежали вверх, туда, где свет.

За нами по пятам мчалось сонмище, и никто не дерзал даже обернуться.

– Не... не уйти! – крикнула Аля, и я вместо ответа схватил её за руку, сунув куклу Машу ей в другую. Сашка тоже судорожно вцепился в меня. Так, втроём, мы и мчались дальше, прямо до знакомой уже кладбищенской ограды.

Влетели внутрь, я навалился на ржавую калитку, захлопнул. Щеколда послушно заскрипела, втискиваясь во столь же ржавую, как и всё остальное, петлю.

– Что... дальше? – выдохнула Аля, почти валясь наземь.

– Мы их встретим, – сказал я.

– Их?

– Угу. Сашка, не высовывайся! Утащат. Тут сиди! Аля, нам не выбраться, пока они тут. Пока за нами погоня. Уйти можно, только их победив.

– Кто ты? – она уставилась на меня расширившимися глазами.

– А ты сама как думаешь?

– Нашли время! – вдруг окрысился Сашка. – Они уже тут!

Зелёные заросли, малинник и крапива, болиголов и лопухи – всё исчезало. Серая хмарь накатывала волнами, и во главе её надвигалась фигура в плаще, с утонувшим во тьме лицом, если, конечно, там вообще было хоть какое-то лицо.

Мы все попятились, прижимаясь к холодным могильным камням. Конечно, Квентин, маг королевских мушкетёров, уже встретил бы нападающих заговорённой картечью из верного мушкета, приправленного соответствующими заклятиями; но у меня не было ничего, кроме картонных карточек со тщательно перерисованными рунами, иероглифами, письменами и символами.

Мохнатые существа, больше всего напоминавшие поросят с длинными хвостами и мордами крокодиловых детёнышей, с размаху бросились на железную ограду, вцепились было когтистыми лапами, попытались просунуться в дыры, где железные прутья разошлись, – но вновь и вновь с визгом отскакивали, катались по земле; шерсть на них дымилась, там, где они дерзнули коснуться ограды, пролегли длинные багровые шрамы ожогов. Запахло горелым мясом и пером, словно на кухне, когда палят курицу.

Мелкие бесы – ибо кем же они ещё могли быть, рассудил я, – накатились и откатились, жалобно завывая и совершенно по-человечески потирая обожжённые места.

Серая фигура подобралась ближе, не касаясь, тем не менее, железной ограды.

– Хитро... – прошипел мне в ухо прежний голос, шедший как бы со всех сторон и ниоткуда в точности. – Гордишься собой, да? Думаешь, что победил? Вот так вот просто, как прилежный ученик, выучил задание, начертил, нарисовал, развесил – и всё?

– Изыди, сатана, – просто сказал я, не глядя на адское создание. – Изыди. У тебя нет над нами власти. И надо мной – в особенности. Я-то – жив!

– Жив? – захохотал призрак. – Эй, вы, ничтожества, слышите – он верит, что жив!

Мохнатые поросюки послушно вскочили на задние лапы и, забыв об ожогах, принялись старательно хрюкать – надо полагать, это был дружный смех.

– Ладно, – отсмеявшись, сказал призрак. Сказал без гнева, почти дружелюбно. – Сидите здесь. Текущую воду вам всё равно не перейти, всем троим. А твоя защита, гордец, не вечна. Мы не торопимся. У нас впереди вечность.

Серое существо с достоинством пожало плечами и повернулось, удаляясь. Следом за ним двинулась и большая часть его мохнато-поросячьей рати, правда, не вся – дюжина или около того осталась, наверное, наблюдать. Я, однако, заметил, что задние ряды свинюшек оборачивались и глядели на нас как бы не совсем так, как положено слугам адского пекла – чуть ли не с завистью, а иные так и вовсе с сочувствием.

Мы перевели дух. И поглядели друг на друга. На языке у меня дрожали тысячи тысяч вопросов – как всё это случилось? Как Аля и Саша жили здесь – если, конечно, это можно назвать «жизнью»? Что видели? Что делали? Встречали ли других, подобных себе – не случайно же Сашка при первой встрече назвал меня «новеньким»?

И... я не знал, с чего начать.

– Он... вы его... – наконец выдавил я.

– Угу, – буркнул Сашка. – Не, не видели. Слышали только.

– Слышали? От кого?

– У нас... случались гости, – бледно улыбнулась Аля, садясь рядом. – Но, Тём, что же дальше? Они не утащили нас всех троих прямо сейчас, но потом вернутся. Они всегда возвращаются. И всегда побеждают. Как смерть.

– Ничего подобного! – вскинулся я с горячностью, удивившей меня самого. – «Смерть, где твоё жало?» – забыли?

– Мы-то – нет, – Аля глядела в сторону, прижимая к себе куклу. – А вот про нас – да...

– Мы тоже забыли, – добавил Сашка. Он держался лучше сестры, как ни странно. – Вспомнили, только когда ты Машку Алину показал, – он вдруг шмыгнул носом. – А... а моего...

– Твоего медведя? – догадался я, вспомнив плюшевого мишку в углу сундука с солдатами. – Ага, нашёл. Цел он, ничего ему не сделалось.

– А... – Аля судорожно потёрла глаза. – А... дом наш? Мама и папа-то, они вместе с нами тогда... умерли...

Я опустил голову.

– Папа ваш, наверное, и впрямь умер. А вот тётя Аглая жива и здорова. И дом стоит.

Сашка аж подскочил.

– Мама! К маме-к маме-к маме-к маме!

– погоди! – одёрнула его Аля, губы дрожали, руки ходили ходуном. – Нам сперва выбраться отсюда надо! И через ручей перебраться! Всем троим, кстати! Тебя, дорогой кузен, тоже касается!

– Мне-то нетрудно, – пожал я плечами. – Только голова чуть закружится, и всё, но если с разбега, то невелика беда.

– С разбега... – передразнил Сашка. Рот его кривился, голос дрожал, ни дать ни взять – сейчас расплачется. – С какого разбега, братец? Мы же мёртвые, все трое! И ты тоже! Текучая вода – нам не перейти!

У меня засосало под ложечкой. Что за выдумки с «ты мёртв, ты мёртв»? Какой я мёртвый? Когда умирал?

– Вода или не вода, нас она не остановит, – решительно сказал я. – Зря я, что ли, книжки читал? Есть и на неё управа. Но туда мы успеем. Скажите лучше, как вам... Нет, скажите лучше, почему так всё странно у нас было, когда вы меня только увидели?

– Так мы решили – ты из Охотника своры, – хоть и шмыгая носом, тем не менее взялся объяснять Сашка. – Он часто так делает. Просто увести нас всех не может, не дано ему, надо непременно хитростью какой-то взять. Ты на тех поросей не смотри – они все такие ж, как мы, были. Ну, пока их не поймали.

– Ага, некоторых Охотник себе оставлял, – подхватила Аля.

– Наверное, самых плохих, – буркнул Сашка. – Большинство-то, говорят, утаскивает туда, откуда...

– Не надо про это, – оборвала его Аля. – Но, Тёма... ох, ты ж, значит, кузен... Никак не привыкну... Что теперь-то делать? Нет из смерти путей, а мы-то с Сашкой давно уж... того. И ты тоже. На кладбище этом ещё ничего, тут как-то... безопасно. А вот вокруг...

– Ничего я не мёртвый, – оборвал я её. – И вас выведу. Есть на то заклинания. А поскольку ничего в этом мире, кроме как по воле Господней, не творится, или по Его же попущению, значит, и это можно делать. Иначе не допустил бы Он никаких чар. Или сделал бы так, чтобы они не действовали.

«Верно, правнучек», – сказал скрипучий старческий голос мне в ухо. Я аж подскочил.

«Чего распрыгался? Думаешь, зря такую библиотеку я собирал? Я это, я, твой прадед. Молодец ты у меня, порадовал старика. Теперь выводите кузена с кузиной».

«А... а...» – я, наверное, выглядел сейчас словно второгодник Котовский у доски на математике. Пустой взгляд в пространство, рот открыт...

«Не акай мне тут, – строго сказал бестелесный голос. – Я это, твой прадед. Гнёздовский Иван Пахомович, титулярный советник. Между прочим, с немалыми орденами и от двух государей пожалованиями. Мной, грешным, книги собранные ты сейчас читаешь».

– Тёма? – забеспокоилась Аля.

«Они меня не слышат, не волнуйся. Они себя защитить не могут, я их прикрывал. А ты можешь. Мы с тобой, некроманты, такие – умереть спокойно и не мечтай и не надейся. Другим в ад или там в рай идти, а нам – трудиться на тропах посмертных вплоть до Страшного суда, заблудших выводить. Тем, кому не суждено было, кто до срока сорвался, о ком сам Господь скорбит. Ну, иди, Тёма, правнучек. Тебе дело трудное предстоит. Обо мне не печалься, день придёт – свидимся, поговорим. Тут, на сём погосте, крепость моя и твердыня. Меня-то тут никаким Охотникам не взять – ну, только если Сам не явится из бездны – а вот с вами другое дело. Иди же, не мешкай! Слуга адов за подмогой пошёл, не думай. Давай, не стой столбом! Эх, так бы дал подзатыльника!» – сварливо закончил голос.

Я помотал головой. Сегодня такой день, что удивляться нечему.

– Аля! Саша! Уходим, всё. Нельзя ждать больше. Что за водой забудется, то так тому и быть. – Не знаю, откуда ко мне это пришло. Может, тоже от прадеда?

– Уходим? – Аля испуганно заморгала, прижимая к себе куклу. – Тёма... ты не понимаешь. Ты по-настоящему мёртвый, такой же, как мы! Нет нам дороги назад!

– Это мы ещё посмотрим, – процедил я сквозь зубы. И решительно отодвинул щеколду.

Мохнатые поросёнки, похоже, обалдели от нашего нахальства.

Сперва обалдели, а потом дружно кинулись на нас, толпясь, пихаясь и мешая друг другу.

Здесь отец Никодим, конечно, сказал бы – молиться надо было. Ну, а я знал, что заклинания, коль они есть – та же молитва, только от знания, попущенного Господом.

Первому, самому шустрому бесёнку, я с размаху налепил на лоб карточку с глифом Награйи, додревней демоницы, чья воля правит легионами духов.

– Прочь! – Порось взвизгнул, метнулся в сторону, словно ошпаренный. Мохнатая шкура слезала с него целыми лоскутами, он катался по земле и выл – причём голос его становился всё более и более похож на человеческий.

Второй бес вцепился зубами в Алин подол, тоже получил глифом по сопатке и мигом ретировался.

Дорога перед нами открылась, и мы ринулись вниз по склону, туда, к ручью, что разделял, как нетрудно было догадаться, два мира.

Ага, нетрудно – я додумался далеко не сразу.

Здесь была моя дорожка. Нам достаточно перемахнуть через воду, чтобы уже никакие «охотники» и прочая нечисть никогда бы уже не смогли до нас дотянуться.

Три последних знака, три последних глифа. Символ перехода, символ возвращения. Я срисовывал их особенно тщательно.

...Ноги подкосились у меня первого. Потом – у Сашки. Аля закричала, у неё брызнули слёзы – однако ещё попыталась волочь и меня, и брата.

Меня словно продрало ледяным гребнем. Как, почему, отчего?

Аля застонала и повалилась сама.

Мёртвым не перейти границы. Провести их через неё может лишь настоящий некромант, как утверждалось в книге. Но для этого некромант сам не мог быть мёртвым, ведь верно?

Но... если я не могу перейти границу... значит, Аля права, и я на самом деле... мёртв?!

Да нет, глупости, не может быть, конечно же, не может!

Бесы визжали и верещали, они уже выскочили на гребень оврага. Сейчас покатаются вниз – вставай, Артемий!

Я не мёртвый. Не мёртвый. Не мёртвый. Я не умирал, со мной ничего не случилось. Это просто дурнота и слабость, ничего больше, я встану и пойду, встану и пойду...

«Встанешь и пойдёшь, лежебока! – прадедушка Иван Пахомович гаркнул мне прямо в ухо. – Тоже мне, ты к нашей кумпании не присусеживайся! Встань и иди, слышишь?!»

Я слышал. И притом очень даже хорошо.

У меня ещё оставались глифы, их я вчера нарисовал с избытком. Надо только встать, только перетащить Алю и Сашку через ручей, и всё.

«И всё!» – подтвердил прадед.

Самый шустрый из бесенят оказался совсем-совсем рядом. Руки меня не слушались, глиф вывалился из пальцев – но вдруг, точно под ветром, листок с алой руной мотнулся туда-сюда, угодив мохнатому поросю прямо на пятак.

Бесёнок взвыл дурным голосом, метнулся туда-сюда; а мне каким-то чудом удалось подняться.

На гребне уже во весь рост выпрямился серый Охотник.

– Вам не уйти.

Он не грозил, не торжествовал, просто говорил.

– Фиг... тебе! – заорал я в ответ наше школьное.

Сашку удалось поднять на ноги, Аля повисла у меня на шее, обвив её руками, – я даже не успел смутиться, потому что надо было прыгать через ручей. И я прыгнул.

За спиной раздался жуткий вой, словно тысяча тысяч глоток разорвало одновременно. Разложенные мною листки с письменами вспыхнули, языки огня пробили зелень, разгоняя, пожирая натёкший, насочившийся серый сумрак. Огонь словно подхватил нас, на внезапно развернувшихся крыльях переноса через роковой поток.

В лицо ударил ветер, в ноздри – запах воды, леса, травы. Защебетали птицы, прогудели стрекозиные крылья, мелькнули пёстрые бабочки.

Мы втроём лежали на влажной земле, подле ручейка в овраге. Сквозь кроны пробивалось солнце, и никаких «охотников» не было и в помине.

Аля приподнялась, ощупывая себя. На лице у неё... Нет, я не смогу описать. Сашка просто разревелся.

– Тёма... мы... живы? – Моя кузина судорожно прижала к себе куклу Машу.

– Ж-живы... – просипел я. Наверное, даже Эркюль Пуаро не нашёл бы сейчас иных слов.

– М-мы... увидим... маму? – запинаясь, проговорил Сашка.

– Конечно, – я встал, подал Але руку.

– Спасибо, милый кузен, – чопорно ответила она, но тотчас расхохоталась. А потом снова бросилась мне на шею. И даже Сашка заухмылялся сквозь слёзы, наверное, припоминая какую-нибудь подходящую дразнилку.

– Так бежим же, бежим скорее! – Аля отпустила меня, тотчас схватила вновь, потянула по тропе вверх.

Мы побежали. Я, наверное, не бежал так, даже спасаясь от Охотника.

– Мама! Мамочка! – завопил Сашка, не утерпев.

Мы с разгону вылетели на край оврага, на чистое место – и замерли, как вкопанные.

Дома не было. Ни дома, ни забора, ни сараев, ни даже калитки. Вернее, только она-то и оставалась. Заросшая малинником и крапивой, утонувшая в зелени; а вокруг неё – повалившийся и давным-давно сгнивший забор.

Там же, где стоял дом – почти скрытые поднявшимися молодыми деревцами и кустарником, виднелись изглоданные давним пожаром, обугленные венцы, которые никто не взялся ни перестраивать, ни хотя бы разобрать.

Дома не было. Всё, что я видел, было ненастоящим. Отчего-то я сейчас понимал это совершенно чётко.

– М-мама? – беспомощно прошептал Сашка.

Аля просто села на землю, уткнувшись в колени.

– Это был пожар, – глухо сказала она, едва сдерживая слёзы. – Теперь я помню... Очень хорошо помню...

«Нет, не может того быть. Не может!» – хотелось мне закричать.

Я сделал шаг к развалинам – из-за них вдруг показался человек в строгом тёмном костюме и при галстуке. У меня глаза полезли на лоб.

– П-папа?

Саша разинул рот. Аля подняла голову, да так и замерла.

Папа шёл к нам очень-очень медленно, осторожно, словно путешественник Лонгбоу, пробирающийся полным ядовитых змей болотом Луандор. Высокая трава цеплялась ему за ноги, он же смотрел прямо на нас.

Ноги мои, как сказал бы схваченный Эркюлем Пуаро преступник, «вросли в землю».

Папа остановился шагах в десяти от нас. Виновато развёл руками.

– Поздравляю, Артемий. С возвращением вас, дорогие племянники. Простите, что не смогли вывести вас раньше.

– Что... что это значит? – пролепетала Аля.

– Мама? Что с мамой? – повис у меня на руке Сашка.

– Ваша мама – и моя сестра, – строго и печально сказал папа, и я никогда не видел у него такого лица, – отдала всё, что у неё было, и даже больше, чтобы в один прекрасный день мы смогли бы вас спасти. Спасти вас и заткнуть жуткую дыру, получившуюся тут по неосторожности нашего общего предка, вашего прадеда, между прочим.

– Так ты... всё знал? – Во мне закипал гнев, какого я никогда ещё не знал, ярость на папу, на маму, на всех этих взрослых, умных, проницательных, знающих...

– Артемий! – строго и сильно сказал папа, но безо всякого порицания. – Ты прошёл испытание. Ты некромант, такой же, как твой прадед. Как твоя тётя Аглая. Как я. И как мама.

– Почему... почему... почему... – Слова клокотали у меня в горле, но вырваться никак не могли.

– Потому что мы не смогли спасти Алё и Сашу, – глядя мне прямо в глаза, сказал папа. – Пытались, но не смогли. Моя сестра... тётя Аглая... погибла.

Алё вскрикнула. Саша впился пальцами мне в руку так, что едва не оторвал.

– Как погибла? – только и смог прошептать я. – Я же приехал... Иван, кучер... Он меня со станции вёз. Стёша, кухарка... булочки с... с вареньем... Дом... Библиотека...

– Мы очень старались, – сказал папа. – Потребовались годы, чтобы всё устроить как должно. Твой прадед, Иван Пахомович, помогал во всём, чтобы Охотник не добрался бы до твоих кузины и кузена слишком рано. И чтобы тётя Аглая не сделалась бы его добычей тоже.

– Она же приезжала к нам в гости!

– Да. Это был шедевр твоей мамы. Сложная, невероятно сложная инкантация, позволявшая духу обрести подобие плоти. Ненадолго, само собой. Но ты познакомился с тётей, установил с ней связь.

– А остальные? Иван, Стёша?

– Они все погибли в огне. – Папа наконец опустил голову. Его пронизывающий взгляд резал так, что было по-настоящему больно.

Я ничего не понимал. Только злился – всё больше и больше, и злость становилась гневом, заливающим с головой, таким, что темнеет в глазах.

– Не одни мы с мамой трудились тут. – Папа вновь поднял взгляд, тот помягчел. – Наше воинство немногочисленно. И вход в него, увы... не просто взял ружьё, да и пошёл.

– Лекарство, да? – глухо спросил я.

– Лекарство, – кивнул папа.

– Я умер? Меня убили?

Папа молчал.

– Вы... убили... Тёму?

– Чтобы он вернулся, – едва выдавил папа. – Чтобы вывел вас. Чтобы закрыл дверь, оставленную... для такого зла, как Охотник. Точно так же в своё время, не зная, умирали и мы с мамой. Точно так же проходили через смерть. И возвращались.

– А книги? Библиотека?

– Библиотека в целости и сохранности, Артемий. Твой прадед принял достаточно мер предосторожности.

– А почему нельзя было сказать мне всё и сразу?! – Кажется, я уже кричал. Это было дико, страшно, невероятно – неправильно. Меня убили... мама и папа...

– Потому что отыскать дорогу оттуда можно только самому. Без подсказок. Хотя мы сделали всё. Тётя один раз появилась у ручья – ты ведь помнишь? Помогла тебе, но и отдала последние силы.

– Вы – меня – убили... – разделяя, сказал я.

– Нет, – покачал головой папа. – Если б у тебя... не получилось, ты бы всё равно вернулся. Мы помогли бы, и твой прадед помог бы тоже, но... Но ты никогда бы не смог стать некромантом.

– А... Таня? А Люся с Масей?

– У Тани нет дара, – жёстко отрезал папа. – Что касается твоих сестёр... посмотрим.

– Это... это... – У Али дрожали губы. – Это чудовищно! И вы чудовище, вы мне не родня, вы никто, слышите – никто!

– Племянница, – сказал папа, и голос его резал, словно стальное лезвие. – Можете на меня обижаться сколько угодно. Можете проклинать. Можете даже попытаться застрелить. Или отравить. Вот только Ордену, Ордену Некромантов, что сторожит смертные тропы, охраняя живых от мести мёртвых, ваши, барышня, антимонии безразличны.

Да. Папа, оказывается, может быть и таким.

– Дар слишком редок и драгоценен, чтобы позволять тем, у кого он есть, просто так уйти или следовать своим капризам. – Папа жёг глаголом, не хуже пушкинского пророка. – Вам с Сашей теперь одна дорога, дорогая племянница. Хотя никто и не торопит. Можете сердиться, барышня, но...

Сашка решительно шмыгнул носом в последний раз, встал и с неожиданным напором потянул красную, как рак, Алю за руку.

– Она поймёт, дядя. Обязательно. Не сердитесь – она ведь девочка, им можно...

– Ты тоже поймёшь, Артемий, – решительно и уверенно сказал папа. – Идёмте, нас ждёт экипаж. А то на поезд опоздаем.

...И я действительно понял. Но это, как говорят в романах, уже совсем другая история.

Наталья Караванова

Шкатулка с секретом

Над водой струился легкий туман. Река спокойно плескала о берег, словно по-приятельски похлопывала по плечу: через такую преграду не переступит никакое зло. На самом деле река никого не смогла бы защитить, и об этом лучше, чем кто-либо другой, знала девушка, осторожно выходящая из воды. Льяная рубаха тяжелыми складками облепила тело, подчеркивая все достоинства фигуры.

Утренняя тишина оказалась обманом – из-за кустов послышалось громкое хихиканье и шепотки.

Тонкие брови приподнялись в притворном гневе:

– Ужо я вам!

Хихиканье переросло в залиvistый смех, и ватага деревенских мальчишек припустила к лесу. Девушка проводила их взглядом и принялась выжимать подол. Волосы, остриженные слишком коротко, упали на лицо.

Мир по эту сторону реки за три года не изменился. Он был прекрасен. Жаль, не получится задержаться надолго.

В этот момент на проселке показались два всадника. Один был одет победнее. Невысокий черноволосый паренек с едва заметными усами, похоже, служил у благородного господина, коего и сопровождал. А уж то, что второй – из благородных, никакого сомнения не вызывало. Один его берет с перьями стоил больше, чем все товары здешнего торгова. А уж шитый черным шелком плащ с гербами...

Девушка шепотом помянула дурных богов и присела за островком осоки.

Двое продолжали неспешную беседу.

– ...Не смейся меня, Заль. В этой стране спрятаться невозможно. И спрятать никого невозможно... – Благородный господин безмятежно шурился на солнышко. – Ничего. Мы его найдем.

– Так есть уже хочется. Может, ваш сиин обманул? Места-то глухие...

– Я ж ему кольцо отдал. Сейчас тебе, будет кто-то врать с моим подарком на пальце.

– А вдруг...

– А сейчас спросим. Эй, там, у воды! Поди-ка сюда!

Девушка суетливо поправляла косынку, поминая не только дурных, но и срамных, и даже беспутных богов.

Еще не хватало, чтобы эти господа увидели ее прическу. Так стригут послушниц из обители Ни. А у благородных с ними разговор короткий. Совсем никакого. Потому и носишь агатовый амулет, и шепчешь «мороки семи вод» каждый день вместо молитвы покровителям.

– Ну же, – насмешливый голос господина подхлестнул не хуже плетки, и она побрела к проселку.

А что было делать? Верхнее платье – под камнем, шагах в десяти от того места, где она пряталась.

– Селяночка! – неизвестно чему обрадовался благородный. – Нам везет, а, Заль?! Здравствуй, селяночка.

Она втянула голову в плечи и поклонилась куда ниже, чем требовал обычай.

– Э... А ты говорить-то умеешь, девица?

– Умею, благородный чер.

Слова звучали приглушенно, словно голос простужен. Вовсе не таким голосом она гнала от воды мальчишек.

– Ну, вот и славно. Скажи-ка. Там, на холме, что за селение?

– Так это ж Старая весь, благородный чер.

– Старая, говоришь? А что, есть и Новая?

Девушка невольно улыбнулась:

– Нет, благородный чер, Новой нету. Была, говорят, когда-то... на том берегу. Но кто на тот берег ходит?

Правильно. Кому резон нарушать границы обители Ни?

– А что, девица, в вашей-то веси кто-нибудь на постой пускает?

– Так на что вам весь, благородный чер? Дорожка, по которой вы едете, ведет к владению чера Илека. Он гостям всегда рад. А ежели вам недосуг гостить седмицу, так езжайте еще дальше, к самым топям. Там большой гостиный двор с выездом и почтовой станцией.

– А что, – загорелся юный Заль, – может, и вправду во владение?

– А в веси, значит, народ негостеприимный и замкнутый.

Она пожала плечами:

– Отчего же? Стучите в любые ворота. Вас пустят.

– Ну, вот и славно. Едем, Заль!

Двое удалились, а девушка побрела по берегу к тому камню, где лежали все ее пожитки: дорожная послушническая роба, черный плащ с капюшоном, узелок с чистой рубашкой да кожаные башмаки. Башмаки были самой дорогой частью ее одеяния. Единственной вещью, которую она решилась купить на торгу в веси.

В ней, нищенке-страннице, никто не заподозрил обращенное дитя Ни. Но не приходилось сомневаться – ее запомнили. В поселении и живет-то дюжина семей. Все друг друга знают.

Но это значит, что надо не мешкая двигаться дальше. И путь один – к болотам. Обратного нельзя – некроманты уже землю роют, ищут. До ближайшего города – четыре дня пешком. Это если по дороге. А знаменитая Касурская топь равняет всех проезжих. Все одинаково нанимают проводников на Дворах, все стараются заполучить в отряд колдуна, а лучше – колдуна и пяток стражей... Все увешиваются оберегами и рунками.

Это оттого, что здесь – кратчайшая дорога от южных провинций касурата до столицы. Настолько кратчайшая, что век назад появилась даже целая гильдия проводников – людей, что знают топи лучше, чем линии собственной руки. Самые известные проводники берут плату чистым золотом, но их тайные тропы неизменно оказываются безопасней и суше, а обслуга – обходительней.

Между тем благородный чер и его слуга добрались до веси, где каждый двор был обнесен высоким забором, на улицу выходили только калитки, даже фасады домов прятались где-то в глубине. Впрочем, на деревенской площади шел торг и где-то совсем недалеко слышались удары кузнечного молота.

Весь, конечно, маленькая, что говорить. Зато стоит неподалеку от доброй дороги, и путники сюда захаживают – кто за ночлегом, кто прикупить в дорогу еды, кто подковать лошадь...

Чер осмотрел улицу и выбрал двор с самым аккуратным забором, сколоченным, кажется, не более луны назад. У калитки, правда, не было ни молотка, ни колокольчика, пришлось ударить кулаком. Залаляли собаки.

Калитка резко распахнулась. Показался бородатый селянин в рубахе беленого льна. В руке селянин держал внушительных размеров топор.

Однако, разглядев гостей, отступил в глубь двора, молчаливо приглашая их войти.

Те переглянулись.

Чер кивнул слуге на лошадей, а сам последовал за хозяином.

Да, с выбором они не ошиблись. Двор был чист, куры бродили за невысокой оградкой, выискивая что-то в траве. По левую руку – конюшня и овин, по правую сарай.

От хозяйского дома раздался трубный женский голос:

– Благородные господа желают переночевать или только отобедать?

Мужик все так же молча пожал плечами. Хозяйка, не дождавшись ответа, вышла на двор. Румяная баба в переднике поверх длинной клетчатой юбки и в застиранной красной рубахе так же соответствовала голосу, как топориче соответствует топору. Идеально.

Шмыгнула носом, спросила, теперь уже обращаясь к черу:

– Благородный господин, не считите за дерзость. Вы переступили порог моего дома... – она покосилась на мужика, – и я очень рада этому. Но не будете ли вы так любезны сообщить, сколько дней собираетесь провести в Старой веси?

Чер ласково улыбнулся ей, скинул плащ и модный берет.

– Одну ночь, хозяйюшка. Зовите меня чером Рэкто. Я с Юга. Это мой ученик, его зовут Заль.

– Очень приятно, благородный чер Рэкто... Идемте, я провожу вас... Обед вам подать сразу или через час?

– Умыться бы с дороги, а, хозяйюшка?

Им выделили комнату с отдельным входом, просторную и светлую. Правда, рассчитана комната была на одного постояльца, о чем свидетельствовала единственная широкая лавка у дальней от двери стены. Лавка, видимо, заменяла кровать.

Чер Рэкто бросил на нее берет, плащ и перчатки и довольно заметил:

– А теперь представь, Заль: вот, поехали бы мы во владение... того чера, о котором говорила селяночка, помнишь?

– И что? Там бы денег платить не пришлось, а тут еще неизвестно, сколько придется отдать...

– Ну-ну. Зато там мы застряли бы на неделю, пока хозяину не надоедят гости. Мы будем пьяны, устанем от безделья, ни на тиг не приблизимся к цели и не сможем ничего узнать. Знаю я этих провинциальных черов...

Оба рассмеялись какому-то общему воспоминанию.

– Дэн, а все-таки что, если мы идем по ложному следу?

– Ну, повернем назад и пойдем не по ложному. Все, дружок. Ти-хо. Нам еду несут...

Скрипнула дверь, хозяйка расставила на столе глиняную посуду, от которой одуряюще пахло чем-то тушеным, возможно даже – мясом.

– Кушайте на здоровьице, благородные черы. Сейчас еще хлебца принесу. И вино, если пожелаете...

– Вино? – удивился Заль.

– Яблочное! – сообщила селянка, слегка поджав губы. – Нести?

Тот, кого ученик назвал Дэном, плавно повел рукой, как бы отметая ненужные сомнения:

– Неси, хозяйюшка! Кутим!

– А что, хозяйка, – через какое-то время спросил Дэн, потягивая из деревянной кружки душистое яблочное вино, – соседи с того берега не беспокоят? Против такого-то врага ваши заборчики вроде хороваты?

– Э, благородный чер, тут нужно хитрость знать... Видишь ли, доска-то не простая на заборы идет. А только осиновая. Эта заречная нечисть страсть как осину не любит. Близко не подходит!

Заль рассмеялся. С вина ему похорошело, покраснелись щеки.

– А я слыхал, нечисть серебро не любит...

– Это, многоуважаемый господин Заль, смотря, что за нечисть... Ту, что попроще, например, можно и простым топором уделать, а есть та, что и при солнышке ходит, и разговаривает, как живой человек, даже дышит. Только вместо крови у ей черная мертвяцкая слизь, да силища в ней огромная, да колдовство черное, и никто, если с такой тварью встретится, живым не остается.

Речь хозяйки стала плавной, причитающей. Так рассказывают страшные сказки малым детям, чтобы слушались да не бегали на реку. Заль все еще улыбался. А чер Рэкто вдруг заинтересовался:

– Так, значит, забредает все-таки нечисть?

– Давно не было, – с легкой печалью в голосе сообщила женщина. – Вот в мое детство, я помню, бывали случаи. А так... нет, нет. Соблюдает орден старый договор, держит своих тварей в узде. Ну и мы, конечно, не спим тут...

– А вообще, чужие люди часто бывают?

– Ну, часто – не часто, а бывают. Вот нынче странница была. Из перехожих, но чистенькая. Одежу смотрела да хлеб у мельника купила, он ей что почерствее за сущие тиги отдал. А на той неделе гонцы были. Аж самого государя касура гонцы. Заходили водицы испить. А теперь вот вы пожаловали...

– Да, не заскучаешь...

Заль оглушительно зевнул. Хозяйка вскочила, забормотала:

– Что это я, право, чер Рэкто. Вам же отдохнуть нужно, а я тут с разговорами. Сейчас мальчика пришло, он вам поспать постелет...

– Простые нравы! – хохотнул чер Рэкто, когда дверь захлопнулась. – Нет, мне здесь нравится! Кстати, ты понял, что наша селянка – никакая не селянка? Интересно, от кого она здесь прячется, а?

– А вдруг она как-то замешена в...

– В пропаже нашего маленького друга? Ну, ты, Заль, и выдумщик. От летней резиденции до этой веси столько вешек, что без помощи сиина за неделю никак не доберешься. Ладно. Завтра утром народ порасспросим, может, кто-нибудь еще чего видел.

– Как скажете, мастер.

Шенга только к закату добрела к поселению у края болот, которое без затей называлось «Дворы». Из-за двух больших гостиниц, расположенных там.

Площадка перед гостиницами встретила ее светом нескольких костров, оба больших дома гостеприимно распахнули двери. Хозяин Левого даже вышел на крыльцо, подышать.

Девушка поправила на плече узелок и направилась к правой двери. Оттуда доносились громкие разговоры и смех. Там весело сходились боками кружки и кто-то уже пробовал запеть старую песенку...

Шенга зашла в хозяйский угол, отделенный от гостевой части высокой деревянной стойкой. Хозяин не сразу соизволил обратить на нее внимание, а когда обратил, то окинул неприветливым взглядом и хмуро спросил:

– Чего надо?

– Кружку воды. И угол, переночевать.

– Три тига.

Она поспешно вытряхнула из кошелья три медные продырявленные монетки. Осталось еще пять. Чтобы нанять проводника, конечно, не хватит. Значит, придется все-таки одной.

Потому что за красивые глаза ее никто с собой не возьмет. Остатки денег уйдут на покупку еды в дорогу. А дальше... Дальше – посмотрим. Главное, уйти от реки, сбросить погоню. Потом, может, получится затеряться. Так, чтобы не нашли. И так, чтобы не убили.

О да. Она улыбнулась почти злорадно. Только бы не убили.

Ночью чера Рэкто разбудил грохот – кто-то дубасил кулаком в калитку. Заль к тому времени уже проснулся и стоял у двери, прислушиваясь. Собаки на дворе не лаяли – выли. Не то грозно, не то от страха.

– Я посмотрю! – Сонный Дэн сполз с лежанки, быстро натянул кожаные штаны, сорочку, накинул плащ.

Выскочил во двор босой и встрепанный, но уже полностью проснувшийся и готовый дать отпор неведомому врагу.

За калиткой метались тени. Там, в свете факелов, застыли темные силуэты. Ветер трепал полы их одежд и пламя. Какое-то ненастоящее, зеленое пламя...

– В-веселые боги, – шепнул изумленный чер, – лич пожаловал! А говорят «тихое место, тихое место»...

– Да нет здесь никаких девок! – нетвердо увещевала хозяйка. – Не держим таких!

– Путь нашей беглянки лежал через вашу деревню. Бессмысленно ее прятать. Более того, вам самим будет хуже, если она останется по эту сторону реки.

– Я никого не прячу!

– Тогдапусти нас в дом. Мы не причиним вреда. Просто убедимся, что ее здесь нет.

Дэн задумчиво покрутил на руке браслет. Витое кольцо темной бронзы добавило уверенности.

– Нужна помощь, хозяйюшка? – спросил он миролюбиво.

– Вот, пришли. Вы накликали вчера небось. И осины не боятся... у, злыдни! Не пущу в дом!

Чер Рэкто мягко оттеснил хозяйку в сторону и уставился в глаза личу. Ну что, при жизни парень был симпатичный. Южанин. И голос приятный. Чем же этих юных дуралеев все-таки заманивают в обитель? Что предлагают? Великую силу? Власть? Богатство? Ну-ну.

– С кем имею честь? – продолжил как ни в чем не бывало.

– А ты сам-то кто? Ты хоть понимаешь, чем сейчас рискуешь?

– Дэн Хальт, чер Рэкто. Советник высокого касура, колдун. А вы, юноша, всего лишь новообращенный лич. Памяти почти не осталось, имени, как следствие, тоже. А кличку можно посмотреть по знаку на спине. Итак, кого и зачем вы ищете?

– Шип.

– Хм. Серьезно. А не кажется ли вам, что, если бы Шип побывал в этой веси, живых бы вы здесь не застали?

– Теперь я думаю, что вы защитили селение от воздействия Шип. Шип – это она. Женщина.

– ...на этот раз. Это ничего не меняет. Отправляйтесь ее искать в другом месте.

Лич странно улыбнулся:

– Я не могу. У меня приказ – искать здесь.

Пламя зашипело и взвилось. Прямо из дорожной пыли, из темноты, соткался у него в руке светящийся зеленою клинок, тонкий и длинный. По клинку побежали искры.

Брови Дэна на миг взлетели на лоб, но он не позволил себе изумляться дольше мига. Вновь коснулся браслета, черпая для заклятия сбереженную там силу. Вскинул в салюте белый бастард. Меч светился, словно был сделан из расплавленного металла.

Ден склонил голову вбок и хитро подмигнул личу, после чего вышел из-под сомнительной защиты осинового забора. Не стоит оставлять нечисти возможность проникнуть на двор...

Остывший песок охлаждал босые ступни. Ну что же, сам виноват. Поторопился, поленился искать в темноте чулки да сапоги. Да падет проклятье на портных, придумавших этот парадно-выездной костюм!

Лич отступил, его свита тоже подалась в стороны. Свита была, к слову, не шибко представительная. Пара упырей да паданец. Что еще раз свидетельствует, что миссия эта для обители если и важная, то не из наиважнейших...

Мечи сошлись, выбив несколько синих молний. Воздух наполнился запахом грозы. Удар, поворот, блок. Атака, ложная, в корпус, блокировать... выпад...

Мальчика учили фехтовать. Значит, время работает на него: личи не устают и не сбивают дыхания. С этим нужно срочно что-то делать... Попытка отвести глаза противнику успехом не увенчалась. Едва хватило сил восстановить призрачный щит. Обездвижить? Паутина разлетелась в клочья. А не врали, стало быть, старики: лич любого уровня – противник серьезный. Значит, малой кровью не обойдешься!

Он лишь чуть коснулся лезвия собственного меча тыльной стороной левой ладони. С огромным трудом отыграл у лича крохотную паузу и рискнул. Шепнул формулу активации, заранее шурясь.

Вспышка ярчайшего света обожгла ночную улицу. Лич взвыл, больше уже не интересуясь боем. Свет окутал его всего, целиком, словно белый кокон. Померк и истаял зеленый клинок...

Дэн стоял покачиваясь. Ему оставалось лишь ощущать, как уходят силы: остановить «яростный луч» невозможно. Он истает сам, когда окончательно поглотит темную сущность, оказавшуюся на его пути...

Вот только сущность была не одна. Оба упыря вытянули вполне материальные мечи, мертвяк, взрыкнув, поднял с земли камень. От камня Дэн увернулся. А вот с упырями пришлось бы повозиться, если бы не...

Если б не еще пара личей, показавшихся на дороге. Дэн выругался и кинул все силы на создание общего щита. Осиновые заборы оказались неплохим проводником для колдовства, но сколько же можно выкачивать силы из одного-единственного, пусть и могущественного, но чертовски уставшего чародея?

Еще два ослепительно белых луча один за другим вырвались из клинка, и каждый нашел свою жертву. Но стоять на своих двоих к тому моменту Дэн мог только с большим трудом – колдовство, замешенное на крови, не имеет равных по мощи, но и оплачивается совсем иначе...

Одному из упырей он все-таки снес голову, а вот второго подпустил слишком близко – тот успел достать колдуна зазубренным краем клинка. По белой сорочке расплзлось алое пятно.

Где-то рядом хрипел мертвяк. Камни, по его скудному разумению, кидать было уже не в кого, а кроме как кидать камни, этот паданец ничего и не умел.

Упирь, раззадоренный видом крови, изготовился рвать. Но тут от калитки раздалось изумленное:

– Ах ты ж, дурные боги! А ну, брысь от мастера!

И Заль, ученик чера Рэкто, сначала обездвигил, а потом и обезглавил зарвавшегося упыря.

А мертвяка и вовсе упокоила хозяйка. Не иначе, кинула в него охранной рункой...

Дэн возлежал на лавке в позе отдыхающего касура – вальяжно откинувшись на стопку мягких подушек. Перевязанная рука покоилась на груди, в петле из черного платка.

Заль сидел неподалеку, заглядывая мастеру в рот, а хозяйка хлопотала, предлагая то еще перину принести, то вина.

– Три лица, – бормотал Заль, для верности загибая пальцы. – Три! И еще нежити целый воз... Да нам никто не поверит... Дэн, а может, это война?

– Нет. Мы были в своем праве. Видишь ли... эти трое, о которых ты говоришь... от них так и разило мертвяческим колдовством. Просто воняло... Они шли открыто, выполняли именно ту миссию, которую и назвали. К тому же все трое обращены не больше, чем луну назад. Они мало чему обучены. Демоническая сущность, подсаженная в тело, еще, грубо говоря, не научилась полностью им управлять. А вот личи-шпионы... Даже я такого не отличил бы в толпе. Они могут как-то прятать и свою черную силу, и то, что к роду людскому больше не принадлежат.

– И как вы их отличаете?

– Раздеваем и смотрим на спину. Кстати, ты понял, что селянка, которую мы встретили по дороге сюда...

– И которая не селянка...

– Да. Ты понял, что эта троица искала здесь именно ее?

– Ну, я предположил... А почему именно ее?

– Да ее, больше некого. Вот она, возможно, и есть лич-шпион. И если это так, то затевается какая-то игра. Игра с участием ордена и касурата. Возможно, наш малыш в этой игре – карта. А возможно, и мы в нее уже вписались... М?.. Не страшно?

– Нет.

– Хозяюшка, собери нам на завтра, ладно? Мы уходим.

Хозяйка, которая было направилась к выходу, забеспокоилась:

– А ну как эти снова явятся?

– Эти – не явятся. Явится кто-нибудь из высших магистров ордена. Или я не колдун. Будут просить прощения за неудобства и спрашивать о перехожих людях, посетивших весь в последнюю неделю. Не советую с ними ссориться. Каким бы неприятным местом ни была обитель Ни, все-таки орден – единственная сила, которая охраняет нас от тварей из Ночных дыр. Поверьте уж, нежить из обители – всего лишь необходимое зло на страже мира. Но лучше бы магистры искали материал для ее производства... где-нибудь в другом месте.

Хозяйка наконец удалилась, недоверчиво покачивая головой.

– Ну что, Заль? Интересная получилась ночка? А ты все «скучно едем», «скучно едем». Со мной не заскучаешь...

Заль вздохнул. Последние дни он не узнавал Дэна. Его веселость порой казалась слишком уж наигранной, а говорил он втрое больше обычного. Впрочем, напрямую спросить парень стеснялся. Все-таки Дэн – это Дэн. Может и по-человечьи объяснить, а может и посмеяться. А то еще швырнет чем-нибудь тяжелым...

Выехали засветло. Погода испортилась, поднялся ветер. Хорошо, дождь не начался. Если зарядят дожди, плата проводнику может взлететь вдвое против обычного.

Дэн мрачно оглядывал окрестности. Все время мысли возвращались к вчерашним событиям. Прав ли он был, вступив в драку с мертвяками? Ну да, правильно, долг каждого честного колдуна – защищать правый берег реки от умертвий...

Да и лич первым предложил подраться. Может, выпендривался, хвастал новообретенной способностью размахивать демоническим клинком? Мальчишка. Хоть и мертвый, а все равно мальчишка.

Впрочем, в дом его никак нельзя было пускать. Во-первых, от их колдовской мощи еда тухнет и молоко киснет. А во-вторых, остается маленький шанс, что поиск Шип – это всего лишь отговорка, придуманная, чтобы прикрыть другую задачу. Не менее важную.

От этих размышлений да от вчерашних подвигов голова ныла и кружилась; противно, как с похмелья, дрожали руки. Конечно, можно было еще пару дней провести по эту сторону болот. Но тогда мальчика наверняка доставят в столицу. А причина для похищения слабоумного касурского сына могла быть только одна – кто-то планирует государственный переворот, и малыша, очевидно, посадят на трон. Дабы из-за его спины править этой большой богатой страной.

Конечно, Дэн не считал, что роль няньки при касурском отпрыске – это именно то, чего заслуживает придворный колдун его уровня. Но опала есть опала, и за два года он к мальчику даже привязался. Занялись они поисками хоть и по прямому приказу правителя, а все-таки в первую очередь – чтобы спасти самого малыша от незавидной придворной судьбы. И Дэн в это искренне верил.

Впрочем, предположение о готовящемся перевороте было всего лишь предположением – остальная обслуга искала малыша в окрестностях летней резиденции.

У очередного поворота дорога провалилась в глубокую черную лужу из намешенной густой грязи. Лошадей по краю провести можно, даже сапоги не сильно попачкав, а вот телега или карета – застрянет, что и демонстрировал небольшой крытый возок, засевший передними колесами чуть не по самую ось. Лохматую лошаденку хозяин уже вывел на сухое место и теперь бродил вокруг лужи, бессмысленно разводя руками и качая головой. У обочины лежали какие-то мешки и даже один плетеный короб – хозяин пытался облегчить возок, но это не помогло. В одиночку тут было не справиться.

Заль с некоторой тревогой взглянул на мастера, левая рука которого за утро не стала здоровей.

– Проезжайте, благородные господа, – с гробовой интонацией произнес хозяин, – проезжайте!

– Поможем, а, Заль? – предложил Дэн, спешиваясь.

Заль отчетливо вздохнул и присоединился. Втроем они быстро вытолкали возок на сухую землю.

– Надо бы лапника...

Хозяин повеселел:

– Дальше я сам, благородные господа! Вот только отблагодарить мне вас... нечем...

Впрочем, вам ведь на болота?

– Куда ж еще-то по этой дороге, – хмыкнул Заль.

– Значит, вам нужен проводник?

Дэн, сморщившись, принялся перчаткой отряхивать капли грязи со штанов.

– Да. И хороший проводник: мы торопимся.

– Тогда, быть может, вам не стоит заезжать на Дворы? Мой знакомый вчера обмолвился, что выйдет на тропу сегодня утром. Вы могли бы пойти с ним. Он, конечно, не из самых известных, но болота знает и берет недорого. Я сам всегда с ним хожу. Зовут – Лойто, найти можно в лагере у последней заставы, где собираются группы. Но нужно поторопиться. Насколько я понял, у него уже есть богатый клиент. Найдете его, сошлитесь на Гимето. Гимето – это я.

– Не знаю, – протянул Дэн. – Я собирался в гостинице порасспросить народ. Выбрать...

Хозяин возка жизнерадостно улыбнулся:

– Я плохого не посоветую. Но – вам решать!

Когда отъехали, Дэн спросил:

– Что думаешь?

Заль пожал плечами:

– Сомневаюсь, что похитители стали бы ночевать в гостинице. Зачем им лишнее внимание?

– Проводник-то им наверняка был нужен. Расспросили бы. Может, кто чего вспомнит... А впрочем, если похищение было спланировано, то и пути отступления продумали. И с проводником договорились заранее...

– Вот именно... Ну что, вперед? К болоту?

Дэн подумал мгновение, кивнул. Если они правы – время дорого.

Утром над болотом висит густой сизый туман. Он множит и дробит эхо, пугает прохожих людей неожиданными и странными звуками.

Шенга не стала забираться по найденным вешкам слишком уж далеко, решила дожждаться какой-нибудь пешей группы и идти за ней, не отставая, но и не показываясь на глаза. Других вариантов не было. Правда, первую группу она упустила – из-за тумана.

Одежда стала влажной и тяжелой, не побегаешь. В этот час она остро завидовала мужчинам, которым не нужно таскать на себе столько тяжелой ткани. И костер не разведешь на мокрых кочках – не из чего. Уже тому стоило порадоваться, что нашла более или менее сухой островок, здесь, на старой коряжине, можно даже сидеть.

Голоса она услышала, когда туман только начал рассеиваться. Но группа эта двигалась верхами, а значит, шансов почти никаких...

Вскоре голоса приблизились, Шенга смогла расслышать, о чем говорят путники.

От их слов сердце зашлось и захотелось немедленно, не разбирая дороги, бежать вперед. Куда угодно, только подальше от этих мест...

То, что вчера в Старую весь наведальсь нежить, упомянули в беседе вскользь, но этого хватило, чтобы напугать беглянку чуть не до обморока. Потому что было понятно, кого они там могли искать...

Почти сразу она увидела путников. Их было пятеро. Двое ехали на лошадях. Один – в светлом плаще, какие носят здешние проводники из гильдии, другой – давешний благородный чер. Его слуга вел свою лошадь под уздцы, а завершала группу открытая телега, нагруженная какими-то непонятными мешками. Телега была запряжена белой лошадкой. Того, кто правил, Шенга не разглядела. От второго, который возлежал на тюках, и вовсе был виден лишь край шляпы.

Но раз у них телега, значит, тропа должна быть доброй. Раньше говорили, что самые лучшие тропы – те, что проходят по древним трактам. Надо лишь уметь знаки читать. А то притопаешь по такой дорожке напрямик в гиблое царство, и все, нет тебя. Рожки, ножки да костей немножко...

И потом, все равно ведь медленно идут...

Сколько можно так вот сидеть? Может, сегодня больше никто не пойдет?

Только нужно поосторожней. У чера и слух, и зрение – на зависть. Как он ее у озера углядел? Или услышал?

Несколько веков назад на месте этих болот расстилалась богатая страна. По окрестностям до сих пор еще сохранились остатки древних крепостей и дорог. Но те руины дают представление лишь о ее окраинах. А центр – центр канул в колдовские болота. В одночасье исчезла и столица, и еще пара крупных городов, а уж сколько пропало селений поменьше – и не сосчитать. В летописях сказано – была война. Но кто с кем воевал и почему все так печально закончилось – кто теперь разберет? Древнее царство провалилось в болота и стало именоваться «гиблым». Над топями и по сей день витают следы темных заклинаний...

Она все-таки поднялась. Обождала, когда телега скроется в волнах тумана, и пошла потихоньку следом, прислушиваясь к голосам. Говорили впереди много, шутили. Изредка

раздавались громкий смех и восклицания. Было похоже, что путешественники нашли общий язык.

Что же, им можно было позавидовать – приятная компания, беседа. Потом – привал и обед...

Голоса стали подозрительно удаляться – путешественники прибавили скорости. Шенга, пробормотав Слово покровителям, поспешила тоже. Стоит потерять из виду группу, и шансы на удачу уменьшатся в десятки раз: это только кажется, что тропа прямая и одна. На самом деле их много, троп. Говорят, встречаются даже и колдовские...

Вскоре стала понятна и причина «ускорения». Шенга вышла на отлично сохранившийся участок древней дороги. Серые замшелые камни под ногами, правда, были изъедены, подмыты водой, но все лучше, чем черная грязь, месить которую приходилось раньше. Видимо, это было начало секретной тропы проводника...

А голоса меж тем стихли окончательно. Тумана над дорогой не было, а вот по обочинам – словно кто молоко расплескал. Тихо-тихо. Только комары звенят.

И кроме комаров – ни одной живой души вокруг.

Темные скользкие камни все еще укладывались под ее ногами в чешую спящего змея, когда далеко впереди раздался шум драки. Зазвенел металл, затрещало, падая, что-то тяжелое. Увенчал эти звуки чей-то жалобный вскрик.

Первой мыслью было – спрятаться, сойти с дороги. Но вдруг там, по обочинам, сплошная топь?

С другой стороны, если путешественники не отобьются, за кем она пойдет дальше? За разбойниками? Или все же обратно? В лапы ищейкам ордена?

И девушка, вместо того чтобы остановиться и переждать неприятности в относительно спокойном, а главное, сухом месте, медленно пошла вперед. Перебирая в уме заклатья, которые могли бы пригодиться.

Впереди несколько глоток проорали что-то невнятное, но радостное, и все стихло. И непонятно оставалось, в чью пользу закончилась стычка.

Шенга поторопилась и вскоре оказалась там, где мощеная дорога ныряет в черную воду, а дальнейшую тропу определить можно лишь по криво воткнутым вешкам – стоячим палкам.

Вот только по этой новой тропе возок бы не проехал... всадник – тоже не наверняка.

Перевернутая телега лежала на камнях. Мешки растрепались, в них было сено. Засада? Заранее спланированное нападение?

Девушка подошла к телеге, провела пальцем по борту. Пальцы стали красными – доски телеги были запачканы кровью.

Ни следов, ни людей. Даже трупов нет.

Возвращаться? Или идти дальше, по вешкам, надеясь, что засада была все-таки случайной...

Хотя какая, к темным богам, случайность?

Разбойники присмотрели парочку богатых ротозеев, заманили в болото и...

Шенга в задумчивости добрела до первой вешки и вдруг обнаружила за кочкой прикрытое черной тряпкой тело.

Если мертвец, то его можно будет без труда поднять и расспросить...

Но сначала надо убедиться, что человек действительно мертвый.

Она склонилась над ним, откинула ткань, которая оказалась полой дорожного плаща, и... узнала мертвеца. Это был тот юноша, слуга чера. Кровоподтек на скуле, один глаз заплыл, на лбу надувается здоровая шишка. Живой. Но вот насколько здоровый?

Девушка вернулась к воде, намочила полу плаща, так, что с нее потекло потоком, да и выжала остатки воды на лицо парню.

Тот, застонав, сел и уставился на нее широко открытыми глазами.

– Ты кто? – наконец прохрипел он.

– Я-то?

– Ну, не я же.

– Зови меня Шенгой. Как голова? И... что здесь случилось?

– Нас сюда заманили... Видимо, увидели, что Дэн богато одет... и что мы вдвоем едем, без охраны... Решили, что лакомый кусок. Здесь привал наметили... Дэну этот проводник флягу передал, он глотнул. Да с лошади и повалился. Тот хмырь, который купца изображал, достал железо, и на меня. А мне что делать? Попробовал сначала магией... Но тут... в общем, я тоже достал железо, мы немного покружили... А остальные собрались вокруг и смотрят. Развлекаются...

– Почему они вас сразу не убили?

– Так у нас денег с собой – только на дорогу. Ни камней, ничего. Они, видать, решили за Дэна выкуп стребовать...

– Дэна?

– Мой наставник, мастер Дэн Хальт, чер Рэкто. Только я еще ничего не умею... почти ничего.

– Пить хочешь? – вытаскивая из узелка флягу, спросила Шенга. Могла бы и не спрашивать.

Парень наконец пришел в себя и начал пристально ее разглядывать. Всю, от косынки, плотно закрывающей голову и шею, до носков сапог.

Что-то для себя решил, облизнул губы. Сказал:

– Я Дэна там не брошу. Мне нужна твоя помощь.

– Тебя самого-то как зовут, ученик колдуна?

– Заль. Я не из благородных...

– Значит, ты хочешь пойти выручать наставника? У тебя есть план?

– Какой план? Я туда проникну... Сделаю «копье света»... и все, они лежат.

– Ты уверен, что у них нет своего колдуна?

Заль потер шишку и сморщился.

– А что делать-то?

– Надо оглядеться. Их тропа наверняка охраняется, так просто не пройдешь... Если твой наставник без сознания, мы его оттуда не утащим.

– Там должны быть наши лошади.

Шенга прикусила губу. С парнем все было ясно – готовый материал для орденских вербовщиков, а не парень. Честный, искренний, готовый пожертвовать собой. И ведь жертвует. Только отвернись. Без разведки, без представления, сколько всего врагов, где находится пленник...

– Ладно, – шепнула, – идем. Только больше ни слова. И «копье» свое сделаешь, когда я скажу, не раньше...

– Я привык сам решать, что делать...

– Тогда иди один! И не проси, чтобы я тебя потом упокоила!

Заль заткнулся и побледнел.

За какими-то серыми, несмотря на лето, зарослями тропа выпрямилась и повела на высокий каменистый холм.

– Я не я буду, наблюдатель там, наверху, – шепнула Шенга.

– И что делать?

– Нас он еще не видел. Сейчас.

Здесь как никогда подойдет заклятье пепельного полоза...

И мертвой энергии кругом столько, что можно захлебнуться...

Вот только как парень отреагирует на Распад?

«Только бы за нож не схватился. Потому что я же не увернусь, когда колдовать буду. И тогда... здравствуй, Шип, прощай, мастер Заль!»...

– Заль, я тут немного поколдую тоже? – на всякий случай предупредила она.

Тот резко кивнул и стал с жадностью наблюдать за каждым ее движением.

Удивительно, как его, такого, проворонили искатели из ордена? Или не проворонили, но наставник нашел парня раньше, и его привязки оказались сильнее?

Она отломила сухую веточку, шепнула над ней несколько слов, и густой серый пепел из ладони ссыпался в траву. Ссыпался, но не растаял, не исчез, а собрался в юркую серую змейку.

Колдовать было тяжело – мешал агатовый оберег. Но снять его – значит рассказать всей округе: здесь дитя Ни!

Вместо этого она выбрала заклинание попроще. Пепельный полоз не может никого убить, зато лучшего разведчика не сыщешь.

Через какое-то время Заль начал беспокоиться, спрашивать, что дальше, и порываться пойти вперед без разведки. Шенга нашипела на него, чуть не потеряв при этом контроль над созданной нежитью. Но все кончилось благополучно: змейка вернулась, вползла на ладонь хозяйке и там вновь превратилась в горку серого пепла. Зато заклинательница теперь знала все, что видела та по пути.

– Заль, на горке нас поджидают двое. Но наблюдают они строго за тропой. Можно попытаться их обойти, но...

– Может, их отвлечь? Я сделаю иллюзию... Уж этому-то я научился...

– А твоя иллюзия шуметь сможет?

– Я сделаю какого-нибудь болотного духа! Сейчас, погоди...

У Шенги был свой вариант, но он точно не понравился бы Залю, и она промолчала.

– Подберемся поближе. Наблюдатели вон в тех кустах, видишь?

– Сейчас я попробую...

Туман получился, что надо. Синеватый, слоистый, он залил все подножие горки, растекаясь над кочками и бочагами густым молоком. Шенга подумала, что при таком тумане они обойдутся без всяких сомнительных иллюзий.

Девушка оставила пожитки на сгибе сухой коряжины, чтобы руки были свободны. Попыталась вспомнить хотя бы еще одно не смертельное заклинание, но, похоже, пепельный полоз был исключением. В голову лезло только глобальное защитное колдовство, из тех, которым некроманты встречают нечто, лезущее из Ночных дыр...

Когда они чуть ли не ползком миновали возвышенность, Шенга перевела дух и похватила спутника:

– Здорово ты придумал с туманом. И исполнение отличное!

Заль покраснел и ответил:

– Вообще-то это должен был быть болотный дух...

Девушка уставилась на него удивленным взглядом, Заль занервничал:

– Ну, не получилось! – прошептал. – Я второй раз в жизни это делаю!

– Пошли. Сейчас будут развалины. Вон, за теми кустами, видишь? Там внутри у них лагерь. Костер, полог натянут. Лошади привязаны чуть дальше, под навесом. Всего в лагере человек десять...

– Десять?

– Да. Справимся.

Все оказалось точно так, как она сказала: у костра на собственных плащах и вязанках веток отдыхали пятеро. Заль узнал и проводника, и «торговца», который его якобы нанял.

Чуть поодаль точил ножи еще один разбойник. Шершавый звук время от времени заполнял развалины. Еще трое разместились у полога.

Заль облизнул губы и показал на одного из этой троицы:

– Дэн.

Шенга и сама уже узнала благородного чера. Несмотря даже на то, что свой модный берет с перьями он где-то потерял, а дорожный камзол был порван и уляпан грязью. Девушка поделилась наблюдением:

– У него руки связаны.

– Где?

– Спереди. Отсюда не видно. Но сидеть там неудобно, а руками он не придерживается. Значит, он либо что-то держит, либо...

– Понятно. Ну что, пора?

– погоди. Твоему наставнику ничего не грозит. А я не вижу еще двоих.

– Да, может, их и не было...

– Были. Тсс!

Но события начали развиваться неожиданно: один из разбойников вдруг с силой ударил колдуна по лицу. Дэн-то увернулся, а вот Заль этого не понял. Увидел, что наставника бьют, встал в полный рост и выкрикнул заклинание. Луч голубоватого света достал драчуна, тот вскрикнул и повалился. Второй выхватил нож и кинулся к колдуну. Заль повторил опыт, но попытка оказалась неудачной: луч, не причинив вреда, шарахнул по древней кладке.

Дэн шустро откатился под защиту камней, и правильно сделал.

Один из отдыхающих у костра вскочил, выругался, сформировал в руке огненный кнут и начал им охаживать кусты, за которыми, по его мнению, должны были прятаться нападавшие.

Заль, не слушая, что ему кричит Шенга, побежал к костру, проворачивая над головой огромное светящееся бревно. Должно быть, то самое «копье света», которым грозился раньше.

Хозяин огненного кнута увидел противника, развернулся и попытался достать Заль. Но тот был еще далеко. В парня полетел нож, он уклонился, приложив противника копьем. Но силы уже стали не равны. Не нужно было быть мастером, чтобы понять: против семи противников, один из которых – тоже колдун, Заль не устоит, при всем своем везении...

Шенга, прикусив губу, стянула агат с шеи и начала помогать.

«Яма праха» – земля под ногами разбойников начала превращаться в напитанную водой жижу. «Глеющая петля» – на шею колдуна. Пусть-ка отвлечется. Что еще можно сделать? Запустить на поляну смертоубийственную теплую гниль? Опасно. Отравы может задеть и Заль, и его наставника...

А вот и он сам. Руки каким-то образом освободил и тоже включился. Любо-дорого взглянуть! Названий его заклинаний Шенга не знала, но действие оказалось быстрым и четким. Минуты не прошло, как на земле оказались все семеро. Некоторые больше никогда не встанут, разве только по слову некроманта.

Все-таки где же еще двое? Полоз показал десятерых. Самого пленного колдуна и девяти разбойников...

А ведь есть еще те, что охраняют тропу...

Заняться?

Шенга взглянула на возвышенность, с которой быстро сползали последние остатки тумана. По тропе в сторону древней дороги быстро двигались двое. «Коротким» заклатьем их уже не достать, а на длинное нет никаких сил...

Тем временем Дэн помог ученику встать, даже отряхнул плащ. Спуститься к ним? Заль наверняка расскажет наставнику, что был не один. Да и мертвый колдун с почерневшей шеей. Дурак догадается, что тут поработало не одно только «копье света»...

Шенга, вздохнув, перелезла через край осыпающейся стены и направилась к парочке колдунов.

Однако пяти шагов не сделала, напоровшись на яростный взгляд серых глаз и недвусмысленно направленный в ее сторону бледно светящийся магический клинок.

– Стой, где стоишь!..

Замерла. И только тут вспомнила, что кусочек агата зажат в руке.

Вот так оно и бывает: бежишь от одной смертельной опасности напрямик в лапы другой.

– Дэн, ты что? – изумился Заль. – Она же нам помогла. Она не враг!

Тот криво усмехнулся:

– Не враг? Посмотри на нее. Да не так, дурень. Учю тебя... посмотри правильно!!!

Заль охнул и отступил. Лицо его позеленело.

Шенга знала, что именно он увидел-почувствовал. Мертвое колдовство окутывает ее, словно кокон, рассказывая: вот послушница Ни, завершившая обучение и прошедшая все обряды!

А Дэн ледяным голосом продолжил разоблачения:

– Сними платок!

Волосы, стриженные под шлем, челка.

Без платка непонятным образом стало легче. Она тряхнула головой и выпрямилась. Не побоялась встретиться взглядом с колдуном.

– Вот так, – удовлетворенно сказал тот. – У твоей подружки, Заль, только один недостаток: она мертвая!

Девушка промолчала. Убедить колдуна оставить в покое нежить... да-да, это возможно. В сказках.

Заль дрогнувшим голосом возразил:

– Она мне помогла...

– Осталось выяснить, зачем. Итак, лич, что ты делаешь на болотах?

Молчание.

– Ты же понимаешь. Уйти не получится. Ну?

– Прячусь.

– Ты – Шип?

– Да.

– От кого прячешься?

– От всех...

За спиной у колдуна произошло легкое шевеление, потом из-за куска древней стены появился арбалет, и чьи-то настороженные глаза над ним.

Если арбалет уже взведен...

Удавка! Шенга метнула заклатье, только надеясь, что оно не заденет Залю...

Не задело, но одновременно с ней ударил и Дэн. Кажется, он ждал подвоха и только искал повод уничтожить нежить.

Это было больно. Яркая вспышка ударила по глазам, правая рука мгновенно онемела, ноги она просто перестала чувствовать. Упала. Сжалась в комок, пытаясь зажать то ли настоящую, то ли колдовскую рану в груди. Но все же услышала, как Заль истошно орет:

– Дэн, сзади!!!

А потом стало темно и глухо...

Первой вернулась боль. Она сосредоточилась, не в груди, а ниже, слева, под ребрами. Ошибся колдун. Совсем чуть-чуть ошибся. Что бы было, если бы рана оказалась смертельной, она не хотела даже думать. Лич, не связанный узами приказа, вообще ничем не связанный, свободно разгуливающий по касурату... Это будет головная боль не только для колдунов. Для армии, для всех. Потому что высшая нежить способна создавать нежить младшую почти из всего, что подвернется.

И Дэн, каким бы мастером ни был, не справился бы с личем уровня Шип.

Она, не открывая глаз, попробовала сесть. Правая рука не слушалась, была как ватная.

Кто-то неожиданно поддержал ее. Спина касалась твердого и холодного. Камень?

Глаза открыла, но вокруг царила все та же тьма. Страх заставил замереть – ослепла?

Зашарила рукой и убедилась, что сидит, прислонившись к старой кладке. Значит, она все еще в лагере разбойников...

Со страхом коснулась лица, убедилась, что глаза закрывает плотная повязка.

– Потерпи, – голос показался знакомым. – К вечеру снимем...

– Что?..

– Заль, принеси воды. Все нормально, девушка. Как вас зовут на самом деле?

– Шенга.

– Можете рассказать, как так вышло, что магистры не завершили обряд?

Она криво улыбнулась:

– Все просто. Я сбежала.

– За все пять веков существования обители такого не было ни разу.

– Да.

Она собралась с мыслями. Рассказать хотелось. Хоть кому-нибудь, хоть врагу. Она никак не думала, что побег обернется постоянной гонкой от одной опасности к другой. И цель у бега одна – не помереть. А то весь касурат превратится в одно большое предместье обители Ни...

– Дело в том, что я... я трусиха. Я испугалась... Была уверена, что справлюсь, как сотни других – до меня. Но... у меня там была подруга, Тайра. Она закончила подготовку на день раньше. Знаете, мы в последний год обучения участвуем во всех обрядах, и я видела не раз, как это происходит. И тогда все шло, как обычно... Ей дали напиток.

Шенга услышала, как кто-то поспешно отошел в сторону. Заль.

– Дали напиток, уложили под щит... Магистр принес инструменты, сделали надрезы. Во время обряда человек не чувствует боль, но чтобы правильно направить душу, а в подготовленное тело не вселилась темная сущность, нужно много времени. Тайра смотрела на меня и шевелила губами. Она хотела что-то сказать... Обычно после обряда мы никогда их не видели. Вблизи.

Девушка замолчала. Дэн поднес к ее губам металлический край кружки. В кружке была вода. Холодная, пахнувшая горькой болотной травой.

– Я всегда их видела издалека. С ними работают уже не магистры, а некроманты... А Тайра пришла ко мне. Понимаете, мы были знакомы с самого первого дня. Тайра говорит, что не все приезжают в обитель по своей воле. Но я-то приехала сама. Я хотела быть одной из тех, кто хранит мир от гибели, дает возможность свободным землям жить так, как им хочется, не оглядываясь на Ночные дыры и их порождения... Тайра ко мне пришла. Она изменилась. Нет, нам сразу говорят, что нас ждет после обучения, и мы на это согласны. И те, кто не готов принять груз служения, они могут оставаться в послушниках столько, сколько захотят. Но я-то уже согласилась на обряд. И ждала его. А Тайра мне сказала, что когда-то ее в обитель продали. Она была сирота, маленькая девочка со способ-

ностями к колдовству, и ее продали вербовщикам. Она росла при обители, но всегда помнила, что по эту сторону у нее была семья. Они жили бедно, а потом их дом сгорел вместе со всей улицей, и она осталась одна. Она сказала, что ей стало все равно. Но она помнит, что под щитом думала обо мне. Что не хочет, чтобы я, как она. Я спросила, как ей теперь, что она чувствует. Она ответила, что ничего. И... я испугалась. Я схватила камушек, сменную рубашку, деньги. У меня было немного денег... И побежала. Я только потом поняла, что натворила.

– Что? – издалека спросил Заль.

– Душа подготовлена к уходу. Тело – к воплощению новой сущности. Если я здесь умру, Шип вырвется на волю...

Кружка выскользнула из руки, ударила по камню.

Кто-то легонько пожал здоровое плечо. Шенга неожиданно разрыдалась, уткнувшись лицом в колени. Впервые после побега из обители.

– Шкатулка с секретом, – вздохнул Дэн. – А в ней другая шкатулка. И тоже с секретом. Хотите еще воды?

Она помолчала минуту, приходя в себя, потом спросила:

– Что у меня с глазами?

– Надеюсь, что все будет в порядке. Зрачки на свет не отзывались, я решил поберечь.

– Снимите повязку. Пожалуйста.

Солнце, маленькое и рыжее, висело над краем болот. Заль кипятил воду над разбойничьим костром. Дэна видно не было. Трое пленных разбойников, связанные, сидели под пологом.

Шенга поднялась, молча подошла к огню. Что дальше делать, она не знала. Долг звал вернуться в обитель: подготовленных адептов всегда слишком мало. Но представить себе – себя, но не живую, снова захотеть умереть ради жизни мира – отчего-то не получалось.

Она спросила:

– Заль, за что чер Рэкто нас ненавидит? Я знаю, любое дитя Ни, попав на этот берег, оказывается вне закона, и колдуны... да кто угодно... имеют право уничтожать нежить без всякого суда... но тут другое...

– Не знаю. Мы знакомы две луны, а он не любит рассказывать о своем прошлом. Дэн может показаться странным, но я ему верю больше, чем себе. И у меня есть на то причины.

Чер Рэкто еще при первой встрече показался ей заносчивым аристократом, уверенным, что все проблемы решатся как-нибудь сами собой и его не побеспокоят. Она уже поняла, что ошиблась, но вот насколько?

Заль аккуратно снял котел с костра и спросил:

– Хотите каши, Шенга?

– Не откажусь. А мои вещи так и остались у дороги. Жалко, пропадут.

– Завтра будем уходить, заберем. Или, если хотите, я сейчас сбегая... – Он перевел взгляд на полог и пленников и поправил себя: – То есть когда Дэн вернется. А то мало ли, что эти удумают?

– А где он?

– Нашел еще одну тропу с вешками, прямо через болото. Пошел, пока светло, проверить, куда ведет. А то, если там еще лагерь разбойников, как бы нам ночью не пришлось... сильно удивиться. Эти, вон, молчат. Держите миску! Осторожно, горячая!

Каша была сварена из пшеницы. Густая, что ложка стоит, она каким-то образом ничуть не пригорела. Как же давно Шенга не ела нормальной человеческой еды! Заль разулыбался, наблюдая, с каким аппетитом девушка наворачивает его варево.

– Повязка не мешает?

Повязка мешала. В первую очередь тем, что Шенга не знала, что под ней. Боль на месте раны была тупая и позволяла нормально двигаться, разве что с большей осторожностью, чем обычно. Девушка улыбнулась:

– Мне раньше приходилось носить корсет. Это куда менее удобно.

– Вы из благородных... – понял Заль.

– Какая теперь разница?

– А как вы попали в обитель?

– Сама пришла. Это, наверное, непросто понять тому, кто не слышал проповедников и вербовщиков, но я попробую объяснить. Обитель охраняет внешние земли от инферно...

– От Ночных дыр.

– Ну. Только живой колдун к тем дырам подойти не может. Поэтому нужны колдуны мертвые. И сильные, такие, которые и у самой границы смогут заставить силы мира себя слушать. Они удерживают темных по ту сторону, поддерживают магический щит, вступают в схватку с... тем, что оттуда лезет. Их поддерживают некроманты и заклинатели. Но все равно, даже мертвого колдуна можно развоплотить или упокоить. И тогда им нужна срочная замена. Обитель готовит замену, а проповедники ищут во внешних землях людей, которые пошли бы на это. Берут всех, кто выскажет согласие. Тем более что родня ушедшего в обитель получает неплохой откуп.

– Так это из-за денег?

– Нет, конечно. Проповедники, они умеют убеждать и без всякого специального чародейства. Вообще-то, если они увидели в тебе потенциал воина-защитника, да еще с колдовскими способностями, можешь начинать считать себя послушником. Не успеешь оглянуться, как сам всей душой захочешь туда.

Заль поспешил сменить тему:

– А вон и Дэн идет.

Колдун перемахнул через белый гребень стены и вскоре подошел к костру. Вид у него был хмурый.

Не дожидаясь расспросов, пояснил:

– Там, такое чувство, темные боги покуражились... Еще одна древняя дорога. Ехал большой кортеж, его уничтожили. – Он коротко взглянул на Шенгу. – Следы на шеях трупов такие же, как у здешнего колдуна.

– Наши? – Девушка осторожно поднялась. – Мне надо взглянуть.

– Не стоит. Там много крови и трупов.

Повисла пауза, в конце которой Шенга напонила:

– Чер Рэкто. Я все-таки дитя Ни и три года провела в обители. Мне надо на это взглянуть.

– Действительно, что это я, – хмыкнул Дэн, устраиваясь у костра. – Но не сегодня. Солнце вот-вот сядет. Как рана? Не сильно беспокоит?

– Нет.

– Эй, а нас кто-нибудь покормит? – донеслось от полога.

Дэн царственно посмотрел на пленников и вдруг зашипел с присвистом: «Спааать!» Над кончиками его пальцев взвихрился нагретый воздух, и те одновременно попадали там, где сидели.

Заль широко зевнул.

– ...и еще. Похоже, наши подозрения близки к истине. Но теперь я даже представить не могу, где искать наследника.

Шенга перевела взгляд с одного на другого, но никто не собирался ей ничего объяснять.

Утром туман неприятно подружился с дождем. Дождь колотил по деревянному навесу, рядом переступали и сонно всхрапывали кони.

Здесь, в импровизированной конюшне, было относительно сухо, а под шерстяным одеялом еще и тепло. Шенга проснулась на снопах прошлогоднего сена. Рядом, сбив в сторону одеяло, спал Дэн. Он хмурился, изредка подрагивали губы. Должно быть, и во сне с кем-то воевал.

Под защитой камней, у границы развалин застыл изваянием Заль: пришла его очередь дежурить. Впрочем, разбойники не желали из-под полога и кончики носов высунуть – их укрытие было куда менее надежным.

В боку робко шевелилась боль. Пока еще не сильная, она предупреждала: будь осторожней! Одно неловкое движение, и...

Шенга все-таки села, выпустив на волю накопившееся под одеялом тепло. Поежилась – снаружи оказалось холодно и влажно. Надо бы вставать, собираться в путь... но как же не хочется под дождь...

А узелок с остатками дорожной еды и с чистой рубахой так и остался мокнуть. Хлеба жалко. И последних монеток...

И как дальше идти? Без денег, вообще без всего.

Девушка еще раз взглянула на спящего колдуна. Вздохнула, потянулась поправить чуть не убежавшее в лужу одеяло. А то ведь замерзнет, простудится...

Дэн проснулся мгновенно, резким движением перехватил руку, зло уставился в глаза.

Она объяснила:

– Одеяло. Упало вниз. Я хотела поправить.

Нахмурился, расслабил плечи. Отвернулся, оценивая обстановку.

Сообщил:

– Дождь теперь надолго. Не знаю как тебе, а нам надо спешить.

– Как скажете.

Они уйдут, а она побредет дальше, прятаться от людей. Дышать болотным воздухом, ждать, когда ее догонят и вернут магистрам. Те посетуют, пожалеют. Оставят в послушницах еще на год... а потом, может, еще на год. Да нет... не оставят. Если ее готовили к работе у самых Дыр, то значит – другой Шип, ее предшественник, или уничтожен, или потерял силу. И магистрам теперь пришлось кого-то готовить в замену, а этот кто-то долго не продержится. Что можно узнать и запомнить за считанные дни? Да ничего. Саму Шенгу готовили три года...

Дэн внимательно взглянул на беглянку, но ничего не сказал.

Достал из своей седельной сумки – разбойники не успели их выпотрошить – край черного хлеба да флягу. Отломил кусок и протянул девушке. Она благодарно кивнула. Хлеб был ароматный и очень вкусный.

От неловкого движения заболела рана, Шенга зашипела, обхватив себя руками.

Дэн, который начал было сворачивать одеяло, обернулся на этот ядовитый звук и велел:

– Ложитесь, я проверю повязку. Но одежду придется снять...

Она пожала плечами, скинула без стеснения верхнее платье, задрала рубаху. Только пожаловалась:

– Холодно!

– Я постараюсь недолго.

Колючее сено царапало спину. Дэн сноровисто развязал узлы, начал разматывать нарезанную лентами тонкую ткань.

– Вы, чер Рэкто, прямо как лекарь...

– Раньше мне приходилось гораздо чаще иметь дело с нежитью. Конечно, не с той, которая приходит из оби-тели... Мы ее называли «дикой». А в рейд отряд уйдет, какой нам

там лекарь?.. Каждый сам себе – и лекарь, и нянька. По старой памяти вот – и перевязочный материал вожу, и кой-какие еще... инструменты... Сейчас больно будет – кровь присохла.

Шенга приготовилась терпеть, но то ли Дэн постарался, то ли привычка к более суровым испытаниям сгладила эффект. Она только поморщилась и скосила глаза на рану.

Узкая, недлинная. Защитая. Вокруг раны кожа покраснела и припухла. Будет шрам.

Дэн озаботился:

– Не хватало только воспаления... Надо бы промыть и наново перевязать. Только воду кипятить не на чем.

– Ничего, я потом... сама.

– Сейчас, ага. Считайте, я вчера вашей историей проникся, и теперь согласен быть вам телохранителем до конца дней. И помереть от собственной глупости не дам, как бы вы ни хотели. Не хватало нам высшей нежити, бесконтрольно гуляющей по касурату...

Шенга бледно улыбнулась: ближайшее будущее таким образом начало определяться.

– Значит, промоем, перевяжем, а вот вернемся на Дворы, будет вам полноценное лечение. Но сначала...

– Что?

– Вы вчера обещали взглянуть на следы нападения. Для меня очень важно понять, что там случилось: мы с Залем ищем похищенного ребенка, и у меня есть подозрение, что он там был. Тела я не видел. Но вещи-то перепутать не мог...

– Хорошо. Я посмотрю.

Странно было видеть огромную украшенную карету, которая застыла посреди водной глади, словно корабль, застигнутый штилем. Еще одна карета, поменьше, лежала на боку. Из воды холмиками поднимались человеческие тела. Некоторые обгорели, а некоторые выглядели так, словно люди просто прилегли отдохнуть.

Вода морщилась от дождя, она полностью залила древнюю дорогу, и теперь словно канал пролег между мокрыми болотными кочками – непривычно широкий и прямой канал.

Дэн объяснил:

– Мальчика похитили неделю назад из... одного южного городка. Мы решили, что его везут на север – были причины так считать, но доказательств не нашлось. Поэтому мы и отправились вдвоем. Воспользовались услугами сиина, он перебросил нас чуть ли не к самым болотам. И вот я вчера обнаружил это место. А в карете – знакомую игрушку и кое-что из одежды подходящего размера. Карета дорогая, но без герба, а лица мертвецов некогда было разглядывать...

Идти по кочкам было нелегко, но жаловаться или хвататься за невозмутимо шагающего вперед колдуна она себе запретила. Еще чего не хватало! Терпеть можно, уже хорошо.

Покойника перевернул Дэн.

Шенга по одежде решила, что это или слуга, или работник, нанятый на время. Не молодой. Захлебнулся, упав лицом в воду. А упал, потому что...

Девушка поводила возле покойника руками в поисках следов колдовства. Тут же нашла: «Сухое облако» – заклинание, которое можно использовать для обез-движивания жертвы.

– Нужно найти кого-то поважнее, – вздохнула она. – Вряд ли слуги знали детали...

– Заль! Что ты там застрял? Иди, поможешь!

Подходящее тело вытащили из-под кареты. Дэн изум-ленно присвистнул, взглянув на лицо, опаленное огненным арканом.

– Этого благородного чера я встречал раньше. Но вот другой вопрос. Какое отношение к происходящему имеет обитель?

– Сейчас узнаем...

Покойник под воздействием колдовства не открыл глаз и не зашевелился. Правильно, нечего тратить энергию на пустяки. Шенга бормотала какие-то негромкие заговоры, водила ладонью над лицом покойника.

Спустя недолгое время она устало уронила руку и велела:

– Спрашивайте, чер Рэкто.

– Вы везли касарха Эвера в столицу?

– Да. – Голос у мертвеца был сиплый, губы почти не шевелились.

– Вы планировали убить касура и сделать правителем мальчика?

– Да.

– Кто вам помешал?

– Некромант и нежить.

– Как это случилось?

– Не знаю. Напали внезапно. Был бой. Убили моего колдуна. Как забрали Эвера, не видел.

Дэн шепнул в сторону невнятное проклятье, после чего продолжил расспросы:

– До нападения мальчик был здоров?

– Да.

– Как вы его похитили?

– Он гулял. На рынке. Со свитой. Но свита отвлекалась, не следила. Это было легко.

Шенгу словно кто-то дернул:

– На рынке был проповедник? Человек из ордена, рассказывающий сказки? Был?

– Да.

– Мальчик его слышал?

– Да. Он разговаривал с проповедником.

Дэн снова перехватил инициативу:

– Что было дальше?

– Мы подготовились. Мы знали, что уходить надо быстро. Мальчику пообещали, что его отвезут к отцу. Он с радостью поехал с нами.

– Потом? Как он вел себя потом?

– На второй день стал капризничать. Требовал, чтобы его отпустили. Потом впал в апатию. Молчал. Только бурчал что-то себе под нос. Я не слышал что. Потом напали.

Больше ничего полезного мертвый аристократ сказать не смог. Шенга рассеяла колдовство и задумчиво сказала:

– Должен быть кто-то, кто постоянно находился при мальчике. Надо понять, что он бормотал...

– Да зачем? Что это даст?!

Колдун с силой пнул колесо кареты. Теперь найти подопечного будет намного сложнее. Если удастся вообще. А если он зачем-то понадобился магистрам из оби-тели...

– Ваш... мальчик... говорил с проповедником. Слышал его сказки... в этих сказках – ни слова вымысла. И если... если касарх смог запомнить какое-нибудь заклятье... Он мог спровоцировать эту атаку, понимаете, чер Рэкто?

– Да ну... Он слабоумный. Вряд ли.

– Все-таки...

Осмотрев с десяток тел, они вернулись к первому. Остальные были либо наемниками, либо дворянами. Ни те, ни другие не стали бы тратить время на общение со слабоумным ребенком.

Шенге на то, чтобы разговорить этого покойника, понадобилось вдвое больше времени.

Зато ответ подтвердил ее догадку. Она пояснила:

– Это «пепел по ветру» – простейшее заклинание, призывающее на помощь. Откликается любая нежить, что попадает в круг действия колдовства...

– А нежити здесь было достаточно, – вздохнул Дэн, – искали Шип.

– Да. И понятно, почему его забрали с собой: там был некромант...

– Ясно. Значит, искать мальчика нужно в обители?

Шенга только кивнула. В мире ничего не случается просто так. И наконец стало понятно, для чего на самом деле она сбежала в касурат. Вот для этого. Чтобы помочь найти пропавшего наследника. Чтобы вернуться и выполнить наконец свой долг до конца...

Но пока у нее есть время. Дня два – добраться до Дворов, потом ехать к паромам через реку... Целая жизнь, два дня. Огромная жизнь.

– Заль, что ты там делаешь? Сначала в карету залез, теперь в кусты! Вылазь! Возвращаемся.

Заль нехотя выбрался из-за невысокой кучи поросших кустами камней, прижимая к груди массивный сундучок.

– Что тут у тебя?

– Понятия не имею! Увидел, как блеснуло. Не смог открыть...

Шенга постаралась идти ровно, чтобы никто не догадался, насколько ее вымотал допрос двух покойников. Пальцы занемели, кружилась голова. Да еще этот дождь... то припустит, то стихнет. На ней уже ни клочка сухой одежды... и зубы стучат.

Но ничего, скоро все это кончится. Верней, вскорости ей будет плевать на такие мелочи, как дождь и слабость.

Дэн догнал ее в два шага, поддержал. А потом просто подхватил на руки и понес – не слушая возражений. Понял, что так будет быстрее.

На поляне все осталось без изменений. Разбойники, заколдованные Дэном, спали вповалку. Лошади, напоенные и накормленные перед уходом, переминались под навесом.

Дэн, сжавившись, рассеял колдовской сон. Молча взобрался на коня, молча усадил перед собой притихшую Шенгу.

Заль как-то слишком долго пристраивал к седлу находку. Насвистывал песенку, поправлял упряжь. Вопреки привычке, Дэн терпеливо ждал, когда он справится.

Лошади шли по болоту медленно, дождь им не нравился. Дэн постарался замотать в свой широкий плащ и себя, и девушку и только надеялся, что сможет довезти ее до гостиницы живой. Шенге на глазах становилось хуже. Она перестала даже пытаться сидеть прямо. Все время казалось – еще немного, и она окончательно потеряет сознание.

Надо же. А всего-то четыре дня прошло. С какой радостью он отправился из владения в эту поездку!

Окрестности спокойного южного городка надоели ему в первые же дни. А покидать их без разрешения и приказа опальный придворный колдун не имел права. И так целых два года!

Дэн и придумал историю про возможный заговор, только чтобы отпустили хоть на пару дней подышать свободой вдали от касурских лордов, фрейлин и иных благородных черов...

Он даже сам в эту историю не верил. И каждую минуту ждал, что найденного в ближайшем парке мальчика доставят назад. Но этого все не случалось, и наместник скрепя сердце отпустил колдуна искать предполагаемых заговорщиков.

Как же он радовался этой прогулке! Этой заемной свободе на пару дней. Даже необходимости топтать через колдовские болота, над которыми сиины не рискуют протягивать нити своих «быстрых дорог».

Радовался... Заль с собой потащил – который еще ничему, между прочим, не научился. Легкомысленный поступок, сказал бы командир.

Хм. Если вспоминается не к месту боевое прошлое, жди драки... Дэн оглядел дорогу. Древнюю кладку скрывала дождевая вода, но кочки четко определяли ее границы.

Шенга шепнула:

– Если я умру... вы обещаете... что упокоите Шип?

Дэн удобней обнял девушку. Еще чего не хватало.

До Дворов добрались уже в сумерках. Там было непривычно пусто: большая часть постояльцев ушла в болота засветло, а местных распугал дождь да рассказы о бродящих по окрестностям личах.

Дэн выбрал Правый двор. Он был ближе, а у дверей торопливо колол дрова молодой слуга. Он помог Залю устроить лошадей.

Быстро расплатившись, Дэн отнес девушку на второй этаж, в комнаты для богатых постояльцев. Нужно было срочно посмотреть, что с ней такое: причиной не могла быть рана, оставленная его собственным заклинанием. «Коготь зверя» рассчитан на нежить, убить живого человека им практически невозможно. Шенга пострадала потому, что над ней долго и кропотливо трудились некроманты, мастера Распада, и только поэтому.

Осмотр не добавил ничего нового – рана воспалилась, но не сильно. Однако девушка была бледна, осунулась и, кажется, находилась на грани обморока. Ее трясло, как в лихорадке, но при этом жара не было. Кажется, даже наоборот, кончики пальцев стали ледяными, и она никак не могла согреться.

Дэн потребовал затопить в комнате камин, завернул ее в одеяло и принес горячего питья. Но этого явно было мало. Исцелять магически он не умел, для этого не то чтобы нужен особый талант – нужны знания, и полученные отнюдь не в полевых условиях пограничного отряда чистильщиков. Осталось только приготовить мощное заклинание против нежити и ждать, когда все закончится...

– Тяжело, – сказала Шенга тихо. – Что-то должно случиться...

– Шенни, – он подошел ближе, устроился прямо на полу возле кресла, в котором сидела девушка. От огня стало жарко. – Шенни, попробуй описать, что ты чувствуешь. Что с тобой происходит?

– ...зато боль почти прошла. Меня зовут...

– Что?

– Кто-то меня зовет. Все громче.

– Давно?

– Не знаю. Нет. Всю дорогу... обратную. А где Заль?

– Я позову. Я сейчас его позову, он должен был уже прийти...

Дэн вышел в коридор. Шенга слышала, как он окликает ученика, и пыталась разобраться в своих ощущениях. А получалось, что если из обители ее прогнал страх, то сейчас душу заполнил самый настоящий черный ужас, почти паника. И непонятно, почему так? Еще утром все было хорошо, несмотря на дождь и рану. Что изменилось? Почему она сейчас с радостью готова повиснуть на шее и расцеловать любого подвернувшегося некроманта или даже лича?

«Только от зомби увольте, – про себя усмехнулась она. – Зомби воняют...»

– Да иду уже, иду! Смотрите! У меня получилось!!!

Прозвучали шаги, в дверях показался сияющий Заль с сундучком в руках – тем самым, который он нашел на болоте. Шенге одного взгляда хватило на этот сундучок, чтобы понять, откуда накатывал тот леденящий ужас, что мучил ее всю дорогу.

– Смотрите! – Заль поставил свою находку на стол. – Сейчас откроем, я понял секрет замка...

– Ты его уже открывал?

– Нет, но... момент!!!

Щелчок, и крышка откинулась вбок.

– Ну вот. Снова голову ломать...

В сундучке лежала темная от времени, потертая шкатулка. Конечно, тоже запертая. Но Шенге было уже не до нее. Нечто из болот, древнее и темное, словно почувствовало, куда нужно спешить. Это «что-то» очень скоро будет здесь... Это оно подспудно сосало из нее, колдуньи недоученной, жизненную силу: рана, полученная от заклятья, стала приманкой и проводником.

– Не надо! – крикнула девушка. – Не открывай!!!

Дэн посмотрел на нее сощуренным взглядом, поверил и захлопнул сундучок, чуть не прищемив пальцы ученику. Но было поздно: нежить и так знала, куда нужно спешить.

– Надо вниз... и окна закрыть...

На улице, словно в ответ на ее слова, поднялся сильный ветер, звякнуло, распахиваясь, окно. Огонь в камине померк.

– Сиди здесь! Заль, за мной!

Они не справятся одни с тем, что идет с болот. Нужна помощь сильного некроманта или лича... Лича!

Шип... нужно всего лишь довести до конца начатое магистрами, и мертвый колдун будет обеспечен. Очень сильный колдун, зря ли она столько лет учила сложнейшие формулы высшей магии? Живой Шенге все эти заклятья никогда бы негодились – как любому из обычных людей.

Вот только сил нет даже на то, чтобы выбраться из кресла. Какое там самоубийство? Зря Дэн ей приказал сидеть и никуда не уходить. И так бы никуда не делась...

Шенга не замечала, что плачет.

Снаружи рассветелось. Окно, наново запертое Залем, пропускало лишь часть звуков с улицы, но девушке упорно казалось, что там, помимо посвистов ветра, есть и другие...

Потом начали мелькать вспышки. То белые, яркие. То зеленоватые, то багровые, как от огня. И тогда она сделала то, что за несколько дней до нее додумался сделать слабоумный мальчик – прошептала заклинание «праха по ветру», надеясь, что колдуны из обители появятся раньше, чем до нее доберется нежить с болот...

Впрочем, та нежить с болот сейчас занята чером Рэкто и его учеником...

Арка «быстрой дороги», поставленная мастером сином, появилась в дальней части комнаты спустя считанные мгновения. Сам магистр Навеграт откликнулся на призыв... и не только он. Двое высших некромантов. С личами и вурдалаком.

Магистр окинул взглядом комнату, на девушке взгляд его не задержался и на миг. Кивнул некромантам, они поспешили вниз.

Подожел к столу, увидел сундучок. Присвистнул, склонился над ним.

У Шенги сердце заколотилось с бешеной силой, она побоялась, что черная шкатулка снова увидит свет.

Но ничего подобного не произошло. Даже как-то наоборот, стало легче дышать. Она молча наблюдала, как магистр осторожно плетет вокруг сундучка защитное заклинание, как старательно увязывает все силовые линии, стараясь, чтобы не было открытых мест.

Наконец работа была окончена. Магистр впервые прямо посмотрел на нее.

Шенга отвела взгляд: теперь так будет всегда. Она струсила, сбежала. Подвергла опасности все свободные земли, отказалась выполнить свой долг...

Первыми, как ни странно, в комнату вернулись один из некромантов и лич. Лич, правда, тут же исчез в синовой арке.

– Закончили? – спросил магистр.

– Практически. Это было нетрудно – кто-то блокировал базовый канал...

Навеврат кивнул на сундучок. Брови некроманта поползли вверх.

– Это то, о чем я думаю?

– Угу. Интересно, откуда здесь вообще взялась «роза лей». Да еще в неактивном состоянии.

Роза лей? Леи – линии энергетических потоков, которыми пользуются заклинатели и чародеи классических школ. Шенга никогда не слышала о таком артефакте.

– Что это? – помимо воли спросила она.

– А это, м... девушка... – жизнерадостно отозвался некромант, – такая штука. Где ее активируют, туда замыкаются все ближайшие потоки энергий. И «роза» эти энергии начинает высасывать. Сосет до тех пор, пока не будет достигнута предельная величина накопления. Формула простая: $\text{инг равно сай минус два фаю в квадрате, деленное на каю}$. Где инг – предельная концентрация энергии артефакта, сай – структурная проводимость материала, фаю – переменная величина, выражающая плотность энергетических потоков, а каю – основная постоянная Распада. Как ты помнишь, постоянная эта условна... м... так вот...

Шенге начало казаться, что она сидит в учебном классе, на лекции по высшей некромантии, а тело болит и ломит после вчерашних занятий на боевой площадке, а вовсе не от болотных приключений. Менторский тон выдавал в некроманте опытного наставника...

– ...когда предел достигнут, начинается процесс преобразования материи с выделением энергий уровня ист. Процесс развивается катастрофически, и если его не остановить, поле действия артефакта может занять площадь в половину материка. Итогом становится локальный коллапс системы в энергетическом или физическом плане либо же образование объектов, которые мы привыкли называть Ночными дырами. Для активации достаточно вскрыть находящуюся внутри... м... шкатулки... э... емкость.

Шенга только вздохнула. Заль был на волосок от того, чтобы расширить область интересов обители и на правый берег реки. Попутно расколов касурат на два географически разделенных государства: понятно, что болота в этом случае станут непроходимыми.

Но где же Дэн? И Заль, и остальные?

Беспокойство, сначала крошечное, росло, как снежный ком.

Дэн появился из пустоты коридора как раз в тот момент, когда иссяк запас красноречия говорливого некроманта. Он с силой толкнул дверь – как только она не слетела с петель? – и внес в комнату какой-то большой неаккуратный сверток. Уложил свою ношу на кровать и уселся, сторбившись, в изножье. Повисла тишина. Дэн не поднимал взгляда от собственных ладоней, сцепленных в замок.

Заль. Там, под плащом, мертвый Заль, запоздало догадалась Шенга. Великие покровители, почему она так поздно догадалась позвать на помощь?

У Дэна исполосована, испачкана грязью и кровью сорочка. И темные полосы на лице. И боязно сказать ему хотя бы слово, отвлечь...

Вошли еще два лича и некромант.

– Пора, – сказал магистр.

– Мастер... – робея, позвала Шенга. – Мастер, я с вами.

– Хорошо.

– Постойте!

Дэн обвел присутствующих тяжелым взглядом.

– Да, молодой человек.

– Несколько дней назад... люди из обители на болотах подобрали мальчика.

– Да. Он позвал на помощь.

– Понимаю. Это сын касура. Его похитили. Некие придворные в касурате подготовили переворот. Если мальчик попадет к ним, стране грозит гражданская война. Если останется у вас...

– И что вы хотите от обители?

– Почти ничего. Отдать малыша мне. Я верну его в южное владение...

– Только-то?

– Помощи вашего сиина. Касура нужно предупредить о заговоре.

– В таком случае, вам лучше пойти с нами... Касто, Тарак, тело тоже нужно забрать.

Магистр подхватил со стола сундучок и направился к арке.

Шенга выбралась из кресла, одеяло упало под ноги. Ей все еще было очень нехорошо. Обреченно шагнула в арку.

Навстречу дохнуло ночной прохладой и дождем. Несколько шагов в полной темноте, и вот уже по щеке мазнуло влажными листьями, а под ногами появилась брусчатка. Мелькнули желтые окна неподалеку. Это же послушнический корпус!

Накатило ощущение, что она вернулась домой.

Вдруг поняла, что идет следом за некромантами, несущими тело Заля, вцепившись намертво в ладонь человека, шагающего рядом.

От него пахнет гарью, потом и незнакомым, но сильным колдовством.

– Дэн...

Почувствовала ответное пожатие: он услышал.

Обошли корпус и кельи магистров, и Шенга поняла, куда они идут – к Старой башне, древнейшему строению обители.

Это там некроманты проводят свои обряды. Там живет и работает старший магистр ордена, и там, в подвалах, проводятся самые рискованные опыты. Башня делит живой и мертвый дворы крепости. По ту сторону стены – вотчина некромантов и их подопечных – высшей нежити.

Отворились ворота, большой приемный зал оказался ярко освещен.

Здесь веяло теплом от большого камина. Возле него, уставившись в огонь, сидел худой белокрысы пацан лет двенадцати.

Это он и есть – малыш?

Впрочем, Дэн говорил, что мальчик – слабоумный...

Пацан тем временем обернулся, увидел вошедших и вдруг стремительно кинулся к ним. Облапил Дэна, уткнувшись носом ему в плечо.

Шенга расслышала:

– Дэнельхо... Дэн... ты за мной приехал, да?

Дэн отчего-то зажмурился. Тряхнул головой, ответил:

– Конечно, Эвер. Неужели я оставил бы тебя?

Мальчик вдруг отстранился, нахмурил лоб, оглядел присутствующих. Сказал:

– Извините. Я... не должен был проявлять недостойные эмоции... Вы дрались? Вы победили?

Дэн кивнул и почему-то отвернулся. Ответил за него некромант:

– На этот раз – да. Но силы были неравны.

Мальчик уставился за спины вошедших, там на лавке лежало завернутое в плащ тело.

Прикусил губу, но не стал ничего спрашивать.

Дэн посмотрел в глаза магистру. Спросил:

– Что вы с ним сделали? Малыш раньше почти не разговаривал. А меня и вовсе узнавал через раз.

– Пустяки, след старого проклятия. Наши мастера, как вы понимаете, довольно часто с этим сталкиваются. Ну что, отправитесь сейчас или отдохнете немного?

Дэн дернул обожженным плечом:

– Мое имя – Дэнельхо Хальт, чер Рэкто. Если вам, магистр, когда-нибудь понадобится помощь колдуна с правого берега, зовите. Я приду.

– Молодость... Знаете, чер Рэкто, еще утром мне хотелось пришибить вас при встрече: это ведь вы похозяйничали в Старой веси? Да еще чуть не убили... – он показал глазами на застывшую у входа Шенгу.

Дэн ответил:

– Я несколько лет воевал с нежитью в приграничье, и поверьте, мне есть за что ее не любить.

– Без нежити мы не можем удержать границы Ночных дыр. К сожалению.

Дэн молчал почти минуту. Потом все же сказал:

– Я не хотел бы, чтобы Заль... Чтобы вы использовали тело моего ученика для создания нежити.

– В настоящее время обитель не нуждается в зомби. А ничего другого из него не получится. Парень погиб в бою, почти мгновенно. Ни подготовки не прошел, ни способностями особыми не обладал.

Дэна покорило, как спокойно магистр перечислил все эти резоны. Но прекратить расспросы не мог.

– А Шенга? Что с ней будет?

Магистр снова уставился на девушку. И непонятно, чего в его взгляде было больше, негодования или сочувствия. Она прошептала:

– Если обители нужна Шип... я готова. Я поступила малодушно и признаю это...

– А если не нужна? Вот прямо сейчас? – насмешливо спросил Навеграт.

Он ждал какой угодно реакции, но не этой: Шенга засмеялась. Сначала тихо, а потом в голос.

В тот момент она показалась Дэну особенно одинокой и несчастной. Если приносишь в жертву последнее, что у тебя осталось, а жертва оказывается ненужной... это больно.

Заль. Не к месту вспомнилось – парень сражался так, как никогда до того. Он смог прикрывать Дэна колдовским щитом до самого прихода такой неожиданной и такой желанной помощи... выстоять в той битве с «дикой» нежитью Дэн даже не надеялся.

Смех неожиданно оборвался, Шенга слепо шагнула к Дэну и застыла, буравя взглядом его подбородок.

Невысокая. Влажные от дождя русые волосы торчат во все стороны. Короткая челка, ссадина на щеке. Усталая. Решительная. И глазищи такие, как серый омут: не выплыть.

Сердце кольнула острая тоска – не сбудется. Сейчас ты отдохнешь, и помчишься спасать касурат от смуты, малыша – от неприятностей, а мир – от очередной катастрофы. Все, Дэн. Все. Твои девки тебя ждут при дворе – разряженные и наштукатуренные. Зачем тебе эта? Без роду-племени, некромантка, оружие обителю, дитя Ни? Зачем ты ей? Она, кажется, выбрала свой путь. Простому человеку непонятный и пугающий, но для нее самой – единственно верный. Зачем? Опальный колдун, неудачливый наставник, потерявший ученика.

Не увидел, а почувствовал, как ее пальцы скользят по щеке. Оказывается, стоял, зажмурившись, и не понять, как долго. Не вспомнить.

На шее у нее кусочек агата. Если его снять, то будет казаться, что ты обнимаешь поднявшегося мертвеца. Нет. Уже не будет – ты привык, ты даже не знаешь, при ней камушек или она его потеряла.

Если...

Если открыть глаза, ты не сможешь уйти и оставить все как есть. Уйти сейчас – значит предать ее. Не так. Это значит – предать себя.

А не уйти нельзя. Скоро рассвет. Заговорщики не станут долго ждать и убьют касура, даже если малыша не будет под рукой. Малыша... придется привыкнуть называть его по имени.

За спиной кто-то прокашлялся.

Дэн, скидывая наваждение, обернулся:

– Я распорядился приготовить для вас комнату, чер Рэкто. Вам стоит отдохнуть и привести себя в порядок.

Дэн кивнул.

– ...Шенга. Следуй за мной. На тебя хочет взглянуть целитель.

– Иду, мастер.

Усмехнулась... и вдруг котенком ткнулась Дэну в плечо. Доверчиво и решительно.

– Шенни... – голос старика стал мягким. – Ну что ты. Завтра увидите. И потом, не звери же мы, класть тебя под щит против желания. Придешь, когда решение станет окончательным и бесповоротным. Хоть через десять лет, хоть через пятьдесят...

– Ждать придется лет сто... – пробормотал себе под нос Дэн, крепче обнимая девушку.

Эрик Гарднер Дэдкендэнс

2

Ночная Девис-роуд казалась только что нарисованным акварельным полотном. На черный, мокрый после ливня асфальт ложился золотистый свет уличных фонарей, мягкий и размытый в поднявшейся влажной дымке. Редко проезжала поздняя машина и тут же исчезала в тумане, ненадолго оставляя в нем алый след задних фар – горящий взгляд болотного чудища. В лицо задул юго-восточный ветер, принесший смесь запахов с болот и вересковых пустошей. Но все это перекрыл насыщенный, тяжелый и грубый запах с кладбища Святого Патрика. Белесые завитки закручивались под порывами ветра, отступали с холма, стекали белыми ручейками в низину к реке, обнажая серые и черные надгробия.

– Эй, Руари! – окликнули меня. – Мы здесь!

Я перемахнул через кусты изгороди. Подошел к надгробной плите, на которой горело штук десять красных поминальных фонариков, собранных с остальных могил. У кельтского креста стоял окликнувший меня Брай-ан О'Шэнан. Рядом валялось несколько сложенных зонтов. А на соседней могиле на брошенных подстилках сидело пять подростков в зелено-синей форме Клонмелской средней школы. Нолан О'Келли, Иган Эфин, Олил Бламак, Кас Кэрвал и Ардан Мохэммок – все из семей магов.

– Вы что, места получше для встречи не нашли? – спросил я. – Тут же видно все как на ладони.

– Скажи спасибо, что вообще тебя позвали! – буркнул белобрысый Нолан, смерив меня презрительным взглядом и задержавшись на лишенном обеих пуговиц, потертом на локтях пиджаке. – Брай, зачем нам людоед?

Я недобро посмотрел на Нолана. Сунул руки в карманы брюк, тоже изрядно потрепанных.

– Парни, спокойно, – Брайан встал между нами. – У нас новости, Руари. В город приехал новенький. Некромант.

– Некромант? – удивился я и присвистнул. – А разве?..

– Да. Официально их уже не существует на нашем острове. Но... – Брайан доверительно подался ко мне, – ты же знаешь, Магическая гильдия делает все, чтобы спасти последних представителей, даже если они попадают под Указ номер один.

При упоминании Указа номер один – об уничтожении опасных для людей существ, в список которых некроманты попали вместе с троллями, баньши, клуриконами, агишками, оборотнями и прочими, – все помрачнели. Туда мог угодить кто угодно. А вот повезло немногим. Только оборотней спустя какое-то время перевели в список Указа номер два, как потенциально опасных, и это спасло их от окончательного истребления.

– Ну и? Что думают остальные магические семейства? – спросил я. – Такое соседство вряд ли кому-то понравится. Или... Вы тут собрались, чтобы создать подходящую случаю атмосферу?

Мою шутку собравшиеся не оценили.

– Нет. Все знают о «крысе», Руари. А вдруг это он? И нам его подослали специально? Проверить нас на законопослушность? – произнес Брайан.

– А что – некромант треплет направо и налево, кто он такой?

² История из цикла «Луна в стакане с виски» Эрика Гарднера.

– Нет, но... нас предупредили из гильдии... – ответил Ардан. – «Крысой» может быть любой. Даже тот, кто попал под Указ номер один. Надо узнать, что он из себя представляет. Он и его семья. Они поселились тут рядом – в сером особняке на Гленалими-драйв.

– Его сын сейчас должен подойти... – Брайан посмотрел на часы.

– Для чего? Только не говорите, что вы додумались протестировать его на «вшивость», заставив оживлять здесь покойника? Решили, что раз в Клонмеле никогда не было некромантов, магическая полиция сэкономила на датчиках магии и не установила их на кладбище?

По смущенным и раздосадованным взглядам я понял, что оказался прав. Но никто из отпрысков благородных магических семейств этого не признал.

– Конечно, нет, Руари! – Брайан мотнул головой.

– Меня зачем позвал?

– Ну... У тебя же отличный нюх. Мы его поспрашиваем, а ты определишь, испугается он или нет.

– Классная идея, – покивал я. – Разумеется, он испугается! В незнакомой компании. Когда ему будут задавать всякие провокационные вопросы!

Уголки губ Брайана опустились досадливо.

– Но ты прав. Потому что страх «крысы» имеет совсем другой аромат, Брайан. – Я подался вперед, втянув его запах. – Сладкий и острый одновременно, как соус чили. Но куда более насыщенный и глубокий, с терпкими и даже горьковатыми нотами. После него хочется почувствовать только вкус свежей крови...

Брайан отшатнулся от меня, споткнувшись о могильную плиту, растянулся на земле.

– Да ну тебя, Руари...

– Это он? – я кивнул в глубь кладбища.

Все обернулись, но ничего не увидели.

– Думаешь, у нас такое же хорошее зрение, как у тебя? – Брайан поднялся, отряхивая с форменных штанов и пиджака грязь, вглядываясь во тьму.

Через пять минут в круг красноватого света, отбрасываемого поминальными фонарями, вышла низкая, худая фигурка. Я посмотрел на испуганную физиономию мальчишки. Он был лет на пять-шесть младше нас. Я перевел взгляд на Брайана.

– Ты смеешься?

Но тот хмуро толкнул пришедшего прямо в мои руки.

– Это Руари. И он оборотень, – зло прошипел Брайан ему в спину. – Будешь врать, он почует и сожрет тебя с потрохами!

– Да хватит уже из меня пугало делать! – Я слегка сжал мальчику плечи. – Тебя как зовут?

– Виард, – ответил он, трясаясь от страха.

– Не бойся, – прошептал я, наклонившись к нему. – До полнолуния далеко. А в обычные дни я никого не трогаю. Да и вообще это все запрещено.

– Клянешься? – неожиданно спросил он.

– Ааа... эммм... Есть повод сомневаться?

– Мой отец нарушает закон... Он и сам вне закона.

– Не боится, что своими действиями выдаст себя? – поинтересовался я.

– У него нет выбора – он иначе не выживет...

– Любопытно... Брайан, спрашивай уже, что ты там хотел. Я вроде как не специалист по некромантам.

Я развернул мальчика за плечи к остальным.

– Почему ваша семья приехала в Клонмел?

– Мы всегда переезжаем. Обычно раз в год как раз на Праздник пляшущих костей.

– Чего?! – спросил Ардан. – Какой праздник?

– В этот день отец договаривается с мертвыми даровать ему силу еще на год...
– Почему в Клонмел? – с нажимом повторил Брайан.
– Отец сказал, что у вас последнее время спокойно. Магическая полиция никого не трогает.

– Вот здорово! – воскликнул Нолан. – Только вас нам сейчас и не хватало!
– А когда этот ваш Праздник костей? – спросил Ардан.
– Сегодня...
– Что?! – воскликнули все разом. – Где?!
– Я не могу вам сказать...
– Ты слышал о «крысе», Виард? – разозлился Брайан.
– Конечно, кто об этом не слышал, – прошептал мальчик едва слышно. – Поэтому...
– Ты чего несешь?! Мы-то тут все друг друга знаем! Отведешь нас и покажешь. Или можешь собирать вещи со своей семьей и искать другой город!

– Вы ничего не решаете, – у Виарда откуда-то нашлась смелость произнести эти слова.
– Мы доносим до тебя мнение наших семей! – прошипел Брайан. – Не прикидывайся дураком! Отведешь нас на праздник, и мы будем считать это знаком доверия с вашей стороны.

– А если нет?
– Они навалиют тебе, – произнес я.
– Они? – Нолан, зло сверкая глазами, глянул на меня.
– Да ладно, парни, неужели вы с десятилетним не справитесь без меня? Хотя да, это сложная моральная дилемма – переступить через себя и бить того, кто даже сдачи дать не сможет.

– Придержи язык, Руари, – Нолан смотрел с ненавистью.
Виард обернулся ко мне, словно ища поддержки.
– Они тебе навалиют, – повторил я уверенно абсолютно спокойным тоном. – Лучше сделай то, что говорят.

– Хорошо. Я вас приведу. Но за своего отца я не отвечаю.
– А ты постарайся, чтобы все прошло как надо! – Брайан не сдержался и отвесил Виарду подзатыльник.

Мы вышли с кладбища, дошли до парковки. Брайан остановился у своей машины, хмуро считая пассажиров. Я зашвырнул Виарда на сиденье спереди, сел рядом. Остальные пятеро, переругиваясь, каким-то чудом уместились сзади. Брайан сел за руль. Виард, поставившись отодвинуться от меня как можно дальше, но при этом не мешать переключать передачи Брайану, объяснял, куда ехать. Мы проехали по ночному, давно спящему Клонмелу, пересекли реку Шур по Старому мосту, вырвавшись из города, миновали несколько ферм. После этого дорога запетляла среди диких холмов. Я достал из внутреннего кармана пиджака фляжку, глотнул.

– Что пьешь?
– Восемнадцатилетнего³. Будешь?
– Давай, – Брайан взял у меня фляжку.
– Брай, ты же за рулем...
Я обернулся, смерил Нолана презрительным взглядом, и тот заткнулся. Брайан глотнул, зашипев в кулак, вернул фляжку мне.
– Я бы на вашем месте тоже храбрился и изображал крутых парней, – тихо произнес Виард.

³ Сокращенно от «восемнадцатилетний Джеймсон» – жаргонное название виски «Джеймсон», выдержанного 18 лет.

– Ерунду не болтай! – Мальчишке прилетел очередной крепкий подзатыльник, на этот раз от меня.

Мы быстро, с насмешкой переглянулись с Брайаном.

– Приехали они в спокойное местечко, – процедил Брайан сквозь зубы.

Достал сигареты, закурил, предложил мне. Я выпускал дым тонкой струйкой в Виарда. Тот отворачивался, закрывал нос, приглушенно кашлял. Выкинув в окно окуроч, рассыпавшийся в воздухе золотыми искрами, я склонился к мальчишке, втянул запах его волос, пропитавшихся табаком.

– Знаешь, как-то ты знакомо теперь пахнешь, – заметил я с недоумением.

Развернув к себе, я обнюхивал его, прикрыв глаза.

– Ри, перестань. Это зрелище нервирует даже меня, – заметил Брайан. – Не хочу, чтобы он обмочился и испортил мне обивку.

Я, пожав плечами, отодвинулся от бледного, как призрак, Виарда. Еще минут через пятнадцать мальчик сказал сворачивать с дороги и ехать к темневшей на фоне ночного неба роще на вершине холма. Там Брайан заглушил двигатель. Мы вышли из машины. Шумел в кронах старых дубов ветер. И никаких других звуков.

– Давай дальше! – Брайан подтолкнул в спину мальчика.

– Ты нас ведешь к «Павшему воину»? – спросил я.

– Да, – ответил Виард.

– Руари, бывал тут? – спросил Брайан.

Я кивнул. Тропы не нашлось, и мы пошли, продираясь сквозь подлесок. Брайан светил слабеньким карманным фонарем, пока впереди не показалось светлое пятно. Дорога пошла под уклон. Еще пять минут спустя мы вышли на поляну, лежащую изумрудным овальным блюдом среди холмов. Со всех сторон поднимался лес. Кольцо воткнувшихся в землю факелов освещало пространство. В центре поляны лежал рухнувший много столетий назад менгир. Точно в его центре зияла дыра – след, оставленный упавшим метеоритом. Менгир, правда, получил свое прозвище задолго до падения метеорита. Но это событие лишь укрепило за ним название. Около «Павшего воина» стояла фигура в черной бархатной мантии. Едва мы вышли на поляну, фигура развернулась и направилась к нам. Некромант выглядел лет на сорок. Сколько ему было на самом деле, наверное, он и сам не помнил. Высокий, худощавый, с бледной тонкой кожей, через которую просвечивали синеватые сосуды. Гладко выбритый на щеках, с такой же головой. С тонкими, чуть презрительно изгибающимися губами. Но самым неприятным в его облике были глаза. Бледно-голубые, мутноватые, как у дохлой рыбы.

– Виард?

– Это мои друзья, пап... Можно им присутствовать на празднике?

– Друзья? Неужели? – с насмешкой произнес некромант.

Голос у него тоже оказался неприятным – с какой-то особой хрипотцой, словно чем-то скребут по стеклу. Он обвел нашу компанию взглядом. Задержался на мне. Тонкие, словно выщипанные, черные брови недоуменно изогнулись. Я же остался невозмутимым. Так мы молча смотрели друг на друга секунд десять.

– Доброй ночи, Руари, – наконец произнес некромант.

– Здравствуйте, мистер Салливан, – отозвался я.

Брайан и остальные уставились на меня с открытыми ртами. Но некромант снова смотрел на сына.

– Так что, Виард?

– Я их предупреждал, что это зрелище не для слабонервных...

Вот это новости. Некромант улыбнулся.

– Руари, ты можешь остаться. Остальные... – Он, раздумывая, смолк. Его взгляд вновь вернулся ко мне. – Разве что Руари за вас поручится.

Я глянул на парней, мстительно улыбнулся Нолану.

– Разумеется, поручусь за всех.

– Тогда – добро пожаловать. Но помните, что до самого окончания ритуала покидать круг факелов нельзя, иначе пополните ряды мертвых. Так что если вы решились, переступите его сейчас.

Мы переглянулись, и я шагнул в круг вместе с помрачневшим Виардом. Ко мне тут же присоединился Брайан. Один за другим последовали остальные.

– Вот-вот начнут появляться гости. Так что мне будет не до вас, мальчики. Займете места за семейным столом.

Некромант вернулся к менгиру. Что-то зашептал, глядя серый гранит. Я остро ощущал магические эманации, разливающиеся в воздухе. Вдоль линии факелов появились столы и скамьи. Виард занял один из центральных столов, и мы уселись рядом. На столах появилась посуда и еда.

– Ничего себе колдует! – шепнул мне Брайан и добавил с подозрением: – А откуда ты его знаешь, Ри?

– Сид свел. Но я не знал, что Салливан – некромант.

– Что он от тебя хотел? Знаю, ты о своих делах никому не говоришь. И все же, учитывая обстоятельства?

– Ничего особенного. Старый архив. Связано с архитектурой. В общем, не думаю, что Салливан «крыса».

– Тогда зачем мы тут остались? – зашипел Брайан.

– Повеселимся. Особенно, когда Нолан начнет блевать.

– Руари...

– Серьезно. Тебе не интересно, что здесь будет?

– О некромантах я и так знаю достаточно. По книгам, конечно. Жалко, что ты не маг, Ри. Тебе бы была открыта библиотека магической школы.

– Да вот как-то не сложилось... – я покривился. – И что написано об этом празднике в книгах?

– Ничего. Может, ты и прав. Смотри! Это, похоже, семейка Салливанов.

На краю поляны появилась женщина на последних сроках беременности и девочка примерно нашего возраста. Обе направились к нашему столу. Миссис Салливан была крайне измученной на вид молодой женщиной, жутко худой, несмотря на свою беременность. С дистрофичными руками, острыми выпирающими скулами, запавшими глазами, с некогда рыжими, а теперь совсем поблекшими волосами, убранными в жидкий хвост. Огромный живот смотрелся чужеродно.

В дальней части поляны, через арку, сплетенную из дубовых ветвей, проходили появившиеся гости. В основном обычные люди. Но встречались и представители магического народа. Причем совершенно не местного. Салливан встречал их, приветствовал и указывал, куда сесть.

– Ты совсем ничего не знаешь о некромантах? – спросил Брайан.

Я помотал головой.

– Женщина, вышедшая замуж за некроманта, обрекает на гибель всех своих детей. Ни один из них обычно не доживает до совершеннолетия. Некромант платит их жизнями за продление своих лет и вечной молодости. Женам тоже кое-что перепадает. Но они все же мрут. Лет через двести-триста. Этому, думаю, за тысячу перевалило.

– Черт, Брайан! Да я буду блевать на пару с Ноланом после такого.

– Ты прав, это не семья, а проклятие, – Брайан засмеялся с ноткой грусти. – Жалко... Дочка у них симпатичная...

Я покосился на девочку, севшую вместе с матерью рядом с Виардом. Длинные волосы, словно солнечные лучи, торчали во все стороны, скрученные в тугие золотисто-рыжие кудри-пружинки. Лицо было бледное, как молоко. И глаза – зеленые, словно листва окружавшей нас дубравы, обреченные и грустные настолько, что внутри меня всего передернуло.

– Да, она будет следующей... – продолжил шепотом Брайан. – Всегда погибает самый старший ребенок из имеющихся.

– И что? Его жена все эти двести-триста лет только и...

– Да.

– Слышать об этом больше ничего не хочу.

Я достал фляжку, глотнул «Джеймсона». Покосился на остальную компанию.

– Я бы на вашем месте ничего не ел с этого стола, – заметил я.

– Отравлено? – испуганно выдохнул кто-то.

– Ага, – опередил я Брайана.

Нолан с искаженным лицом уже отвернулся, выблевывая еду. Брайан посмотрел на меня с неодобрением.

– Да ладно. Тебе жаль этого мажора?

– Мы тут все мажоры, если уж на то пошло. Кроме тебя, Ри, – ответил он.

– Но остальные меня не оскорбляют.

– Всегда хотел спросить, почему слово «людоед» по отношению к себе вы считаете оскорблением? При том, что это, в общем-то, отражает суть вещей.

– Ничего ты не знаешь о нашей сути, – огрызнулся я, а Брайан опустил взгляд. – Что? Тоже начитался книжек про нас в вашей библиотеке?

Я отвернулся к Виарду, собираясь расспросить о празднике, и обнаружил на его месте дочь некроманта. Мальчишка незаметно сбежал от нас, пересев подальше. Я встретился с ним взглядом, поманил обратно. Он показал мне средний палец.

– Доприкидывался добреньким? – Брайан смеялся.

– Да ну к черту! – Я долгим глотком осушил фляжку, спрятал во внутренний карман. – Скучно.

– Скоро будет весело.

Мы оба воззрились на дочь некроманта. На ее лице и намека не было на грядущее веселье.

– Неужели?

– Праздник пляшущих костей – особый. Все гости приходят сюда с надеждой получить лишний год жизни. Их по очереди приглашают танцевать с мертвыми. Если продержаться хотя бы один танец, то желаемое будет получено.

– Год? – с недоумением протянул Брайан. – Какой смысл ради одного года?!

– В основном сюда приходят обреченные, кому поставлен диагноз – жить несколько месяцев. Или те, кто точно знает дату своей смерти, чтобы получить шанс и успеть доделать незавершенные дела...

– Хм... твой папаша крутой, если он действительно способен продлить кому-то жизнь даже на год, – заметил Брайан. – Ну а ты себе тоже лишних лет натащивала?

– Нет.

– Почему?

– Партнера для танцев не нашлось.

– Для тебя не нашлось подходящего мертвеца? – прыснул Брайан.

– Живого.

– Потому что он после танца с тобой умирает?

– Конечно, нет. Надо лишь дотанцевать до конца. Просто мне не везло...

Я поднялся со скамьи, подтолкнул Брайана поближе к девочке на свое место, раз уж у них завязался такой милый разговор. Остальная наша компания тоже заскучала. Только Нолан все еще вытирал рот белым накрахмаленным платком. Мажор! Около его руки я заметил ползшего жука. Жук вдруг перевернулся, задрыгал лапками и затих. Я чуть толкнул его пальцем. Но жук однозначно сдох.

– Руари! – Нолан отшатнулся, заметив меня рядом. – Это еще что за мерзость?

Я достал из верхнего кармашка пиджака зубочистку, вонзил в брюшко жука, проткнув насквозь. Нолан едва сдержал очередной позыв.

– Какой ты чувствительный, Нол! – Я хлопнул парня по плечу и поднес жука к глазам.

Потянул носом. Потом огляделся, продолжая принюхиваться. Внизу на поляне было спокойно, но наверху на холмах ветер нещадно трепал кроны дубов, гнал по небу низкие серые тучи. То, что он принес, мне не понравилось. Есть запахи, которые почти не поддаются описанию. Но рождают определенные ощущения. Надвигалось что-то темное, сравнимое с тьмой сырых холодных подземелий древних замков. Только эта тьма не была застывшей, не была пленницей каменных стен склепов, давным-давно вырвавшись оттуда. Текучая, как черный туман, вязкая, как болотная грязь, и холодная до ожогов.

Некромант по-прежнему был увлечен гостями. Я скользнул к краю стола, а потом направился к менгиру. Тьма пробиралась под землей. Я почти ощущал ее под ногами. Она наполняла дыру, пробитую метеоритом в «Павшем воине», готовая выплеснуться наружу. Некромант неожиданно преградил мне путь.

– Не суй свой любопытный нос, куда не следует, Руари.

– Все это замечательно, мистер Салливан, вот только это не я пришел на чужую территорию.

– Ах, вот оно что. Маленький обиженный оборотень, я забыл спросить у тебя разрешения?

– То, что вы делаете, не понравится не только мне, – я пропустил издевку мимо ушей.

– Ну, конечно же. Родители этих мальчиков тоже не хотят пачкать свои руки. Они совсем забыли о своей магии, о своих возможностях.

– Не заговаривайте мне зубы. Та сила, которой вы служите, не имеет ничего общего с магией местных, и ее сюда никто не пустит.

– А кто меня остановит? Или, может быть, ты додумаешься позвонить в магическую полицию? Дружок, ты и твои товарищи станете моими соучастниками. Это, конечно, при условии, что меня поймают. Но хватит уже. Вернись за стол. Поговорим потом.

– Ее сюда не пустят, – повторил я.

– Твои парни так хорошо умеют колдовать? Ну, пусть попробуют.

Я вернулся к нашей компании. Брайан уже перестал разговаривать с дочерью некроманта, отодвинувшись обратно на свое место. Печальная девочка следила за мной взглядом. Я шлепнулся на скамью между ней и Брайаном, резко пододвинул к себе глубокую миску, вытряхнув из нее хлеб, полез за пазуху.

– Ри, о чем вы говорили? Ты что делаешь? – у Брай-ана, увидевшего выражение моего лица, глаза полезли на лоб.

– Перестраховываюсь. Оберег есть какой-нибудь?

– Конечно...

– Давай!

Я прочел три слова огня и бросил в миску сожженную деревянную руно-оберег Брай-ана. Добавил туда несколько щепоток травы, извлеченной из мешочка, что всегда носил с собой.

– А теперь, простите, надо добавить мочи оборотня.

С пустой кружкой я вылез из-за стола, повернулся спиной. Кустов поблизости все равно не наблюдалось.

– Руари! – На лице Брайана отразилось отвращение, когда я сел обратно и добавил определенное количество капель из кружки в миску.

– Соль... – я посмотрел на столе.

Соли, разумеется, не было. Меня легко тронули за плечо. Я повернулся к девочке. Она мне протягивала атласный мешочек.

– Это нюхательная, но должна сгодиться.

– Спасибо.

Я порвал зубами мешочек – возиться с бантиками и узелками времени не было. Заодно надышался так, что в висках пульс сорвался в галоп, а от выпитого «Джеймсона» не осталось и следа. Перемешал все ложкой и прочел еще одно короткое заклинание. На дне миски теперь лежал серо-пепельный песок.

– Ты где научился колдовать? – спросил Брайан.

– Нигде. Это магия «трех слов», известная всем магическим существам. Что, в книжках про это ничего не было? Ах, ну да, зачем обращать внимание на то, что пренебрежительно названо «низшей магией»?

Набрав полные горсти песка, я обошел наш стол, заключая его в охранный круг. Кругом выписанную фигуру, конечно, можно было назвать с натяжкой.

– Я теперь тебе руки не подам, – хмыкнул Брайан, посмотрев, как я отряхиваю ладони о брюки.

– Ты мне еще спасибо скажешь и десять раз пожмешь.

– Да что происходит-то?

Но тут заговорил некромант:

– Добро пожаловать, дорогие гости, на Праздник пляшущих костей! Занимайте свои места. Уже через несколько минут здесь будут мертвые и предложат вам свой танец.

– Кстати о танцах, – заметил Брайан. – Джил сказала, что будет танцевать с тобой.

– Кто?

– Джил Салливан, – Брайан кивнул за мою спину.

Я в изумлении обернулся к девочке.

– Ты единственный, кто не боится моего отца. С другими не выйдет.

– Да неужели. А если я не хочу?

Я увидел сверкнувшие в глазах слезы, вспомнил про незавидную судьбу детей некроманта.

– Не надо давить на жалость, – тихо прорычал я, склонившись к ней. – Я знаю, что будет с неудачниками после этих танцев. И ты знаешь.

– А если я тебе помогу? – прошептала она.

– Это как?

Она растерянно дернула плечами.

– Скажи, ведь у твоего отца есть другое имя? – Я покрутил у нее перед лицом жуком на зубочистке.

– Я отвечу только после танца. И если ты хочешь попробовать спасти остальных, нам надо быть первыми.

– Ри, о чем она говорит? – Брайан тряс меня за плечо.

И в этот миг воздух задрожал от звуков волынки, ударил барабан, да так, что больно отдалось в груди, а резкие звуки скрипки вызвали целую армию мурашек, совершивших марш-бросок у меня по спине к загривку. Я зажал уши руками, как и остальная наша компания.

У «Павшего воина» из всполохов огня возникли призрачные фигуры, через миг обретшие плоть. Если это можно было назвать плотью. Три музыканта-мертвеца. От одежды остались сгнившие лохмотья. С обнажившихся ребер свешивалось нечто крайне неаппетитного вида. На черепах кожа почти отсутствовала, открылась желтая кость. Лишь глаза казались нетронутыми тленом – остекленевшие, неподвижные, горящие болотным огнем. Пальцы мертвых крутили кипин⁴, ударяя в козлиную кожу баурана, играли на чантере⁵, зажимали струны скрипки на грифе, резко водили смычком. Музыка лилась такая, словно каждая третья и пятая нота из шести⁶ пропадали.

Снова всполохи. Все новые и новые мертвые появлялись на поляне, окружая менгир и музыкантов плотным кольцом.

– Кто будет первым? – провозгласил некромант.

– Отец...

Мы не успели заметить, как из-за стола ушла Джил.

– Ты? – Брови Салливана сошлись на переносице. – Не вижу желающего с тобой плясать, Джил.

Она повернулась в нашу сторону.

– Она хорошая, – шепнул мне Брайан.

– Ага, а я тоже помирать не хочу.

Я наткнулся на ее отчаянный взгляд. И, проклиная свою совесть, поплелся к ней.

– Руари? – удивился некромант. – Честное слово, в нашу первую встречу ты мне казался весьма разумным парнем.

– Луна, знаете ли, иногда плохо на мозги влияет.

Я вздрогнул, когда мою руку взяла Джил, сдавила мне пальцы.

– Спасибо! – прошептала она.

– Да пока не за что...

Перед нами расступились мертвые, пропуская в центр своего кольца. Джил запрыгнула на менгир. Я забрался следом. Тьма ощущалась где-то совсем рядом. Замершая, ждущая своего часа.

– Итак, какой вы выбираете танец? – спросил Салливан.

Я пожал плечами.

– Да без разницы. Я же завсегдатой пабов, так что знаю их все.

Джил сбросила свой плащ, оказавшись в коротком зеленом платье. На ногах ее были танцевальные ботинки. Я скинул пиджак, оставшись в рубашке почти в тон ее наряду. Джил тоже это заметила. И я впервые увидел ее улыбку.

– Когда будет пропуск, нельзя касаться камня, – прошептала она торопливо, когда я взял ее руки в свои. – «Павший воин» в этот миг будет окрашиваться кровью. Если танец будет удачным, на подошвах у нас не останется следов.

Она на миг закрыла глаза и выдохнула. Застучал о козлиную кожу кипин, задавая ритм дабл-джиги. Ботинки рванули следом, такт в такт ударяя о поверхность менгира. Мертвые вместе с нами начали движение. И вот провал в ритме, ботинки стремительно отталкиваются от камня, окрашивающегося кровью, уносят вверх в высоком затыжном прыжке. И снова восстановленный ритм кипина, к которому присоединилась волынка. И снова провал и высокий прыжок. Я представлял вместо крови под ногами раскаленные угли – это мотивировало не ошибиться куда сильнее. Следом за волынкой заиграла скрипка, импровизируя, задавая свою партию, сбивая. Снова провал в мелодии. Я крепко сжимал ладони Джил и вдруг

⁴ Двусторонняя деревянная палочка, которой ударяют по ирландскому бубну – баурану.

⁵ Мелодическая трубка волынки.

⁶ Имеется в виду размер джиги – 6/8.

понял, что она полагается на меня, чувствует именно по мне, когда нужно совершить очередной прыжок. Смотрел на ее лицо, в ее внимательные глаза. И я впервые обратил внимание на ее запах – теплый, нежный, каким бывает нагретый солнцем ветер, с терпким привкусом вереска. Тьма вдруг отступила куда-то далеко, словно рядом с нами никого не было, а только открытый простор пустошей. Этот странный танец вдруг превратился из жестокого испытания в безобидную игру, подарил удивительную легкость и беззаботность внутри и стал доставлять удовольствие.

Музыка неожиданно кончилась. Мы стояли на менгире, учащенно дыша и улыбаясь друг другу. Не выпуская ладони Джил, я наклонился к ней и поцеловал в щеку, тронутую румянцем.

– Подошвы покажите! – Ледяной, безжизненный голос некроманта вернул нас в действительность.

Джил, зардевшись, показывала отцу ботинки. На мои он даже не взглянул – посмотрел на меня холодно, зло.

– Ты получаешь год, Джил...

– Сегодня Ей никто не достанется, Салливан, – произнес я.

– Ну, попробуй-попробуй!

Мы вернулись к столу. У всей нашей компании были зеленые лица.

– Вы... – У Брайана слов не нашлось. – Как вы это сделали?!

– А что такого-то? – подивился я.

– Ты не видел, что творилось вокруг?! Мертвые... они такое...

– Да мы на них не смотрели. Брайан, послушай, у нас большие проблемы с мистером Салливаном... Эээ... Я никогда не спрашивал... Ты колдовать умеешь? В том смысле... хорошо ли ты это делаешь?

– Ри?! – Брайан уставился на меня, вытаращив глаза.

Я притянул его к себе за лацканы пиджака, перехватил за ворот накрахмаленной белой рубашки и чуть придушил. Вся компания встревоженно следила за нами, слушая.

– Ты же знаешь, что нельзя... – прохрипел Брайан.

– Да плевать, – процедил я ему в лицо. – Я бы тоже никогда не сделал то, что собираюсь. Но иначе у всех в Клонмеле будут большие неприятности.

– В начале праздника будет много живых и много мертвых. Но в конце остаются только мертвые, – шепнула нам Джил. – Уже пять лет ни одному из приглашенных не удавалось выжить.

– Почему тогда об этом ничего не было слышно? – спросил Брайан. – Знаешь, какой бы переполох, какой шум поднялся? Да вся магическая полиция ловила бы некроманта!

– Потому что он только сейчас вернулся в Ирландию. Мистер Салливан, или как его там, очень долго здесь не был.

– Это правда, – подтвердила Джил.

– Что насчет его имени?

– Я не знаю настоящего, – она виновато опустила глаза, Впрочем, ответ меня не удивил. – Но он... страшный человек...

– Что надо делать? – сдался Брайан.

– Разобраться с мертвяками. Ты же вроде как спец по некромантам.

Брайан нецензурно выругался.

– Говорил тебе не связываться с людоедом, – произнес Нолан. – Обязательно вляпаться...

– Заткнись! – рявкнули мы на него.

– Ладно, Ри, – Брайан, сложив вместе ладони, на миг уткнулся в них носом в раздумье. – Но если об этом кто-нибудь разболтает...

– Все знают, что случается с «крысами», – я глянул на Нолана.

Он посмотрел на нас обиженно и больше не сказал ни слова. Брайан похлопал себя по пиджаку, что-то нащупывая, полез во внутренний карман и извлек золотой перстень, весь увитый рунами, надел на большой палец.

К менгиру тем временем шло несколько желающих заполучить лишний год жизни. Я огляделся. Судя по лицам и настрою, зрелище пляшущих мертвецов никому по душе не пришлось. Но, вероятно, наша удача с Джил вдохновляла. Люди встали на менгире в ожидании. Испуганные, но решительные, с надеждой во взглядах.

Я залез на стол, достал из внутреннего кармана пиджака флейту из темного дерева.

– Мистер Салливан! – проорал я, покрутив флейту в руках. – Может быть, вы передумаете?

– Ты ничего не изменишь!

– Ну как хотите! Я предупредил!

Я поднес флейту к губам. Тихо полился ее голос, бархатистый, глубокий и темный, как ночь, набирая мощь и перекрывая ритм застучавшего баурана, громче вступившей волынки, забивая визг скрипки. Воздух вибрировал, золотые искры разбегались от нас по изумрудной траве. Тягучая, неспешная мелодия обволакивала, уносила ввысь в расчистившееся небо. Ветер пронесся по роще, растрепав кроны дубов, на миг превратив в конские гривы. И инструменты мертвецов, подчинившись иной силе, вторили флейте, чисто, без фальши. Когда флейта смолкла, я открыл глаза в полной тишине. Прямо передо мной у самой границы охранного круга стоял некромант, уставив на меня свой рыбий взгляд. А за моей спиной кто-то зашептал слова только что сыгранной колыбельной.

Время снов, добрых снов,
Время снов приходит, спи, мой милый:
Из долин, из лесов
Слаще слов приходят сны.
Белый конь, черный конь:
Вдоль реки бредет табун к небу.
Рыжий конь, серый конь –
До утра они с тобой...
Здравствуй день, добрый день:
Глянь – кони в небе клевер щиплют.
Им с ветрами так легко
В белой пене вольных облаков.
Время снов, добрых снов!
Спи, малыш, и пусть тебе снится
Черный конь, рыжий конь
В белой пене вольных облаков.⁷

Я обернулся. Миссис Салливан стояла, обняв за плечи Виарда и Джил. По лицу измученной женщины катились слезы. Взгляд ее прояснился, словно она очнулась от многолетнего морока.

– Ты больше не получишь ни одного моего ребенка, Салливан! – выкрикнула она.

– Еще посмотрим... Особенно когда на твоём красивом личике появятся морщины. – Голос его дрожал от злости. – Откуда у тебя эта флейта, Руари?

– Вы меня спрашиваете? – удивился я.

⁷ Перевод песни «Whole heap of little horses» Натальи Каравановой.

– У кого ее стянул?

– Такие вещи не украсть. Магия не будет подчиняться вору.

Салливан смотрел на меня в неверии.

– Это невозможно... – сказал он каким-то своим мыслям.

– Вы как, ботинки у тех десяти смотреть будете? Они ждут. – Я указал на гостей, которые удачно все закончили с моей помощью и теперь ожидали у менгира.

– Сейчас вернусь, – скрипнул зубами Салливан.

Я обернулся к Брайану. Поняв меня без слов, он забрался на стол, встал рядом. Некромант, отпустив «счастливиц» и разогнав остальных гостей, возвращался. За его спиной, гремя костями, двигалась его армия. Брайан принялся водить пальцем в воздухе. Вычерченные руны горели изумрудно-зеленым. Дойдя до охранного круга, мертвые остановились. Салливан теперь выглядел на десять лет старше, отдав годы жизни тем, кто ни разу не ошибся в его мертвых танцах. Некромант посмотрел на меня, на Брайна, словно оценивая.

– А вы, мальчики, умеете колдовать. Ладно, не буду вас трогать. Считайте это полезным уроком, который так сложно получить в вашей глуши...

– Вы о практике забыли, – отозвался я. – Давай, Брайан.

Тот, шепча заклятия, развел руками. Висевшие в воздухе руны зеленым огнем обрушились на мертвецов. Вздымались охваченные пламенем руки, царапая незримые стены охранного круга. Я выдохнул три слова власти над землей в поднесенную к губам флейту. От земли полетели золотистые искры, добавляя мощи в защиту стены, на которую напирали мертвые. Брайан продолжал выжигать огнем мертвецов, войдя в раж. Лопались в пламени черепа, разлетались горящими щепками ребра, кости рук, ног поленьями падали на землю, превращались в угли. И среди этого дикого зеленого пожара стоял Салливан. Застыв черной мрачной фигурой, он ждал, пока все кончится.

– Жги, Брайан, жги! – прошептал отрывисто Ардан, как замороженный следя за битвой.

И не выдержав, заразившись боевым азартом, заскочил к нам на стол. Под его пальцами засияли ослепительно-белые руны, которые сорвались раскаленным добела пламенем. Изумрудные и белые языки огня переплетались, крушили мертвую армию. Через миг оставшиеся четверо парней были с нами. Кобальтовый огонь Игана, желтый огонь Олила, рыжий – Каса, пурпурный – Нолана за десять секунд испепелили последних мертвецов.

– Вот теперь все, мистер Салливан, – произнес я, соскочив со стола и пройдя мимо некроманта по жаркому еще пеплу.

– Руари...

– Я знаю, где ваш дом. Я к вам еще зайду. Я серьезно – вы можете здесь остаться на год. Если не будете звать Ее... Отсидеться в нашей «глуши», отдохнуть от своих дел.

Я подошел к менгиру. Золотые искры окутали «Павшего воина», изгоняя последнюю мертвенную тьму. Махнул парням, что можно уходить. Чуть задержался, смотря на некроманта. Тот задумчиво курил, наблюдая за мной, потом едва заметно кивнул.

– Добро пожаловать в Клонмел, мистер Салливан.

Надежда Трофимова Когда наступит Рагнарёк

Своды огромного зала скрывались в темноте, она же клубилась и по углам, пряча от посторонних глаз стены, заставляя поверить, что их может и не быть вовсе. Хотя посторонних тут не было. Только молодая стройная женщина с черными длинными косами, змеящимися по серому платью, неподвижно стояла перед столом, занимающим почти весь центр зала, и с напряженным вниманием всматривалась в бледные огоньки, горящие на его поверхности. Огоньков было много, они двигались по столешнице, образуя то ли узоры, то ли руны. Женщина будто читала их и хмурилась.

Дверь за ее спиной открылась без стука. Нараспашку. И в зал уверенной походкой вошел мужчина, высокий, красивый, с огненно-рыжими волосами, перехваченными кожаным ремешком. В руках он держал мертвого сокола.

– В прошлый раз была сорока! – громко произнес он, разрывая своим звучным голосом гулкую тишину этого мрачного места.

Женщина оглянулась через плечо, и на ее бледном лице расцвела улыбка.

– Сокол быстрее, – объяснила она.

Мужчина засмеялся и отбросил птицу в сторону.

– Так соскучилась по мне?

– Я всегда по тебе скучаю, – она дернула плечом. – Тут место такое... Сам видишь. В общем-то, поэтому ты сюда так редко заходишь.

– Но я всегда прихожу по первому твоему зову. В отличие от всех прочих мест. И других зовущих.

– Я знаю, отец.

Она подошла к нему, крепко обняла. Он расцеловал ее в обе щеки и с любовью всмотрелся в лицо. Красивое, с правильными тонкими чертами, явно унаследованными от него, но обезображенное посеревшей кожей с одной стороны. Впрочем, отца этот недостаток ни капли не смущал.

– Что случилось, Хель?

Она, взяв его за руку, подвела к своему столу.

– У меня пропадают подданные, – сказала она. – И я хочу, чтобы ты помог мне в этом разобраться.

– Как так – пропадают? – вообще-то Локи, бога огня и обмана, удивить было непросто. Но дочери, хозяйке Нифлхеля, царства мертвых, кажется, это удалось.

– Это началось уже давно, – стала рассказывать Хель. – То один пропадет, то другой. Сам понимаешь, приходящих каждый день довольно много, не сразу заметишь. Но я заметила. Подумала: ладно, кто-то решил побаловаться, с судьбой поиграть, не выиграет же все равно. Что толку искать, наказывать? Наоборот – пусть попробует стать героем. В песни попадет. Чем плохо? Решила посмотреть, что выйдет. Да только они все больше пропадать стали. А возвращаться – не возвращаются. Последнее время так и вовсе исчезают целыми группами. Смотри, – она указала отцу на темное пятно на столе. – Вчера были, сегодня нет. Куда делись, не знаю. И вот еще...

– Мидгардцы? – уточнил он, всматриваясь в линии, напоминающие очертания знакомых земель из Срединного Мира.

– Да. Причем, кажется, все из одного места. Видишь? Завелся там, видимо, какой-то колдун, который умеет вытаскивать людей из моего мира обратно.

– Беда... – протянул Локи, недовольно скривив рот.

Дочь внимательно за ним следила.

– Сходи туда, – не дождавшись ответа, попросила она. – Посмотри, что происходит. Нет ли в этом какой-то серьезной угрозы нашим мирам. Я б пошла сама, но ты же знаешь, Один запретил мне покидать пределы моего царства. А тебе все дороги открыты.

Локи отвел взгляд, шумно выдохнув. Напоминание об ограничении, наложенном на дочь, было ему до сих пор неприятно, в особенности тем, что он ничего не смог изменить, несмотря на все свое красноречие.

– Схожу, посмотрю, – наконец кивнул он. – Может, даже наваляю им. Нечего у моей дочери отбирать то, что принадлежит ей по праву.

Хель засмеялась – тихо, шелестяще.

– Я всегда знала, что могу на тебя рассчитывать, папа.

– Пользуешься моей слабостью, – усмехнулся Локи. И, потрепав ее по плечу, быстро пошел к выходу. – Я скоро вернусь, не скучай! – Взмахнул на прощание рукой.

Хель улыбнулась отцу вслед, но лишь только тяжелая дверь закрылась за ним, улыбка на ее лице потухла. В зале снова стало темно и тихо. Царство мертвых погрузилось в свою стылую дремоту, а его повелительница опять взгляделась в огоньки. Несколько прибавилось, а вот и еще несколько погасло...

Мидгард встретил бога огня низкими серыми тучами и промозглым дождем. Даже не дождем – изморосью, висящей в воздухе, поджидающей незадачливых путников, чтобы накинуться и в один миг пробраться под одежду. Локи недовольно передернул плечами. Вот если бы с ним сейчас был Тор, можно было бы подговорить его стянуть все эти тучи вместе, устроить бурную грозу и через полчаса уже наслаждаться чистым небом и свежим воздухом. Бог грома затяжные дожди не жаловал.

Локи над небесной стихией властен не был и потому просто потрянул головой. Его рыжие волосы распушились и вдруг стали самым настоящим огнем, отгоняющим, потрескивая, мерзкую морось от хозяина. Шагал бы рядом Один, он бы на это лишь укоризненно покачал головой, словно Локи не побратим ему, а расшалившийся сын или даже внук. Только вот прогулки их по дорогам миров Иггдрасиля, кажется, остались в прошлом. После того, как вёльва изрекла свое предсказание, Один решил, что хватит с него беспечностей, взвалил на себя обязанности верховного бога и исправно их выполнял. А если и ходил куда-то, то никого в известность о цели своих походов не ставил. Локи не обижался: он и сам не любил посвящать всех в свои дела. Но все ж таки было немного жаль. Локи с некоторой грустью признался себе, что такие мелкие шалости не доставляют радости, если некому их оценить.

Когда впереди показались очертания людского жилья, Локи погасил огонь в волосах, подвязал их снова ремешком и накинул сверху капюшон, тяжелый от накопившейся влаги. К воротам он подошел уже изрядно промокшим и иззябшим путником, мечтающим лишь об одном: чтобы пустили погреться. Чуть позже, сидя в таверне и потягивая глэгг (который был неплох, но со щепоткой Льесальвхеймских трав из заветного мешочка с пояса стал еще вкуснее), Локи прислушивался к разговорам.

Если чутье бога не подвело, он должен был оказаться как раз неподалеку от места, откуда прибыла к дочери недавняя группа мертвецов.

Нифльхель ведь мир несамостоятельный: люди в нем не рождаются и по доброй воле редко туда приходят. И местность в нем хоть и выглядит диковинной из-за мрака и какой-то унылости, разлитой в воздухе, однако же является не чем иным, как точным слепком с живых миров. Вот тот же Мидгард. Кто здесь помер в каком-то извилистом фьорде или долине, тот и в Нифльхеле окажется в таком же месте. Стало быть, Локи мог точно сказать, что пропавшие мертвецы некогда окончили жизнь где-то в этих краях. Но где они объявились после

того, как покинули владения дочери, он даже и представить не мог. Посему решил пойти самым очевидным путем: навестить их родные места и послушать, что говорят живые.

Говорили мало. Локи даже на мгновение показалось, что он перепутал миры и попал в Нифльхельскую тень мидгардской деревни: так сумрачен был дух, витавший над столами в общем зале таверны. Но нет, люди просто были чем-то удручены. Сидели, свесив носы каждый в свою кружку, и перебрасывались ничего не значащими фразами сквозь зубы. Похоже, он все-таки пришел, куда надо. Ведь если что и может нагнать тоску на посетителей питейного заведения, так только непонятные и страшные дела, творящиеся в округе.

Поняв, что незаметно подслушать ничего не удастся – обсуждать то, что их угнетало, люди не спешили, – бог огня перешел к активным действиям. Огляделся, оценивая посетителей, признал, что самым толковым тут, как и следовало ожидать, будет хозяин – немолодой уже, с крупными, грубо вылепленными чертами лица и зорким взглядом из-под густых бровей. Такие, как правило, не упускают возможности побалакать с незнакомцами, узнать новости из других мест да послушать разные небылицы – собственно, затем и открывают они трактиры: любопытства много, а страсти к путешествиям не хватает. Ну, и сами поговорить не дураки, умному путнику не составит труда узнать последние местные вести. Локи считал себя умным. И пошел к стойке за новой кружкой глэгга.

– Погодка нынче собачья, – пожаловался бог огня, чтобы как-то завязать разговор, – никак согреться не могу.

– Это да, – согласился трактирщик, подавая гостю напиток.

– Давно?

– Чего «давно»?

– Погодка такая?

– Да второй день, кажись, – человек равнодушно передернул плечами. Неразговорчивый. Странно, обычно Локи в людях не ошибался.

– А я уж думал, что давно, – хмыкнул Локи. – Накрыло вас, обложило тучами да моросью, вот вы и тоскуете тут, плесенью покрываетесь.

Трактирщик кинул на него недовольный взгляд. Ага, задел, значит, все-таки.

– Я ж ведь много хожу по миру, много чего повидал, – как ни в чем не бывало продолжил бог огня. – А вот так, чтобы прийти после долгой дороги в трактир в поисках отдыха не только для ног, но и для души в веселой компании, да думать потом, а не перепутал ли его с погостом, – это со мной впервые.

Трактирщик заметно дернулся при слове «погост» и боязливо оглянулся. Словно ожидал, что из темного, покрытого паутиной угла вдруг выскочит мертвяк.

– А ну как правда надо было мне на погост сразу отправляться... – тихо и задумчиво добавил Локи, внимательно следя за лицом собеседника, – там бы нашел себе развлечение...

– Да тише ты, – шикнул наконец человек. – Не говори здесь так.

– Да шучу я, – поднял руки бог огня. – Натура у меня такая: одни шутки на языке вертятся, а язык-то без костей. Мне уж и рот пытались зашить, а все одно не помогло... Ну да не о том речь, – прервал он сам себя и обеспокоенно нахмурился (почти без притворства). – Случилось у вас здесь чего?

– Случилось... – кивнул трактирщик и, быстро оглянувшись по сторонам, наклонился над стойкой ближе к собеседнику и быстро прошептал: – Нет у нас больше погоста.

– Как так – нет?

Человек развел руками.

– Что ж за деревня без погоста? Где ж вы своих мертвых хоронить будете? Или вы нашли ход в сады Идунн и теперь, как боги, не будете стареть?

– Тише, – еще раз шикнул трактирщик. – Я тебе расскажу, – и пальцем поманил, мол, наклонись поближе, чтоб не орать на весь зал.

Локи лег грудью на стойку.

– Два дня тому это случилось, – шепотом заговорил местный. – До того – так здесь весело было. И пили, и пели, и морды били, даже плясали иногда. А потом вдруг пришел этот человек.

– Какой?

– Поди его пойми, какой он. Никакой. Не молодой, не старый, не высокий, не низкий, не толстый, не худой. Никакой. И одет тоже никак.

– Голый, что ль?

– Да не! Голого бы кто пустил сюда! Просто... ну... – трактирщик помахал руками. – Вот по тебе видно, что ты странник с юга и что деньжата у тебя хоть и водятся, да не всегда.

Локи глянул на свою ярко-зеленую рубаху, выглядывающую из-под выдавшей виды куртки из кожи хорошей выделки (его обычный вид для мидгардских путешествий) и качнул головой: значит, правильно он выбрал себе рассказчика, наблюдательный человек.

– А тот был – никакой. Что-то темное на нем, то ль богатое, то ль заношенное – не разбираешь. Приехал он к нам на своей повозке. Мы-то думали, как обычный человек, вот как ты, к примеру, зайдет в трактир, выпьет с дороги. А он первым делом спросил, большой ли у нас погост.

– Ишь ты! – округлил глаза Локи.

– Да погоди ты удивляться! – Трактирщик уже вошел во вкус и говорил теперь с явной охотой. – Мы-то тоже удивились тогда, но подумали, мало ль, у него в дороге кто помер и в повозке лежит. А добрый человек не захотел хоронить его среди леса или поля, к другим людям отвез, чтобы, значит, все, как положено, справить. Ну, повели его. Показали. Мол, немаленький погост, да место найти можно. А он аж затрясся, говорит: оставьте меня тут одного, я вас всех спасать буду.

– От чего? – Теперь Локи удивился по-настоящему.

– Вот и мы тоже спросили. Он нам и объяснил. Грядет Рагнарёк. А в Рагнарёк что предсказано? Войско мертвых поднимется! Под предводительством загробной владычицы пойдут на мир богов и людей те, кто некогда сами добрыми людьми были. А он, оказывается, нашел способ вернуть мертвых с того света. Чтобы, значит, они не царице Хель служили, а нам всем. Удивлен? Вот как оно...

«Удивлен» – вовсе не то слово, что могло бы описать состояние Локи. Ошарашен, потрясен до глубины души, сбит с толку. И кто? Бог огня и обмана! Услышавший от простого смертного то, о чем в городе асов и говорить-то боялись. И не без причины: после того, как сумасшедшая вельва произнесла свое пророчество, слишком многое переменялось, и те, кто раньше были друзьями, нынче глядели друг на друга с подозрением. И хотя Один и говорил побратиму, что не верит, будто тот сможет пойти против богов, и хотя Локи сам не хотел в это все верить, все же, все же...

– Погоди, – поднял ладонь бог огня. – Я слышал пророчества о Рагнарёке. Но он же еще не скоро. Бальдр должен умереть. Локи... должны поймать и привязать к скале... – Он все же не сдержался и вздрогнул, как всякий раз, когда приходилось вспоминать это предсказание. – И потом... Через три холодные зимы...

– Так вон сам же сказал, – ответил ему человек, – погодка-то не задалась. Уж две зимы жестокие пережили, да и лето теплом не балует давно. Это, что ль, летнее тепло? – он кивком указал в сторону входной двери. И Локи был вынужден с ним согласиться. Теплом за дверью и не пахло.

– Но Бальдр жив, – возразил он. – И Локи...

– Откуда ты знаешь, человеке, что у них там творится? – с грустью вздохнул трактирщик. – Пророчества в незапамятные времена были сделаны. Когда еще боги являлись людям. С тех пор столько воды утекло. Не приходят они больше в Мидгард. Откуда ж нам знать,

может, они и впрямь собирают там рати, готовясь к последней битве. А значит, и нам надо готовиться...

Локи сглотнул. Открываться ему не хотелось, а больше возразить было нечего.

– И что, – только и спросил он, – человек этот на погосте стал делать?

– Да мы не видели. Выгнал он нас. Сын кузнеца, средний, пролез туда меж кустов подсмотреть, да только когда вернулся, двух слов связать уже не мог. До сих пор трясется. Оно и немудрено. Целый погост мертвецов встал.

– И что ж?

– Да ничего ж. Сперва кое-кто из живых-то обрадовался. Особенно кто недавно схоронил родителей, или супруга, или детишек. Да только... Вернулись в наш мир, а не живые они. Не говорят, не делают ничего. Не помнят!

– Где они теперь?

– Да где ж им быть? На погосте и есть. Дождь им не страшен. Еда без надобности. Ходят там целыми днями. Стонут о чем-то... А точно и не знает никто – умом никому неохота трогаться.

– А колдун? Который их поднял, куда он делся?

– Так поднял и уехал, – человек пожал плечами, словно это было само собой разумеющимся. – Только и видали его. А куда – ни слова про то не сказал, да и не спрашивали. Разговаривать с таким...

– Сторону-то можешь показать, куда поехал? – спросил Локи.

– А тебе зачем?

– А чтоб в другую пойти.

Трактирщик с недоверием посмотрел на него, и бог лжи ухмыльнулся.

– Словом хочу с ним перекинуться. Недобрым.

– Вот теперь верю, – кивнул человек. – Через Грязные ворота ушел. С пути вряд ли свернет: повозку-то не бросит, у него в ней весь его колдовской скарб, а с повозкой там только одна дорога. По ней и иди. Ежели не боишься.

– Не боюсь, – честно ответил бог обмана. – Видывал я на своем веку всякого немало. И мало что меня смогло напугать. Уж человека, достающего мертвяков из-под земли, точно не напугаюсь, а вот пару ласковых ему скажу.

– Скажи уж, скажи, – кивнул трактирщик. – А то не по-человечески это как-то. Возвращать тех, кто уже ушел. Да добро бы нормальными вернул, а так – только слез больше лить.

– Скажу, – кивнул Локи.

– Спасибо, добрый человек.

– Тебе спасибо. Да будет твой глэгг на двадцать лет лучшим в округе!

– Эх... – трактирщик махнул рукой. Глэгг сейчас интересовал его меньше всего.

А Локи улыбнулся. Авось вспомнит через несколько лет, когда услышит в сотый раз от очередного постояльца, что ничего вкуснее тот не пил в жизни. Может, и сообразит тогда, кто именно к нему приходил. А может, и не сообразит. Может, и не доживет. Если он, Локи, не разберется немедленно с творящимися тут безобразиями.

Перед отъездом Локи все-таки завернул на погост, полюбопытствовать. Увиденное его не порадовало, правда, и больше не огорчило. Поднятые мертвяки и впрямь сидели тихо, ничего не делали, слонялись туда-сюда по своей огороженной земле. Локи попробовал глянуть на них взором божества, но ничего интересного, кроме обветшалой плоти, не нашел. Ни огня, который бы помог ему, ни какой-то другой силы в них не было. Не живые. И не мертвые. И никто над ними не властен.

Локи оглянулся на крыши деревенских домов, проглядывающие меж густых ветвей. Вот там жизнь. Там тепло. Огонь горит в каждом очаге и собирает вокруг себя людей, у каж-

дого из которых внутри тоже что-то горит: любовь, ненависть, зависть, желание помогать или утешать... Такие простые чувства, которые всегда так интересовали любопытного бога.

Он коснулся рукой ветки, чуть выбившейся из плетня, словно непокорная прядь из косы первой красавицы. И ветка тихо затлела.

– Если они вдруг захотят пойти, – шепнул ей бог огня, – ты знаешь, что делать.

А сам перекинулся птицей и помчался нагонять колдуна.

Конечно, будь он благочинным и благоразумным, сейчас держал бы путь в Асгард. К побратиму. Тот, мудрейший и любопытнейший из асов, наверняка придумал бы, как быть, ибо в своих странствиях чего только не повидал. Возможно, и с колдунами, возвращающими мертвяков с того света, встречался где-то в далеких краях. Но что еще вероятнее, заслышав такие тревожные вести, Один перво-наперво собрал бы тинг богов, начали бы решать, как поступить с такими непотребствами... Кто-то захотел бы пойти в Мидгард и показать смертным, каково это – заигрывать с богами. Кто-то – решить мирно и сделать вид, что ничего не было... При этом наверняка кто-нибудь напомнил бы об отпрысках Локи, и отправились бы все проверять, прочна ли цепь Фенрира, не собирается ли просыпаться Ёрмунганд, да и про запрет для Хель выходить из своего царства упомянули бы не раз и не два. Случись так – и закончится все перебранкой, после которой Локи захочется кого-нибудь убить. Собственно, у него уже при одной мысли о такой вероятности кулаки зачесались. Поэтому бог огня решил не искушать судьбу и разобраться со всем самому. А потом и Одину можно попенять будет: не досмотрел, что его любимые смертные творят!

Колдуна, поднимающего мертвых, Локи нагнал во втором селении. Точнее, даже обогнал на подъезде к нему. Впряженная в повозку старая кляча, худая настолько, что казалось, и она принадлежит не к миру живых, еле-еле тащилась по размокшей от непрекращающегося дождя дороге. Колдун, сгорбившись, сидел на козлах, опустив капюшон замызганного плаща чуть ли не до подбородка, то ли спал, то ли просто, жалея животину, мирился со скоростью езды.

Локи этому порадовался и припустил вперед.

На всякий случай, в селение он вошел под другой личиной. Не рыжим статным красавцем, а черноволосым, тощим и словно чем-то сильно обиженным юнцом. Добрался до местной корчмы, спросил эля, стал ждать. Лучше сначала все же посмотреть со стороны да понять, что этот наглый смертный из себя представляет, а потом уже и планы строить.

Колдун приехал на закате. Как и рассказывал вчерашний трактирщик, попросил сразу показать ему погост, чем вызвал немалое смятение в народе. Локи в числе прочих зевак пошел следом за ним.

Остановившись у ограды погоста, колдун вдохновенно вещал. О том, что нынешняя холодная погода – не что иное, как предреченная Великанская Зима, Фимбулвинтер. Что остается всего лишь меньше года до Рагнарёка. И что надо дать отпор собирающимся силам зла. То есть отобрать армию у владычицы Нифльхеля. И он-де, колдун, владеет искусством, которое оградит местных людей от войска мертвых, обернув его им же на защиту. И за обряд он не потребует иной платы, кроме краюхи хлеба себе, да козла, которого надобно будет принести в жертву.

Народ зашептался, не то непонимающе, не то испуганно. Рагнарёка боялись все, армии мертвецов, которую приведет Хель, – тоже. Однако в то, что восставшие из-под земли покойники смогут защитить тех, с кем рядом когда-то жили, мало кто верил.

Локи молчал. Хотелось ему, ох как хотелось что-нибудь сказать, но еще больше хотелось поглядеть на самого колдуна: как и что он делать будет. Трактирщик был прав: никакой. Возраста не понять. Сословия тоже. Одежда заношена донельзя, не следит он за ней. Да и за собой не следит. Пегие волосы и борода сбились в колтуны, в которых застряла какая-

то грязь – крошки еды, что ли? Да и ест он, поди, тоже мало и кое-как – вон какой тощий. Одни глаза только и сверкают. «Не шарлатан, – понял Локи. – Чокнутый. В самом деле верит в то, что делает». Как поверил? С чего? Кто пустил такую сплетню, что Рагнарёк близится? Бог огня в Мидгард наведывался частенько и сбором всяких слухов, особенно касающихся богов, не брезговал, а иные, красивые, сагами и висами называемые, даже запоминал, чтобы потом на пиру в Валаскьяльве спеть да заткнуть за пояс Браги, которому подобное и в голову не взбредет. Однако о Гибели богов слышал он мало – в основном перепевки старых песен о том, что это случится когда-то... Не в нынешние времена. И тут – на тебе. Кто-то в эти бредни уверовал, да еще и научился специально мертвяков оживлять, дабы не позволить сбыться пророчеству!

Признаться, Локи немного расстроился. Фанатиков он не любил, потому как не понимал. Он надеялся, что под видом колдуна ходит какой-то ловкач-мошенник, который, прикрываясь старыми сказками, проворачивает свои делишки. Также темные и нехорошие, требующие божественного вмешательства. Но с таким типом Локи скорее бы нашел общий язык. Может, даже помог бы ему в итоге, узнав, чего тот на самом деле хочет. Уважал он все-таки смелых пройдох, не боящихся бросить вызов судьбе. Но тут... Такой блеск глаз, может быть, можно подделать для смертных. Но не для бога. Что делать с этим колдуном, Локи не имел ни малейшего понятия. Убить разве что. Но убивать просто так богу обмана было неинтересно. Прямо хоть в самом деле идти в Асгард, к побратиму, пусть сам уговаривает... И в очередной раз Локи решил с этим повременить.

Колдун отправил людей в деревню с наказом ждать там, не мешать священнодействию, и те повиновались. Локи незаметно отделился от толпы и пошел за колдуном.

Оставшись один, человек первым делом вооружился огромной палкой и стал что-то чертить по всей земле погоста. Что именно – Локи из его укывища видно не было. Покончив с этим, колдун достал кайло и пошел вдоль надгробий, что-то выстукивая на них.

Локи все же не удержался от любопытства и, когда человек отошел на другой край погоста, вышел посмотреть. Оказалось, колдун сбивал охранные руны, запечатывавшие выход в этот мир. Но новых никаких не оставлял, кроме тех, что начертал на земле. Локи обнаружил, что стоит на одной из линий, и еще раз попытался понять, что ж они означают. Но с земли такие огромные руны прочесть было сложно, и, обернувшись филином, бог взмыл в воздух. Оттуда и наблюдал за действием до конца.

Колдун забил козла, его кровью окропил нарисованные на земле открывающие руны. Тушу разделал и голову на палке воткнул в центре погоста, после чего запел заклинание на явно нездешнем языке.

С изумлением и отвращением смотрел древний бог на то, как сумасшедший смертный применяет чужую и чуждую магию, вызывая из-под земли давно упокоенные там останки. Оные же, вылезая на свет, обретали некую зыбкую плоть, не позволявшую костям рассыпаться. И стягивались к центру погоста, где был колдун.

– Землей, по которой вы ходили, в которую вас положили, из которой вы восстали, заклинаю вас – защищать ее и тех, кто был вам дорог и кто ходит до сих пор по ней, от тех, кто земле этой не принадлежит и придет в грозный час нарушить порядок жизни! – громовым голосом провозгласил колдун.

Мертвые не ответили. Вообще никак не подали виду, что вняли его призыву. Постояли рядом и стали разбредаться по погосту. Поняли ли они, зачем их вызвали? Подчинятся ли воле смертного? Не пойдут ли бесчинствовать? Все ж при жизни они все были мирными селянами, оружия в руках не державшими – потому-то и попали в царство Хель. Бог огня ответов на эти вопросы не знал. Дочку бы сюда, она, наверно, разобралась. Но ей путь в миры живых заказан...

Колдун тем временем закончил, неспешно собрал свой нехитрый скарб и отправился в деревню, просить ужин да ночлег. Локи же, все еще филином, отлетел чуть подальше и, опустившись на прогалинке среди густого леса, вернул себе человеческий облик и запалил небольшой костерок, чтобы с комфортом подождать утра и подумать, что со всем этим делать. Происходящее нравилось Локи все меньше и меньше.

«Надобно это прекратить», – рассуждал он, наблюдая, как искры с треском поднимаются в сырой холодный воздух. Рассудка после увиденного на погосте, в отличие от глупых смертных, бог не потерял, но неприятное тягостное чувство, так не свойственное его веселой натуре, отравляло. Прекратить надо было – даже не для того, чтобы вернуть дочери то, что ей принадлежит по праву. Просто потому, что нельзя нарушать положенный порядок вещей в мире. Сейчас простые смертные начнут возвращать мертвых, потом научатся повелевать жизнью и смертью, что ж богам-то тогда останется? Так и Рагнарёк в самом деле произойдет. Хотя, конечно, не его это обязанности: есть Тор, покровитель Мидгарда и защитник смертных, есть Один, который, как верховное божество, вообще должен заботиться обо всем. Есть прочие боги и богини, ревностно следящие, чтобы людям жилось неплохо. А он, бог огня и обмана, всегда следил за тем, чтобы жизнь не казалась слишком пресной. И тут – на тебе, кто-то пытается у него это право отнять! Да и Рагнарёк этот... Кому, как не Локи, разбираться со всем, что с ним связано?

Только вот что сделать? От колдуна избавиться? Это-то проще простого – убить, и вся недолга, а потом найти способ, как возвращенных мертвых отправить обратно. Тут хочешь не хочешь, придется обратиться к Хель. Надо только найти способ обойти наложенный на нее запрет покидать пределы Нифльхеля. Совершенно необоснованный, на взгляд Локи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.